

ГРИГОРИЙ ГОРИН

Издательство
„Искусство“
Москва
1970

*Издательство
"Искусство
Москва
1970*

РАССКАЗЫ,
МОНО-
ЛОГИ,
СМЕШКИ,
ПЬЕСЫ

ГРИГОРИЙ ГОРИН

ХАРЦО!

793
Г69

8-1-6
88-70

Почему повязка на ноге?

Есть такой анекдот.

Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога.

— Что у вас болит? — спрашивает доктор,

— Голова, — отвечает больной.

— А почему повязка на ноге?

— Сползла...

Я как-то рассказал этот анекдот, сидя в гостях у знакомых. Просили рассказать что-нибудь смешное — вот я и рассказал.

Все засмеялись.

Только пожилой мужчина, сидевший за столом напротив, как-то странно посмотрел на меня, задумался и затем, перегнувшись через стол, сказал:

— Простите, я, вероятно, не понял... У больного что болело?

— Голова.

— А почему же повязка на ноге?

— Сползла.

— Так! — грустно сказал мужчина и почему-то вздохнул. Потом он снова задумался.

— Не понимаю! — сказал он через несколько минут. — Не улавливаю здесь юмора!.. Давайте рассуждать логически: ведь у больного болела голова, не так ли?

— Голова.

— Но почему же повязка была на ноге?

— Сползла!

— Странно! — сказал мужчина и встал из-за стола.

Он подошел к окну и долго курил, задумчиво глядя в темноту.

Я пил чай.

Через некоторое время он отошел от окна и, подсев ко мне, тихо сказал:

— Режьте меня — не могу понять суть анекдота! Ведь если у человека болит голова, на кой же черт ему завязывать ногу?

— Да он не завязывал ногу! — сказал я. — Он завязал голову!

— А как же повязка оказалась на ноге?!

— Сползла...

Он встал и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Ну-ка выйдем! — вдруг решительно сказал он . —
Поговорить надо!

Мы вышли в прихожую.

— Слушайте, — сказал он, положив мне руку на плечо , — это действительно смешной анекдот или вы шутите?

— По-моему, смешной! — сказал я.

— А в чем здесь юмор?

— Не знаю, — сказал я. — Смешной, и все!

— Может быть, вы упустили какую-нибудь деталь?

— Какую еще деталь?

— Ну, скажем, больной был одноногим?

— Это еще почему?!

— Если считать возможным, что повязка действительно сползла, то она, проползая по всему телу, должна была бы захватить обе ноги!.. Или же это был одноногий инвалид...

— Нет! — решительно отверг я это предложение. — Больной не был инвалидом!

— Тогда как же повязка оказалась на ноге?

— Сползла! — прошептал я.

Он вытер холодный пот.

— Может, этот доктор был Рабинович? — неожиданно спросил он.

— Это в каком смысле?! — не понял я.

— Ну, в каком смысле можно быть Рабиновичем?..
В смешном смысле...

— Нет , — отрезал я. — В этом смысле он не был Рабиновичем.

— А кто он был в этом смысле?

— Не знаю! Возможно, англичанин или киргиз...

— Почему киргиз?

— Потому что папа у него был киргиз и мама киргизка!

— Ну да , — понимающе кивнул он , — если родители киргизы, тогда конечно...

— Вот и славно! — обрадовался я. — Наконец вам все ясно...

— Мне не ясно, что же у больного все-таки болело!

— Всего хорошего! — сказал я, надел пальто и пошел домой.

В час ночи у меня зазвонил телефон.

— Это вам насчет анекдота звонят, — послышался в

трубке его голос. — Просто не могу уснуть. Эта нога не выходит из головы!.. Ведь есть же здесь юмор?!

— Есть! — подтвердил я.

— Ну. Вот и я понимаю... Я ж не дурак! Я же с образованием... Жене анекдот рассказал — она смеется. А чего смеется — не пойму... Это, случайно, не ответ армянского радио?

— Нет! — сказал я.

— Тогда просто не знаю, что делать, — захныкал он.

Он позвонил мне на следующий вечер.

— Я тут советовался со специалистами, — сказал он. — Все утверждают, что повязка сползти не могла!

— Ну и черт с ней! — закричал я. — Не могла так не могла! Что вы от меня-то хотите?!

— Я хочу разобраться в этом в вопросе, — сердито сказал он. — Для меня это дело принципа! Я на ответственной работе нахожусь. Я обязан быть остроумным!..

Я бросил трубку.

После этого он в течение нескольких дней звонил мне по телефону и даже приходил домой.

Я ругался, возмущался, гнал его — все безуспешно.

Он даже не обижался.

Он смотрел на меня своими светлыми чистыми глазами и бубнил:

— Поймите, для меня это необходимо... Я же за границу часто выезжаю... У меня должно быть чувство юмора...

Тогда я решил написать о нем рассказ.

Написать о человеке, который не понимает юмора.

О человеке, который таинственные законы смеха хочет разложить с помощью сухой таблицы умножения.

Свой рассказ я отнес в сатирический отдел одного журнала.

Редактор долго смеялся.

— Ну и дуб! — говорил редактор. — Неужели такие бывают?

— Бывают, — сказал я. — Сам видел.

— Что ж, будем печатать, — сказал редактор.

Потом он обнял меня и, наклонившись к самому уху, тихо спросил:

— Ну а мне-то вы по секрету скажете: что же у больного на самом деле болело?!

— Голова, — еле слышно произнес я.

— А почему же повязка на ноге?..

Я понял, что этот рассказ вряд ли будет напечатан.

Чем открывается пиво?..

Вечер. Суббота. Конец июля.

Мы сидим в номере гостиницы «Украина». Мы — это Наташа, Гизо, Виктор, Натан, Мила и я. Номер принадлежит Гизо. Каждый раз, когда Гизо приезжает в Москву поступать во ВГИК, он останавливается в этой гостинице, а мы, его друзья, вечерами собираемся у него в номере.

На столе — две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, вобла, батон хлеба, маслины, охотничья колбаса, сулугуни, транзистор «Банга», в котором звучит ансамбль электроинструментов под управлением В. Мещерина.

Все курят. Гизо спорит с Натаном.

— Я не понимаю, — говорит Гизо, — почему тебе не нравится «Мужчина и женщина»? По-моему, исключительно замечательный фильм. Ты не станешь отрицать, что операторски Лелюш там делает удивительные чудеса!

— А я говорю: пошлая картина! — Натан пускает колечки дыма к потолку, делает это он, надо сказать, мастерски. — Великолепная подделка... Обложка иллюстрированного журнала! Красиво, но к искусству не имеет никакого отношения!

— А я говорю, что это искусство! — Гизо сердито откусывает кусок колбасы. — Причем искусство интеллектуального порядка. Ты просто сноб! Всем нравится, поэтому тебе не нравится! А с цветом так никто никогда не работал... Я знаю, что если поступлю во ВГИК, — Гизо плюет через левое плечо, — то обязательно буду работать с цветом!.. Работать с цветом в нашей кинематографии еще ой как много надо!.. Я верно говорю, Мила?

— Верно! — соглашается Мила. — У Анук Эме в фильме дубленка красивая! Мне такую обещали достать!.. С белым мехом... — При этом она грустно смотрит на Виктора.

У Милы, все знают, есть две конкретные мечты: дубленка и Виктор. Пока, к сожалению, ни она, ни он ей не доступны.

— Вчера на ипподроме была выдача — шестьсот рублей, — задумчиво говорит Виктор. — Это от фаворита. Пришла такая темная лошадка по имени Гимнастика... Самое смешное, что я, дурак, думал о ней, но почему-то в последний момент не сыграл...

— Кстати, вчера в клубе МГУ выступал йог, — замечает Наташа, потом задумывается и добавляет: — Из Индии.

— Ну как? — спрашивает Мила.

— Ничего!.. Носом бокал шампанского выпил... Потом коньяку, но уже ртом... Забавно!

— Чушь! — решительно говорит Натан. — Я не верю в учение йогов... С точки зрения физкультуры это, может быть, и занятно, но все их философские выкладки — на уровне буквара...

Натан снисходительно улыбается. Мы тоже все снисходительно улыбаемся. Нам даже как-то неловко за йогов и за Наташу.

— Выпьем? — Виктор спрашивает всех и никого.

— Выпьем! — Мила соглашается раньше всех. — Пиво откройте кто-нибудь.

— А где открывалка? — Я вопросительно смотрю на Гизо. — У тебя есть в номере открывалка?

— Была где-то, потерял, — отвечает Гизо и сразу переводит взгляд на Натана. Гизо любит говорить с Натаном. Все любят говорить с Натаном. Натан много знает и даже как-то написал небольшую статью в журнал «Наука и религия», в которой с блеском опроверг Библию.

— Нет открывалки! — говорю я Миле.

— Возьми у дежурной по этажу, — просит Мила. — Пива хочется.

Пива действительно хочется. Я встаю, выхожу в коридор. В конце его за столиком сидит дежурная и вяжет шарф.

— Простите, у вас есть открывалка для пива? — спрашиваю я.

— В номере должна б ы т ь , — отвечает дежурная, не переставая вязать.

— В номере нет... Потерялась, очевидно...

— У меня тоже н е т , — говорит дежурная. — Спросите на втором этаже, в буфете...

Я спускаюсь на второй этаж. Буфет открыт, но в дверях стоит стул, обращенный спинкой к коридору. Это значит, что буфет закрыт.

— До шести мы! — кричит мне официантка. — Все! Мы до шести...

— Мне бы открывалку, — неуверенно говорю я. — Пиво открыть... Я сейчас же принесу...

— До шести мы! — снова кричит официантка. — Мы до шести! Ресторан до двенадцати...

Я вздыхаю и иду в ресторан. У входа в ресторан — очередь. Пожилой швейцар с бесцветным лицом прогуливается за стеклянной дверью. Я пробираюсь сквозь очередь, ловлю на себе недовольные взгляды и на ходу объясняю: «Мне на минутку, товарищи! На минуточку!..» Я стучу в стеклянную дверь. Швейцар смотрит на меня равнодушным взглядом и разводит руками.

— Мне на минуточку! — кричу я. — Мне только открывалку взять!.. Для пива!

Швейцар не понимает и всем своим видом дает понять, что понимать не хочет.

— На улице в палатке продают, — вдруг говорит мне кто-то в очереди.

— Что продают?

— Ну открывалки эти... Двадцать копеек штука.

Говорящий смотрит на меня ехидным взглядом. Видно, он сомневается, что мне нужна открывалка.

— Где эта палатка? — зло спрашиваю я.

— Здесь, за углом гостиницы...

— Спасибо! — говорю я, выбираюсь из очереди и выхожу на улицу.

На улице душно. Весь западный край неба одет черными тучами, точно свитером. Будет дождь.

Справа стоят несколько палаток. В них продают помидоры, огурцы, мороженое. Открывалок для пива нет. Очевидно, тот тип в очереди что-то напутал. Я прихожу метров сто вдоль улицы, потом останавливаюсь, поворачиваю назад.

Неожиданно возле меня тормозит такси. В нем — Валька Беляев. Он несколько пьян и с огромным чемоданом.

— Привет! — кричит он. — Ты чего здесь?

— Открывалку хочу купить... Для пива... А ты куда?

— Во Внуково... В Ялту лечу... Садись!

— Чего — садись?

— Садись, довезу по пути до какого-нибудь магазина... Там купишь эту штуку...

— Не, — отказываюсь я. — Меня ждут...

— Да садись! — Валька тянет меня за руку. — Дождь начинается...

Дождь уже начался. Тяжелые капли отбивают дробь по крыше машины. Мы едем. Валька много курит, много треплется. Рассказывает про свою красавицу жену, про сына-вундеркинда, который в полтора года уже умеет считать до десяти, про новую квартиру, которую он по-

лучил в Мневниках, про то, как ему все это осточертело и он решил махнуть на юг — отдохнуть.

Я слушаю и забываю про магазин.

— Минутку! — кричу я, когда мы выезжаем на Внуковское шоссе. — Куда ты меня, к черту, везешь? Я же пошел за открывалкой...

— В аэропорту достанешь, — уверенно говорит Валька. — В буфете... У меня полтора часа до вылета... Я так рад тебя видеть, старик...

Мы сидим в буфете аэропорта и пьем коньяк.

— Ты не понимаешь, как это страшно — разочаровываться в человеке! — кричит Валька и зло ерошит волосы. — Ты этого не можешь понять... Ты — холостой!.. А я влип! Она злая! Господи, почему она такая злая?! Она даже кошек не любит... А мне она пожелала, чтоб я умер!

— Разведись! — решительно говорю я. — Лучше сейчас, пока пацан маленький... Пока он считает только до десяти...

— Это все очень трудно! — Глаза Вальки полны слез. — Я ее люблю... Я всех люблю... Я — чокнутый!.. Слушай, полетим вместе в Ялту, а? Отдохнешь, загорись... Ну чего ты без толку в Москве болтаешься?

— Ты что, — смеюсь я. — Очумел? Меня там ребята ждут... И мама испугается...

— Дадим телеграмму! — говорит Валька. — Это ж здорово — так, не собираясь... Деньги есть, я одолжу...

Мы заказываем еще бутылку коньяку...

В Симферополе жарко и многолюдно... После выпивки и короткого сна в самолете немного болит голова. Пока Валька суетится в поисках такси до Ялты, я обхожу торговые ларьки, спрашиваю открывалку для пива. Нигде нет. Вернее, в одном есть, но нет сдачи с десяти.

— В Ялте купишь! — кричит Валька. — Поехали скорее, такси ждет...

В Ялту мы приезжаем совсем ночью. Останавливаемся у Валькиных родственников... усталые, засыпаем...

Первая неделя пролетает незаметно. Я почернел, похудел немного. Раздражает отсутствие необходимых вещей, но как-то выкручиваюсь: кое-что одолжил Валька, кое-что купил — плавки, рубашку, темные очки. Открывалку для пива не достал. Но ничего, не расстраиваюсь.

На пляже познакомился с продавщицей из местного универсама. Брюнетка, двадцать лет, зовут Ниной. Гово-

рит, что через несколько дней к ним в отдел поступят какие-то импортные открывалки-сувениры. Можно открывать пиво и носить на груди вместо значка.

С Ниной съездили в Гурзуф и Коктебель. Она очень славная и, по-моему, влюбилась в меня очень.

Однажды, когда мы с ней сидим в кафе «Магнолия», она вдруг начинает плакать и говорит: — Сегодня к нам поступили в продажу импортные открывалки... Теперь ты уедешь, да?

Я молчу. Мне, честно говоря, не хочется уезжать.

— Поедем в Одессу, — говорит Нина. — Там отец в пароходстве работает. У нас дом на двенадцатой станции... Вишни растут... Поедем... В Одессе открывалки для пива в любом магазине... — Она плачет сильнее. Я улыбаюсь, глажу ее волосы...

В Одессу мы приезжаем в конце августа.

Свадьбу устраиваем скромную: с Нининой стороны — пять-шесть родственников, с моей — я и поздравительная телеграмма от мамы. На свадьбе много пьем, пивные бутылки открывают ударом об стол.

Устроился на работу радистом на прогулочном катере. Кручу магнитофон, довольные туристы танцуют на верхней палубе. На мне — форменка, зарплата — восемьдесят рублей. Нина поступила в политехнический институт, получает стипендию. На жизнь хватает, во всяком случае, покупка открывалки для пива — не проблема.

Осенью тесть помог мне устроиться на теплоход «А. П. Чехов». Четырехпалубный гигант, ходит по международным линиям. В январе ушел на нем в Африку. В Александрии в порту белозубый арабчонок продает открывалки для пива. Симпатичные открывалки — фараон Рамзес с открытым ртом — для пробок. Не купил, пожалел валюту.

Потом ходили на Мадагаскар, потом в Индию. Наконец, совсем дальний рейс — в Японию. В Японском море наткнулись на горящий австралийский танкер, помогали тушить пожар. Мне не повезло, упал с мостика, сломал голень. Ко мне в лазарет приходил капитан танкера, жал руку, благодарил... Спросил, какой бы подарок я от него хотел получить...

— Ничего не надо, — величественно сказал я. — Вот разве что открывалку для пива...

Капитан послал двух матросов, обшарили весь танкер, открывалок не нашли... Обещал обязательно прислать из Австралии...

Весь июль провалялся во Владивостоке в больнице. Получил от Нины письмо — у меня родился сын. Назвали Сергеем. Значит, полное имя — Сергей Сергеевич. То же красиво...

В конце июля выписался из больницы, сел в самолет, полетел в Москву. В Домодедове в ларьке купил открывалку для пива, взял такси, поехал в гостиницу «Украина».

В номере Гизо все были в сборе: Наташа, Гизо, Натан, Виктор, Мила, стол, две бутылки водки, одна почти пустая, другая не распечатана, несколько бутылок пива, маслины, вобла, транзистор «Банга». Звучал ансамбль электроинструментов под управлением В. Мещерина.

— Здорово ребята! — кричу я с порога.

— Здорово, — приветствует меня Гизо. — Очень хорошо, что ты пришел. Ты только послушай, что здесь говорит Натан... Он говорит, что цветной кинематограф исчерпал себя в мировом кинематографе... А я говорю — никогда! Если я поступлю во ВГИК, — Гизо плюет через левое плечо, — то обязательно буду работать исключительно с цветом!..

— Ну и будет пошло! — говорит Натан и пускает колечки дыма к потолку. Делает это он по-прежнему мастерски...

— Вчера на ипподроме была выдача — пятьсот рублей, — задумчиво говорит Виктор. — Я, дурак, знал лошадей и не сыграл...

— Пятьсот! — ахает Мила и нежно глядит на Виктора. — Это же две с половиной дубленки...

— В МГУ еще выступает йог? — спрашиваю я Наташу.

— Недавно выступал, — говорит Наташа. — Ты был?

— Нет.

— А где ты пропадал?.. Что-то тебя не было видно...

— За открывалкой для пива ходил, — говорю я.

— Нашел? — заинтересованно спрашивает Мила.

— Нашел...

— Так чего ж ты тянешь? — возмущается Виктор. — Мы ждем, а он, оказывается, принес открывалку и молчит... Давай, давай, пива охота!..

Я долго шарю по карманам.

— Нет! — говорю я. — Нету ее... В такси, наверное, обронил...

— У дежурной попроси, — советует мне Гизо и тут же поворачивается к Натану. — Значит, по-твоему, Натан, и все, что делает Лелюш, — это тоже не искусство?..

— Сережа, миленький, принеси открывалку, — жалобно просит Мила. — Пива очень хочется...

Пива действительно хочется. Я встаю и выхожу из номера...

Только для вас!

В ресторане было сравнительно пусто.

Я сел за столик возле окна и стал ожидать официанта.

Он появился минут через пять, смерил меня оценивающим взглядом и заговорщически спросил:

— Будем кушать?

— Да, — сказал я.

— Понимаю, — сказал он. — Сделаем все, что можно.

— Спасибо, — сказал я. — Будьте добры, принесите мне пиво...

— Понял! — прервал он меня. — Холодное?

— Холодное.

— В бутылке?

— В бутылке.

— Сделаем! — сказал он решительно и подмигнул мне левым глазом. Подмигнул хитро и таинственно.

Этим подмигиванием он давал мне понять, что с пивом сейчас плохо. Пивоваренные заводы на ремонте. Во всем городе остались считанные бутылки пива, которые представляют огромную ценность для коллекционеров. Но для меня он достанет бутылочку...

— Еще я попрошу борщ, — сказал я.

Он побледнел.

— Улавливаю мысль, — сказал он, подмигнув на этот раз правым глазом. — Именно борщ?

— Да.

— Горячий?

— Хотелось бы...

— В тарелке?

— Именно!

— Со сметаной?

— Желательно.

— Сделаем, — шепнул он мне. — Не волнуйтесь! — И опять хитро подмигнул.

Этим подмигиванием он давал мне понять, что борщ — это тоже большая редкость. Повара их давно не готовят. Вместо того чтобы стоять у плиты, повара поголовно увлеклись игрой на мандолине и выступают с сольными

концертами. Единственный, кто еще варит борщ, — это секретный специалист, одна старушка под Полтавой. Специально для меня к ней вышлют самолет и привезут целую тарелку чудесного борща.

— На второе хотелось бы бифштекс с луком, — робко добавил я.

Официант заскрежетал зубами.

— Бифштекс в смысле «бифштекс»? — спросил он.

— Да, именно в этом смысле...

— Из мяса?

— Хорошо бы! А лук из лука!

Он задумался, закатил глаза, что-то обдумывая и вспоминая, потом решительно выдохнул воздух из груди и сказал:

— Сделаем!.. Для вас! — И торжественно прицелкнул языком.

Этим прицелкиванием он давал мне понять, что идет ради меня на очередную жертву.

Бифштексов давно никто не жарит. Все забыли, как это делается. Нужно организовывать специальную археологическую экспедицию, которая с помощью раскопок обнаружит культуру наших предков и, расшифровывая древние письма, обнаружит способ приготовления бифштексов. Придется подключать Академию наук, армию и, возможно, «Мосфильм».

Но для меня не жалко никаких затрат.

— Что-нибудь еще? — спросил официант.

— Достаточно, — сказал я робко. — Я и так задал вам столько хлопот.

— Ладно, — сказал он решительно. — Принесу вам через пять минут.

Он торжествующе посмотрел мне в глаза.

Этим взглядом он давал мне понять, что делает уже что-то сверхневероятное.

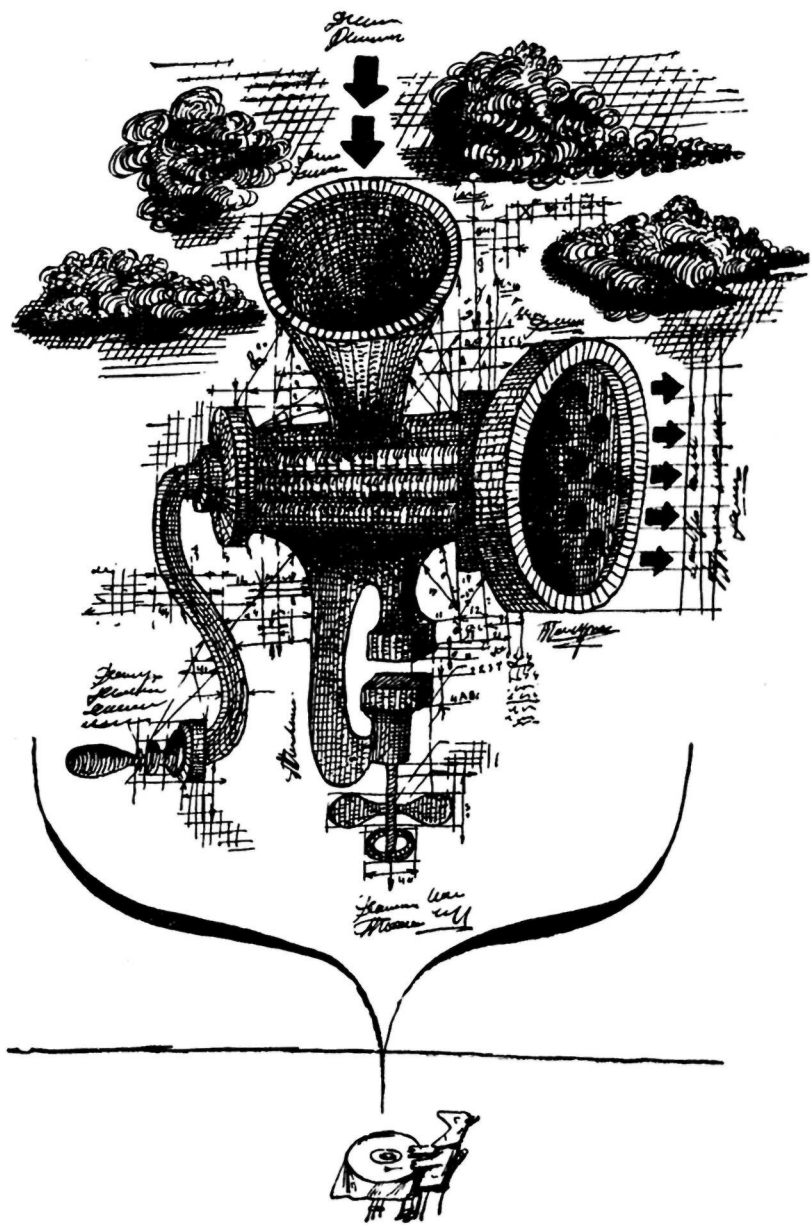
Люди ждут здесь годами, говорил его взгляд. Спят прямо на стульях. Изнывают от голода и жажды. В период ожидания обеда люди успевают влюбиться, пожениться, у них здесь рождаются дети. Дети подрастают и по меню учат азбуку. Потом они заказывают себе обед, ждут, и все повторяется сначала...

Я ел с полным сознанием оказанного мне доверия.

Потом я поднялся из-за стола.

— Просто не знаю, чем вас отблагодарить, — сказал я официанту.

— Ну, пустяки, — смутился он.

— Нет-нет, — запротестовал я. — Вы для меня столько сделали... Такое не забывается до самой смерти... Сколько с меня?

— Два рубля, — сказал он.

— Понимаю, — подмигнул я ему. — Для вас сделаем! Я протянул ему два рубля и пожал руку.

Этим рукопожатием я давал ему понять, что делаю для него тоже нечто особенное.

С деньгами сейчас трудно. Фабрики Гознака их мало печатают.

У меня в кармане они вообще большая редкость.

Обычно я ухожу не расплатившись. Меня потом ищут с милицией.

Но для него я готов пойти на любые жертвы и заплатить по счету...

До самого выхода он провожал меня глазами.

Очевидно, мы будем долго помнить друг друга.

Какая наглость!

Он был высокий и рыжий.

Потертая байковая рубаша с трудом размещалась на его необъятных плечах. Загорелые жилистые руки были спрятаны в карманах брюк и казались такими длинными, что, наверное, он мог почесать себе пятку не нагибаясь.

Непонятно, почему из всех прохожих он выбрал именно меня.

Очевидно, я ему чем-то imponировал.

Он преградил мне дорогу и, выдохнув облачко водочного перегара, хрипло сказал:

— Слушай, друг! Ты извини, такая неприятность у меня получилась. Мы тут с ребятами выпили, и я, понимаешь, пинжак потерял... Домой доехать не на что... Выручи, дай двадцать копеек на метро...

Я поспешно сунул руку в карман и достал мелочь,

— Уж дай сорок, — сказал он и грустно шмыгнул носом. — Мне с пересадкой ехать...

Я протянул ему сорок копеек и попытался пройти, но он по-прежнему загоразживал мне дорогу.

— Ты извини, друг, — сказал он, убирая мелочь в карман, — но такая ерунда получилась... Пинжак дома забыл...

— Ничего, ничего! Бывает, — посочувствовал я.

— Я тебе в понедельник верну, — сказал он. — Или нет, лучше в среду... В четверг у нас как раз получка...

— Да ладно, чего там, — отмахнулся я. — Как-нибудь отдадите...

— Нет, я человек точный, — обиженно сказал он. — Сказано — в пятницу, значит, в пятницу! Весь полтинник и верну...

— Сорок! Не полтинник, а сорок! — поправил я.

— Да?! Ну дай еще сорок тогда, для ровного счета... В субботу все и отдам!

— Возьмите еще двадцать копеек и больше не просите! — сказал я.

Он обиделся.

— Думаешь, я нищий? — спросил он. — Я не нищий! Я зарабатываю будь здоров!.. Даже стыдно просить... Вон аж вспотел весь... На, попробуй!

Он схватил мою руку и прижал ее к своему влажному лбу.

— Действительно вспотел, — подтвердил я.

— Ну вот, а ты говоришь... Дай-ка платок...

Я протянул ему носовой платок. Он вытер лоб и шею, потом высморкался в него.

— Я его тебе в воскресенье вместе с деньгами верну, — сказал он, засовывая платок в карман брюк, — Выстираю и верну... Ты не сомневайся... Дай-ка закурить...

— Пожалуйста, закурите и дайте мне пройти, — сказал я, протягивая ему сигарету. — Я очень спешу...

— Ладно, успеешь, — сказал он, разминая сигарету. — С фильтром нет?

— С фильтром нет! — рассерженно произнес я. — До свидания!

— Да постой ты! — сказал он и положил мне руку на плечо.

Его рука была непомерно тяжела; очевидно, поэтому у меня слегка дрогнули колени.

— Я вообще-то больной, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — В психдиспансере на учете состою. У меня припадки бывают! Я человека убить могу, а мне за это путевку в санаторий дадут.

— Нне понимаю, зачем вы все это мне рассказываете? — растерянно пробормотал я.

— Да так, к слову пришлось! — прохрипел он. — Дай еще рубль!

— У меня нет больше! — тихо произнес я.

— Ладно врать-то, — ухмыльнулся он и, ловко сунув руку ко мне в карман, вытащил бумажник.

— Во, гляди! У тебя здесь десятка! А говорил, нет! Стыдно обманывать!..

— Но она мне самому нужна! — запротестовал я.

— Да я те отдам в получку! — сказал он, забирая десять рублей. — Уж не хочешь помочь трудящему человеку! А между прочим, мы для вас, гадов, мосты строили!

— Какие мосты?

— Небось на книжке немалые деньги лежат...

— Что вам угодно? — крикнул я, беспомощно оглядываясь по сторонам.

Его глаза сразу стали бесцветными и злыми.

— Поори у меня! — зашипел он. — Я те сейчас нос откушу... У меня припадок начинается... Я больной на нервы!.. Меня в Склифосовском каждая нянька знает!.. А ну брысь с дороги!..

Он оттолкнул меня и, пошатываясь, пошел прочь.

Я пошел в другую сторону, вернее, не пошел, а побежал, потому что его толчок придавал мне определенную скорость. Моя душа раскалывалась от боли и обиды. Я был противен самому себе.

«Трус! Тряпка! — мысленно ругал я себя. — Каждый нахал может вытирать об тебя ноги! Тебя нагло обобрали, а ты и не пикнул! Задохлик! Слюнтяй! Плюгавый интеллигентик!»

Я мысленно бил себя кулаками по самым больным местам. Потом я бросил себя на землю и топтал ногами. Топтал долго, пока не вспотел.

Но у меня даже не было платка, чтобы вытереться.

И тогда я принял решение.

«Хватит! — сказал я себе. — Надо давать отпор наглости! Надо почувствовать себя человеком!»

Я круто повернулся и побежал назад.

Я метался по улице, вглядываясь в каждого прохожего.

Я заглядывал во все дворы и во все подъезды.

Я искал его.

«Где ты, рыжий нахал?! — мысленно орал я. — Выходи на честный бой! Я изувечу тебя! Няньки из Склифосовского тебя не узнают!» Я носился по улице как разъяренный зверь.

Прохожие испуганно шарахались от меня в сторону. Это только придавало мне силы.

И вдруг я увидел его. Увидел рядом, в двух шагах.

Он сидел за стеклянной стеной ресторана и пил водку.

На мои деньги.

Я толкнул дверь ресторана и вбежал в зал.

Я подошел к его столу и нагло сел.

Потом налил себе стакан водки и залпом выпил.

Потом закурил сигарету и стряхнул пепел ему в тарелку.

Он на меня не реагировал.

Он спал.

Сладко посапывал, подперев свою рыжую голову кулаком.

Я растерялся. Говорить ему что-либо в таком состоянии было бессмысленно. Я начал трясти его за плечо, но он мычал что-то бессвязное. Устав, я беспомощно опустился на стул.

— Напился дружок ваш! — сказала подошедшая официантка.

— Какой он мне друг?! — возмутился я. — Я его не знаю.

— Ну да, как водку вместе пить, так друзья, а как рассчитываться, так уже незнакомы! — сказала официантка. — Давайте, гражданин, платите по счету и везите своего приятеля домой!

— Но с какой стати?! — закричал я.

— Вы на меня еще покричите! — сказала официантка. — Я вмиг милицию кликну!

Официантка смотрела на меня презрительно и жестко. У нее был такой тяжелый взгляд, что у меня снова почему-то дрогнули колени. Я заплатил ей деньги, потом взвалил на себя этого рыжего парня и понес его к выходу.

Но по дороге, пока я тащил его к стоянке такси, я наконец высказал ему все, что о нем думаю...

Вы мне не доверяете?

Такси подвезло меня к высокому дому.

— Будьте добры, — сказал я водителю, — не выключайте счетчик. Я только на минуту зайду в это учреждение, а потом мы поедем дальше.

Водитель недовольно поморщился.

— Может, лучше расплатитесь? — спросил он.

— Да нет же, мы поедem дальше, — сказал я. — Что вы мне, не доверяете? Думаете, я убегу?!

— Ничего я не думаю, — сказал водитель. — Пассажиры разные: кто убегает, а кто и не убегает...

— Ах, значит, вы все-таки думаете, что я могу убежать?! Ну хорошо!.. Я оставлю вам под залог свою шляпу.

— Да бросьте вы, — обиделся водитель. — Зачем мне ваша шляпа? Я вам верю... Оставьте портфель и идите.

— Ах так? — вспыхнул я. — Пожалуйста, оставлю портфель... Только, с вашего позволения, я запишу номер машины.

— Вы что? — нахмурился водитель. — Не доверяете мне? Думаете, я удеру?!

— Ничего я не думаю, — сказал я. — Водители тоже разные: кто любит носить шляпу, а кто — портфель.

— Ах так! — сказал водитель. — Ну ладно! Записывайте номер: МТГ 40-20. Так-так-так! Только сначала покажите, что у вас в портфеле.

— Это еще зачем?

— Чтобы потом не было претензий!

— Пожалуйста! — сказал я зло. — Смотрите: у меня здесь бумаги, книги, электробритва.

— Электробритва работает или сломана?

— Что значит «сломана»? Пока она работает!

— Что значит «пока»? Я ее здесь включать не собираюсь.

— Кто вас знает! — усмехнулся я. — Вы как раз небритый. Лицо одутловатое. Глаза бесцветные. На левой щеке бородавка...

— Запоминаете внешность? — зловец сказал водителю. — Ну ладно! Я вас тоже не забуду! Нос картошкой. Глаза круглые. Уши разные... В левом зубе пломба...

— Ах, раз так дело пошло, — закипел я, — тогда уж давайте официально! Вот мои документы: паспорт, пропуск, свидетельство о браке. Берите! И знайте, что вы имеете дело с порядочным человеком. Давайте ваши!

— Пожалуйста! — сказал он. — Вот водительские права, профсоюзный билет...

— Справки с места жительства, конечно, нет, — отметил я.

— Нет, — сказал он.

— Ну ничего. Если надо — найдут!

— Вас тоже при необходимости вызовут...

— В случае чего пойдете по статье 47-й! — сказал я.

— А вы по 52-й, пункт «б», — сказал он.

Мы злобно посмотрели друг другу в глаза.

— Слушайте, — неожиданно сказал я. — Ну как же вам не стыдно?

— А вам?

— Мне стыдно за нас обоих! — сказал я.

— И мне! — сказал он и опустил глаза. — Забирайте свои документы...

— А вы свои...

— Портфель захватите...

— Спасибо, — сказал я. — И забудем ваш номер: МТТ-40-20.

— Забудем, — сказал он.

Мы ласково похлопали друг друга по плечу.

— Как я мог о вас плохо подумать? — удивился я. — У вас такое симпатичное лицо. Глаза серые. На щеке родинка.

— Вы тоже красивый, — сказал он. — Глаза большие. Уши чистые. За зубами следите...

— Я мигом вернусь, — сказал я.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я без вас буду скучать...

Мы нежно улыбнулись друг другу, и я вышел из машины.

Уже подходя к проходной, я обнаружил, что у меня нет пропуска.

— Вот негодяй! — подумал я. — Значит, на всякий случай оставил мой пропуск себе... Ну ничего!.. Не удержит... На всякий случай я проколол ему задние шины...

Убийца

Кирюша Лапенков, высокий худой юноша лет двадцати пяти, сидел в диетической столовой и обедал. Настроение у Кирюши было скверное. Мрачное было настроение.

Да и с чего, спрашивается, быть хорошему настроению у человека, болеющего гастритом, сидящего в душевной столовой и поедающего обед за пятьдесят три копейки в составе: суп овощной протертый, тефтели паровые с картофельным пюре, кисель молочный?

Какие мысли должна рождать в мозгу такая пища?

Грустные мысли. Протертые мысли. Паровые. Желеобразные. Бессолевы.

Но нет! Организм Лапенкова протестовал. И в тот момент, когда его желудок равнодушно принимал всю эту преснятину, мозг Кирюши вел активную, буйную деятельность. Мозг кипел. Он рождал острые, соленые мысли, мысли, пересыпанные перцем и аджикой, мысли шипящие и дымящиеся, как шашлык на шампуре.

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

1. Повар — сволочь! Протираешь овощи — протирай, но не до дыр!.. Сам небось харчо жрет!..

2. Участковый врач — халтурщик. Раз нашел у человека гастрит, так лечи. А он, кроме диеты, ничего не прописывает. За что им, коновалам, только зарплату повысили?

3. Председатель месткома Точилин — прохиндей! Не дал путевку в Кисловодск. У вас, говорит, товарищ Лапенков, всего-навсего гастритик, а у нас есть товарищи уже с язвочкой. Им путевочку в первую очередь надо. Мерзавец! На следующие выборы месткома не приду. В знак протеста!

4. Начальник отдела Корольков — убогий чинуша. И голос у него визгливый, как у бабы.

«Вы почему, товарищ Лапенков, не отправили запрос в Керчь по поводу трансформаторов?» — «Потому что забыл!» — «А зарплату вы получать не забываете?»

У, зануда! Тебе бы мою зарплату!

5. Сосед по квартире Рубинин — подонок и извращенец. Каждую ночь у него музыка орет и женщины повизгивают. Оргии устраивает! И хоть бы раз пригласил, каналья!

6. Лето нынче ужасное. Жара, духота! Говорят, солнечная радиация усилилась. Полысеем все к чертовой бабшке!

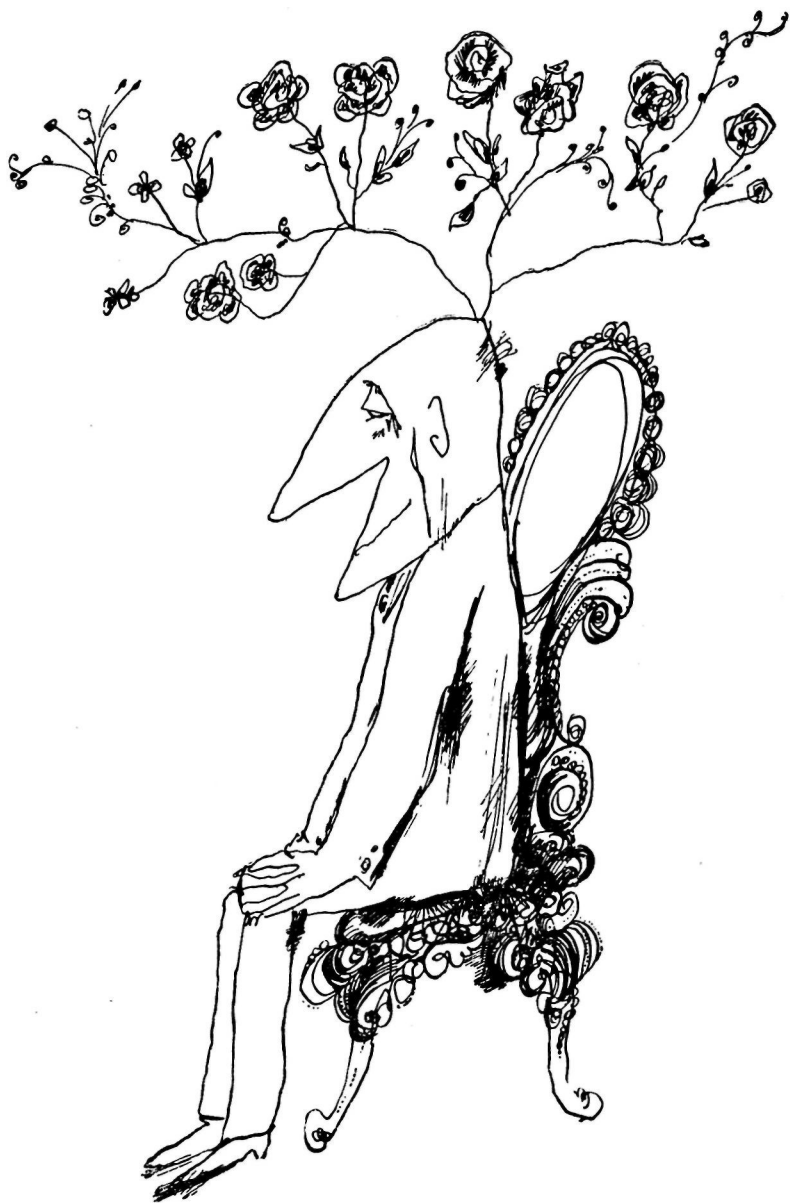
7. Вообще народ как-то измельчал... Стал хлипкий и пузатый... Сегодня шел по улице — ни одной красивой девушки не встретил... Вырождается род человеческий помаленьку!

8. В футбол наши играть определенно не умеют. Распустить бы команды, а Лужники — огурцами засеять... Все же польза была бы...

9. По телевизору все время какую-то муру передают... В комиссионку отнести его, что ли?

10. Эх, жизнь.....!»

На десятом пункте мысли Лапенкова приостановились в своем развитии. Но произошло это вовсе не потому, что

этот пункт был наиболее ярким и всеобъемлющим. Просто Лапенков вдруг заметил, что сидящий рядом за столиком бородатый мужчина пристально его разглядывает. Кирюша этого не любил. Под чужим взглядом он терялся и нервничал. Поэтому, быстро допив кисель, Лапенков встал и направился к выходу. Однако спиной он почувствовал, что бородач тоже поднялся и идет за ним.

Так они прошли вместе по улице шагов десять, и все время Лапенков чувствовал на своем затылке сверлящий взгляд бородача. Тогда Лапенков остановился и обернулся.

— Извините, — сказал бородач, подходя к Лапенкову. — Извините. Разрешите представиться: Валабуев, художник!

— Лапенков, — тихо сказал Кирюша, слегка пожимая протянутую руку.

— Не сердитесь, что задерживаю вас, — сказал бородач, — но дело в том, что меня, как художника, поразило ваше лицо... Это то, что я искал...

— В каком смысле? — растерянно спросил Лапенков.

— В прямом! — сказал бородач. — У вас выдающееся лицо... Низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, острый нос, губы тонкие, нервные... А скулы какие! Ведь это черт знает какие скулы!..

— При чем здесь скулы? — начал нервничать Лапенков. — Что вы хотите, товарищ?

— Я хочу вас попросить позировать мне, — сказал художник. — Ваше лицо мне нужно для картины... Это не займет у вас много времени... Всего несколько сеансов... И я заплачу!

Приветливая улыбка на лице бородача и ласковое «заплачу» как-то успокоили Лапенкова. Он смутился и спросил:

— А кого же вы хотите с меня рисовать?

— Убийцу! — сказал художник и улыбнулся.

Наступила пауза.

— То есть как это? — наконец осторожно спросил Лапенков. — Почему убийцу? С какой стати?

— Это не совсем убийца в обычном понимании этого слова, — продолжая улыбаться, сказал бородач. — Это — браконьер. Понимаете, картина называется «Убийство». Композиционно она решается так: опушка леса, а на переднем плане — косуля и охотник. Нежная, трепетная косуля, обогретенная кровью, лежит на траве, а над ней склонился охотник. Браконьер с дымящимся ружьем. У него

низкий скошенный лоб, тяжелые надбровные дуги, тонкие нервные губы искривились в садистской усмешке...

— Не, не! — запротестовал Лапенков. — Я отказываюсь... Что вы на самом-то деле?.. Я люблю животных... И потом у меня семья, соседи...

— При чем здесь соседи? — поморщился художник. — А что касается животных, то именно из любви к ним я и взялся за это полотно. Я считаю охоту занятием аморальным! Моя картина будет публицистична от начала до конца. Это будет полотно-протест! Почему же вы отказываетесь помочь мне в этом благородном деле?

— Я не отказываюсь, — пробормотал Лапенков, — но как-то странно. Вы меня нарисуете, а что потом скажут?.. Лапенков — мерзавец, скажут...

— Ну зачем же так примитивно, — снова поморщился художник. — Картина — не фотография, это все прекрасно понимают... А если кто и узнает вас, то ничего, кроме уважения, к вам это не вызовет...

— Это почему же? — не понял Лапенков.

— Потому что не каждого рисуют художники, — сказал бородач, — Это, если хотите, большая честь... Неужели вы этого не понимаете?

— Подумать надо! — вздохнул Лапенков.

— Хорошо! — сказал художник. — Пошли ко мне домой... Это пятнадцать минут ходу... Вот вам и время на раздумье...

Он взял Лапенкова под руку и повел по улице... Шел он быстро, широким, уверенным шагом... Лапенков едва поспевал за ним. Приходилось семенить ногами и даже иногда подпрыгивать... Оттого и мысли в лапенковской голове были тоже какие-то семенящие и подпрыгивающие...

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении:

«Откажусь! К черту!.. Почему?.. Потому!.. Зачем людей смешить?.. Почему смешить?.. Ну, не смешить — пугать?.. Зачем людей пугать?.. А чего их не пугать?!.. Пусть знают! С кем! Имеют! Дело! Они все думают, что у меня лицо как лицо! Тьфу, лицо!.. А у меня лоб скошенный!.. Ага, задрожите, голубчики! И Точилин! И Корольков! И Рубинин!.. И все!.. С таким лицом шутки плохи!.. Попробуй! Обидь! А я с ружьем! На картине!.. Над косулей!.. Ничего! Они не дураки! Сегодня над косулей — завтра над тобой!.. Попробуй обхами! Попробуй не дай путевку!.. Ненавижу всех!.. И это зафиксируем!.. Картина

протест!.. Смотрите, люди, до чего довели человека!.. Всех на выставку свожу — звериный лик свой покажу!.. Да и самому на себя со стороны посмотреть интересно. Роковой мужчина!.. Девицы! Будут! Замирать! От! Страх! И! Любить!.. Эх!»

— Пришли! — сказал художник, остановившись перед подъездом большого кирпичного дома. — Ну как, согласны?

— Согласен! — вздохнул Лапенков.

— Я так и думал, — сказал художник. — Прощу вас...

Квартира у художника оказалась огромная и светлая. Три комнаты, через которые прошел Лапенков, были уставлены красивой старинной мебелью и книжными полками. Стены были увешаны картинами, иконами и какими-то диковинными масками. С потолков свешивались огромные старинные люстры с множеством стеклянных подвесок. Было очень уютно и, главное, прохладно.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал художник, подвигая к Лапенкову огромное кожаное кресло. Кирюша робко сел и с удовольствием почувствовал спиной приятный холодок кожи.

— Коньяку выпьете? — спросил художник.

— Нельзя мне, — грустно сказал Лапенков. — Врачи...

— Плюйте на них, — сказал художник. — Мне тоже нельзя, а я принимаю понемножку — и ничего...

Он вышел в другую комнату и вскоре вернулся, везя перед собой на колесиках маленький деревянный столик. На столике стояли два больших бокала с каким-то желтым соком, блюдечко с нарезанным лимоном, коробка шоколадных конфет, маленькие бисквитики, большая темная бутылка с яркой наклейкой и две пузатые рюмки.

Лапенков зачарованно смотрел на все эти прелести и, к своему удивлению, проглотил слюну, хотя ел совсем недавно.

— Пейте, не смущайтесь, — сказал художник, наливая рюмки. — Это «Камю»... Отличнейший коньяк... А сейчас я включу музыку. Я, знаете, люблю работать под музыку... Особенно Легран вдохновляет... Вы не возражаете?

— Нет, что вы... Конечно, — смутился Лапенков.

Они выпили. Художник чуть-чуть пригубил, а Лапенков выпил всю рюмку коньяку и весь бокал с соком. Коньяк был крепкий и ароматный, сок — апельсиновый и холодный. Кирюше как-то сразу сделалось хорошо и радостно, тем более что он увидел, как художник вновь наполнил его рюмку.

— Курите, — сказал художник и положил на столик пачку сигарет в золотой обертке. — Это «Бенсон»... Я их очень люблю...

— Врачи запрещают, — робко сказал Лапенков, но потом обреченно махнул рукой и закурил. Сигареты были удивительно приятные и крепкие. От них закружилась голова.

— Ну вот, а теперь за работу, — сказал художник.

Он включил магнитофон, достал большой альбом и толстый пластмассовый карандаш, а затем сел в кресло напротив Лапенкова.

Из динамиков, висевших на стенах, полилась музыка. Она была какая-то удивительно спокойная музыка, тихая и чуть-чуть печальная. Сам не понимая почему, Кирюша вдруг почувствовал в груди какое-то блаженное томление. Он выпил вторую рюмку коньяку и уже сам налил себе третью.

«Вот дурак-то я, — подумал про себя Лапенков. — Еще отказывался... Хорошо-то как, господи!..»

Художник несколько минут внимательно смотрел на Лапенкова, потом неожиданно отложил блокнот, закурил, встал и прошелся по комнате.

— Послушайте, Лапенков, — наконец сказал он, глядя Кирюше прямо в глаза, — что у вас случилось с лицом?

— А что? — удивился Лапенков и провел рукой по щекам. — Чего случилось?

— У вас резко изменилось лицо, — сказал художник. — Черты, в общем-то, те же, а выражение совсем другое... Не то, что было там, в столовой...

— Не знаю, — сказал Кирюша. — Выпил потому что...

— Это я понимаю, — сказал художник. — Но мне-то необходимо именно то выражение. Жестокое, гневное и непреклонное... вспомните, о чем вы думали там, в столовой...

— О разном думал, — тихо сказал Лапенков. — О людях, о жизни... Вообще, так сказать...

— У вас много неприятностей?

— Много, — вздохнул Лапенков.

— Ненавидите всех?

— Ненавижу, — опять вздохнул Лапенков.

— Очень хорошо, — сказал художник. — Тогда припомните все, о чем вы думали, о всех ваших врагах и попытайтесь расправиться с ними мысленно...

— То есть как? — не понял Лапенков.

— Убейте их... Мысленно! Представьте: вам дали

ружье в руки, разрешили стрелять в кого хочешь... Ожесточайтесь!.. Давайте, давайте... Проведем этот психологический опыт... Ну?.. Закройте глаза и сосредоточьтесь...

Лапенков послушно закрыл глаза и стал думать.

Сначала мыслей никаких не было. Просто в голове было какое-то приятное кружение, а во всем теле — сладкая ломота. Лапенков напрягся. Мелькнула мысль: выпить бы еще коньяку! Но это было не то. Потом снова мыслей не было. Потом наконец они появились.

Это были удивительные мысли, тягучие и ароматные, пахнущие коньяком и сигаретами «Бенсон»...

Вот они, мысли Кирюши Лапенкова, в кратком изложении.

«Убью повара! Он — сволочь! Впро-чем, по-че-му?.. Ну, суп плохо готовит! Ну и что?.. Не нравится — не ешь. За что убивать? Лучше участкового доктора кок-ну!.. Он, бедняга, бегаёт целый день по вызовам, ночей недосыпает, а я его из ружья?.. Вот Точилина действительно стоит у-ко-ко-шить!.. Почему путевочку не даешь?!.. Потому что нет!.. Где он ее возьмет?.. Родит, что ли?.. А так он хороший человек, Точилин!.. И начальник отдела Корольков тоже хо-ро-ший человек!.. Если и кричит, то за дело!.. Запрос в Керчь я действительно забыл отправить... Пусть живет на радость людям!.. Ох, какая музыка! Легран?.. Хороший человек Легран!.. Надо посоветовать соседу Рубинину, пусть он эту музыку достанет... Хороший он парень, молодой, красивый... Его девушки любят... За что же его убивать?.. Нет, я не на него злился... Я на лето злился!.. Жаркое лето! Радиации много!.. И ничего не много!.. В самый раз... Футболистов пострелять, что ли?.. Да их же тысячи! Патронов не наберешься... Да и как же без футбола?.. Одна радость... Почему одна?.. А телевизор вечером посмотреть — плохо, что ли?.. «А я иду, шагаю по Москве, и я ещё пройти смогу...» Это что, тоже Легран?.. Нет, это наша песня. Хорошая песня... «Ой ты, рожь высоко-ка-я... Ой ты... хм... вт... бт... уз...».

Лапенков уснул. Ему приснился красивый сон. Будто он идет по красивому городу, навстречу идут красивые люди, а у него прошел гастрит. Лапенкову стало так хорошо, что он достал ружье и, на радостях, пальнул в воздух... Выстрел получился громкий, и Лапенков проснулся...

Несколько секунд он изумленно смотрел на бородатого человека, сидящего в кресле напротив и что-то зарисовывающего в альбоме, а потом вспомнил, где он и что с ним.

— Послушайте, товарищ художник, — жалобно сказал Кирюша. — Не надо...

— Что не надо? — спросил художник, подняв голову.

— Не надо с меня убийцу, — сказал Лапенков. — Не подхожу я... — И, сам не зная почему, Лапенков вдруг всхлипнул.

— Да не волнуйтесь вы, — сказал художник и улыбнулся. — Не расстраивайтесь... Я рисую с вас косулю...

Почем деньги?

Он остановил меня на улице.

Подошел, тронул за рукав и, воровато оглядевшись, тихо спросил:

— Не купите?

— Что именно? — не понял я.

— Пятерочку...

— Какую пятерочку?

— Вот эту! — и протянул мне новенькую пятирублевую бумажку.

— Фальшивая? — поинтересовался я.

— Нет, почему... — обиделся он. — Самая настоящая...

— А почему пятерочка? — спросил я, еще плохо понимая всю абсурдность такого вопроса.

— За грешку отдам, — сказал он.

Я испуганно посмотрел на него. Это был обыкновенный человек в темном пальто и шляпе. На носу сидели круглые очки, за очками были круглые глаза. Круглые и вроде бы очень честные глаза.

«Розыгрыш! — подумал я. — Обыкновенный розыгрыш. Ну ладно, посмотрим, чем вся эта история кончится...».

Я дал ему три рубля и взял себе пять.

— Спасибо, — тихо сказал он.

— Не стоит, — сказал я. — Всегда рад... Больше нет пятерочек?

— Нет! — вздохнул он. — Пятерочек больше нет... Есть десяточка, но дорогая...

— Почем? — заинтересовался я.

— Семь рублей! — Он произнес эту цифру, испуганно глянул на меня и тут же поправился: — Ладно, отдам за шесть.

— Идет! — сказал я и полез в кошелек.

Я дал ему пятерку и рубль, он протянул мне десятирублевую бумажку.

Я внимательно осмотрел ее. Десятка как десятка! Все водяные знаки, все линии на месте. Явно не фальшивая.

«Что за черт?! — мысленно выругался я. — Ведь он же не пьяный...»

— О, смотрите, у меня теперь есть пятерочка! — радостно воскликнул он. Вы же интересовались... Купите за трешницу?

— Конечно! — согласился я, терпеливо ожидая, чем эта комедия закончится.

Обмен состоялся. Я дал ему три, он мне — пять.

— Трешниками не торгуете? — осведомился я.

— А сколько за них дадите?

— Да по рублю за трешник вроде бы в самый раз, — хрипло произнес я, чувствуя, что в горле появился какой-то комок.

— С удовольствием, — обрадовался он. — Берите оба трешника.

О протянул мне шесть рублей и взял два.

Его лицо светилось от счастья.

— Я бы не продал, — сказал он, — но, как говорится, обстоятельства заставили: деньги нужны.

В это время заскрипели тормоза и возле нас остановилась белая машина с красным крестом. Из нее вышли доктор и два молодых санитаря.

Увидев их, человек в шляпе как-то сразу сник, грустно вздохнул и пошел им навстречу.

— Что же вы, голубчик? — с улыбкой сказал доктор. — Опять, значит?

— Не могу! — хрипло крикнул человек в шляпе. — Не могу!!

И покорно сел в машину.

— Возьмите! — сказал я и протянул доктору деньги. — Это его... Черт возьми, как я сразу не догадался, что это душевнобольной?

— Острый психоз! — сказал доктор. — Депрессия!

— Отчего это у него? — спросил я.

— Писатель он, — сказал доктор. — Романист. Роман новый издал. Мыслей там на три копейки, а стоит книжка рубль восемьдесят... Вот его совесть и замучила... Гонорар распродает...

— Бедняга! — вздохнул я и пошел прочь.

Я шел по улице и смотрел себе под ноги. Настроение

у меня было скверное. Все время вспоминались его круглые очки, за которыми были круглые глаза. И голос его вспоминался: тихий, чуть-чуть хрипловатый. И застенчивая улыбка.

И еще почему-то вспомнился мой научно-исследовательский институт. И проблема, которую я разрабатываю. И премия, которую мне выдали в конце квартала. И сразу в груди что-то закололо, а в голове переливистым звонком зазвенел колокольчик.

Я остановил первого попавшегося прохожего и, нащупав в кармане пятирублевую бумажку, тихо спросил: «Не купите?..»

«Внимание! Вы забыли набрать цифру «два»...»

В июле месяце все шестизначные номера телефонов Москвы были переведены на семизначные.

Егор Крюков этого не знал. Он приехал в Москву из деревни, чтобы повидать брата, живущего здесь, погостить у него пару дней. Брату он решил позвонить прямо с вокзала. Но едва Егор повернул телефонный диск на букву «И», как в трубке послышался треск и ровный женский голос сказал:

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Чего? — не понял Егор.

— *Внимание!* — повторилось автоматически записанное объявление. — *Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Это в каком смысле? — снова не понял Егор. — Я ничего не забыл. Я брату звоню...

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Во заладила, — усмехнулся Егор. — Ты по-человечески объясни: чего сделать-то надо?

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— А ну тебя! — рассердился Егор. — Бубнит как попугай.

Он повесил трубку, взял такси и поехал к брату. Брата дома не оказалось. Соседи сказали, что он с семьей уехал на юг отдыхать. Егор огорченно вздохнул, оставил у соседей чемодан и пошел в город. Несколько часов он шатался по магазинам, делая необходимые покупки, по-

том поехал на ВДНХ, посмотрел несколько павильонов, потом зашел в ресторан, пообедал, выпил водки и загрустил.

Знакомых у него в Москве не было, поговорить было не с кем.

Егор вышел из ресторана, несколько минут постоял в раздумье и решительно направился к телефону-автомату. Набрал букву «И»...

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Алло! — нерешительно сказал Егор. — Это опять я звоню, Егор Крюков...

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Я ничего не з а б ы л, — сказал Е г о р. — Я вам звоню... Познакомиться хотел.

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Я к брату приехал, а он на юг смотался, — грустно сообщил Егор. — Во какая неудача!..

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

— Ну-ну, говори, — усмехнулся Егор. — Я понимаю: работа есть работа... Я тоже, когда на работе, — ко мне не лезь! Так шугану...

— *Внимание! Вы забыли набрать...*

— Это хорошо, что ты гордая, — перебил Егор. — А у нас мужики зря болтают: мол, в Москве такие девицы — только пальцем помани... Врут все...

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два»...*

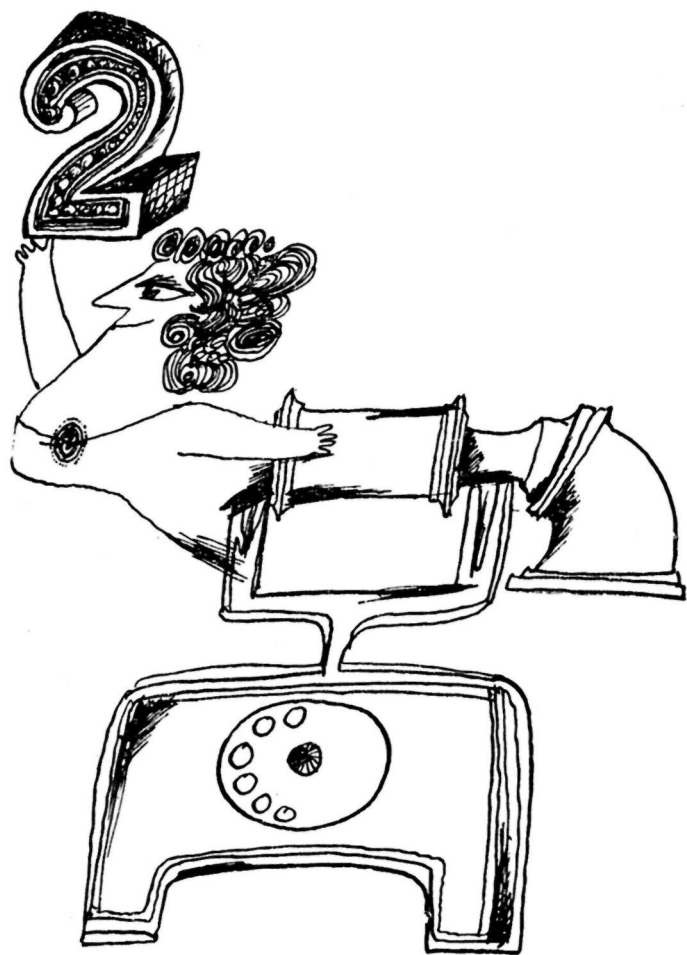
— Я ведь не набиваюсь, — сказал Егор. — Просто поговорить приятно. Голос у вас красивый, ровный... Между прочим, я в Москву корзину яблок привез... Из нашего сада... Думал, брату отдать... Может, хочешь попробовать?..

— *Внимание! Вы забыли набрать цифру «два» перед нужным вам шестизначным номером!*

Я стоял возле автомата и с улыбкой смотрел на Егора Крюкова. Наконец мне стало жалко его.

— Послушай, друг, — сказал я, открыв дверь автомата. — Ты извини, что я вмешиваюсь, но дело в том, что там никого нет. Это автомат говорит, понимаешь?.. Магнитофонная пленка крутится...

— Ты зачем подслушиваешь? — сурово спросил меня Егор.

— Я не подслушиваю, — сказал я. — Ты громко говоришь! Но дело не в этом... Там нет никакой девушки... Это автомат с тобой разговаривает... Машина, понимаешь.

— Сам ты автомат! — сказал Егор.

— Да ты не обижайся! — сказал я. — Просто я твое время жалею. Пойми, что это — магнитофонная запись... И никакой девушки нет!

— Разберусь, не глупее вас! — снова рассердился Егор. — Отойти от телефона, не мешай человеку...

Я пожал плечами, отошел в сторонку, сел, закурил.

Прошло минут двадцать. Наконец Егор кончил говорить, улыбнулся, повесил трубку и вышел из автомата.

— Ну как? — снисходительно спросил я. — Договорился?

— А как же! — спокойно сказал Егор. — Сегодня увидимся... На десять условились... На площади Пушкина...

То есть как? — опешил я.

— А вот так!

— Врешь!

— Не хочешь — не верь! — сказал Егор и пошел прочь.

Шел он уверенной, твердой походкой.

Глядя на его широкую спину, можно было верить, что этот человек всего в жизни добьется...

С праздничком!

Гражданину Бычкову в районной поликлинике как-то удалили зуб и почти без боли.

Этот случай настолько запомнился Бычкову, что в канун Дня медика он надел свой новый костюм, побрился, купил букетик цветов и направился в поликлинику, дабы поблагодарить своего врача и лично поздравить его с наступающим праздником... У кабинета стоматолога сидела длинная очередь. Каждый из ожидающих держался за щеку и смотрел на мир грустными глазами.

Бычков сочувственно оглядел всех и вежливо сказал:

— Товарищи, разрешите мне пройти к врачу без очереди.

— Это еще почему? — сердито спросил мужчина с флюсом.

— Я по личному делу...

— Мы все по личному делу, — сказал мужчина, — Зубы у нас не общественные.

— При чем здесь зубы? — улыбнулся Бычков. — Я просто иду поздравить врача с праздником.

— Поздравить каждый может, — прошамкала маленькая старушка. — Хитрый какой... Букетик купил и думает без очереди пролезть...

— Очень странно вы ставите вопрос, товарищи, — обиделся Бычков. — Мне же только на минуточку...

— Один на минуточку, другой на минуточку, — проворчал мужчина с флюсом. — Я уже жду больше часа! Встаньте в очередь, гражданин.

— Хорошо, — обиженно сказал Бычков. — Раз вы настаиваете... Кто здесь последний?..

— Последних нет! — сказала старушка. — Мы по талончикам! У вас какой талончик?

— У меня никакого талончика! — рассердился Бычков. — Я же, кажется, объяснил, что иду по личному делу...

— Все равно! Без талончика никто не пустит, — сказала старушка. — Без талончика надо всех переждать...

— Идите в регистратуру, гражданин! Не теряйте зря время! — сказал мужчина с флюсом.

Возле окошка регистратуры тоже была очередь. Когда Бычков попытался протиснуться к окошку, очередь недовольно зашумела.

— Я извиняюсь, — сказал Бычков. — Но прошу пропустить меня. Мне просто нужен талончик.

— А мы что, за пирожками стоим, что ли? — возмутилась очередь.

— Но я же не иду лечиться! — взвизгнул Бычков. — Я иду поздравить врача с праздником!

— Ну и поздравляйте на здоровье! — сказала очередь.

— Да ведь это какой-то абсурд! — заорал Бычков. — Очередь наверху не пускает без талончика, а очередь за талончиком не пропускает без очереди за талончиком...

— Товарищи, не шумите, мешаете работать! — сердито сказала регистраторша, высунувшись из окошка. — Вам в какой кабинет?

— Мне к стоматологу, — сказал Бычков.

— К стоматологу запись окончена. Могу дать талон на понедельник...

— Мне не нужно в понедельник! — сказал Бычков. — Мне нужно сегодня к врачу...

— Сегодня есть запись к терапевту и невропатологу...

— Но ведь я хотел поздравить зубного врача! — застонал Бычков.

— Поздравьте невропатолога, какая разница, — сказала очередь. — Заодно и подлечитесь... Вон как у вас стал глаз дергаться...

Бычков дрожащей рукой взял талончик и пошел на второй этаж.

У кабинета невропатолога сидели двое: женщина и мужчина.

— Простите, у кого какой талончик? — спросил Бычков. — За кем я буду?

— У нас нет талончиков! — с улыбкой сказала женщина. — Просто мы с мужем пришли поздравить нашего доктора с праздником...

— Нечего! — вдруг заорал Бычков и сам испугался собственного голоса. — Я уже здесь час жду, а тут лезут всякие без талонов.

И, гневно сверкнув глазами, Бычков расправил букетик и толкнул дверь в кабинет.

Ежик

Папе было сорок лет, Славику — десять, ежику — и того меньше.

Славик притащил ежика в шапке, побежал к дивану, на котором лежал папа с раскрытой газетой, и, задышав от счастья, закричал:

— Пап, смотри!

Папа отложил газету и осмотрел ежика. Ежик был курносый и симпатичный. Кроме того, папа поощрял любовь сына к животным. Кроме того, папа сам любил животных.

— Хороший еж! — сказал папа. — Симпатяга! Где достал?

— Мне мальчик во дворе дал, — сказал Славик.

— Подарил, значит? — уточнил папа.

— Нет, мы обменялись, — сказал Славик. — Он мне дал ежика, а я ему билетик.

— Какой еще билетик?

— Лотерейный, — сказал Славик и выпустил ежика на пол. — Папа, ему надо молока дать...

— погоди с молоком! — строго сказал папа. — Откуда у тебя лотерейный билет?

— Я его купил, — сказал Славик.

— У кого?

— У дяденьки на улице... Он много таких билетов продавал. По тридцать копеек... Ой, смотри, папа, ежик под диван полез...

— погоди ты со своим ежиком! — нервно сказал папа и посадил Славика рядом с собой. — Как же ты отдал мальчику свой лотерейный билет?.. А вдруг бы этот билет что-нибудь выиграл?

— Он выиграл, — сказал Славик, не переставая наблюдать за ежиком.

— То есть как это — выиграл? — тихо спросил папа, и его нос покрылся капельками пота. — Что выиграл?

— Холодильник! — сказал Славик и улыбнулся.

— Что такое?! — Папа как-то странно задрожал. — Холодильник?!.. Что ты мелешь?.. Откуда ты это знаешь?!

— Как — откуда? — обиделся Славик. — Я его проверил по газете... Там первые цифирки совпали... и остальные... И серия та же!.. Я уже умею проверять, папа! Я же взрослый!

— Взрослый?! — Папа так зашипел, что ежик, который вылез из-под дивана, от страха свернулся в клубок. — Взрослый?!.. Меняешь холодильник на ежика?

— Но я подумал, — испуганно сказал Славик, — я подумал, что холодильник у нас уже есть, а ежика нет...

— Замолчи! — закричал папа и вскочил с дивана. — Кто?! Кто этот мальчик?! Где он?!

— Он в соседнем доме живет, — сказал Славик и заплакал. — Его Сеня зовут...

— Идем! — снова закричал папа и схватил ежика голыми руками. — Идем, быстро!!

— Не пойду, — всхлипывая, сказал Славик. — Не хочу холодильник, хочу ежика!

— Да пойдем же, оболтус, — захрипел папа. — Только бы вернуть билет, я тебе сотню ежиков куплю...

— Нет... — ревел Славик. — Не купишь... Сеня и так не хотел меняться, я его еле уговорил...

— Тоже, видно, мыслитель! — ехидно сказал папа. — Ну, быстро!..

Сене было лет восемь. Он стоял посреди двора и со страхом глядел на грозного папу, который в одной руке нес Славика, а в другой — ежа.

— Где? — спросил папа, надвигаясь на Сеню. — Где билет? Уголовник, возьми свою колбочку и отдай билет!

— У меня нет билета! — сказал Сеня и задрожал.

— А где он?! — закричал папа. — Что ты с ним сделал, ростовщик? Продал?

— Я из него голубя сделал, — прошептал Сеня и захныкал.

— Не плачь! — сказал папа, стараясь быть спокойным. — Не плачь, мальчик... Значит, ты сделал из него голубя. А где этот голубок?.. Где он?..

— Он на карнизе засел... — сказал Сеня.

— На каком карнизе?

— Вон на том! — И Сеня показал на карниз второго этажа.

Папа снял пальто и полез по водосточной трубе.

Дети снизу с восторгом наблюдали за ним.

Два раза папа срывался, но потом все-таки дополз до карниза и снял маленького желтенького бумажного голубя, который уже слегка размок от воды.

Спустившись на землю и тяжело дыша, папа развернул билетик и увидел, что он выпущен два года тому назад.

— Ты его когда купил? — спросил папа у Славика.

— Еще во втором классе, — сказал Славик.

— А когда проверял?

— Вчера.

— Это же не тот тираж... — устало сказал папа.

— Ну и что же? — сказал Славик. — Зато все цифирки сходятся...

Папа молча отошел в сторонку и сел на лавочку.

Сердце бешено стучало у него в груди, перед глазами плыли оранжевые круги... Он тяжело опустил голову.

— Папа, — тихо сказал Славик, подходя к отцу. — Ты не расстраивайся! Сенька говорит, что он все равно отдает нам ежика...

— Спасибо! — сказал папа. — Спасибо, Сеня...

Он встал и пошел к дому.

Ему вдруг стало очень грустно. Он понял, что никогда уж не вернуть того счастливого времени, когда с легким сердцем меняют холодильник на ежа.

Беспристрастное мнение

Молодой автор вошел в кабинет редактора и положил на стол пухлую рукопись.

— Вот, — сказал он, — написал повесть. Долго думал, куда отнести, и решил отдать вам. Жду от вас самой беспристрастной критики. Мне Симонов так и советовал...

— Кто советовал? — переспросил редактор.

— Симонов, — спокойно повторил молодой автор. — Константин. «Жди меня, и я вернусь...», «Живые и мертвые»... Смотрели, наверное, фильм?

— Да нет, я знаю Симонова, — растерянно пробормотал редактор.

— Ну вот, — сказал автор, — он самый. Решительно советовал напечатать в вашем журнале... Так сказать, поднять уровень прозы...

— Мда, это будет очень хорошо! — сказал редактор. — Я обязательно прочту. Зайдите ко мне через неделю.

— Через неделю? — удивился автор. — Да что вы, Федин эту повесть за один день прочел. Не мог оторваться.

— Кто?! — ахнул редактор.

— Ну, Федин! Константин. Только не Михайлович, как Симонов, а Сергеевич. Ну, «Первые радости», «Костер»... Знаете, наверное?

— Еще бы! — сказал редактор. — Только он Александрович, а не Сергеевич.

— Ну вот видите... Александрович с восторгом отзывался. «Неси, говорит, в журнал, и пусть прямо в набор отсылают».

— Так! — вздохнул редактор. — Конечно, если сам Федин... Тогда конечно... Только все-таки я хотел бы сначала ознакомиться.

— Ну что же, — обиженно сказал автор, — знакомьтесь. Одно заглавие чего стоит. Твардовский как увидел заглавие, так прямо весь загорелся. Твардовского, надеюсь, знаете?

— Слышал! — сказал редактор. — «Василий Теркин», «Страна Муравия»...

— Вот, он самый! — обрадовался автор. — Как увидел заглавие, так аж весь задрожал. «Немедленно, говорит, отдайте это в «Новый мир»!»

— Что же вы не отдали? — огорченно спросил редактор.

— Да нет, я решил в вашем журнале напечатать. Не все же «Новому миру». Надо и вам интересные вещи. И у Леонова такое же мнение...

— Ах, у Леонова тоже!

— Да. И у Шолохова. Все в один голос советовали отдать вам.

— Ну что же, — сказал редактор, вытирая пот со

лба. — Это очень приятно... Только, знаете, я эту повесть не возьму!

— Почему? — удивился автор.

— Ну ее к богу... Вдруг она мне не понравится?! И это после таких авторитетных мнений. Я же с ума сойду... С работы уволюсь...

— Да что вы! — сказал автор. — Прочтите...

— Нет-нет, и не упрашивайте. Шолохову понравилось, а мне вдруг нет... Это значит, я не гожусь в редакторы. Уж лучше не искушать себя.

— Да успокойтесь, — сказал автор. — Меня ваше мнение тоже интересует. А насчет Шолохова я пошутил. Он повести не читал.

— Ну, все равно. Леонов, Твардовский, Федин...

— Да и они, по правде говоря, не читали...

— А Симонов?!

— И он тоже не в курсе, — вздохнул автор. — Я просто знаю цену повести и мысленно представил себе их оценку.

— Ах так! — воскликнул редактор. — Ну, тогда тем более заберите. Плохая повесть.

— Как вы можете так говорить? — возмутился автор.

— Это не я говорю, — сказал редактор. — Это Толстой говорит... Лев Николаевич... «Анна Каренина», «Война и мир»... Фильм смотрели?.. Вот он самый.

— Да как он мог прочитать повесть? — удивился автор.

— А он и не читал! — сказал редактор. — Просто я уже понял цену повести и мысленно представил себе его оценку. «Плохая повесть! — сказал Толстой. — Верните ее автору!» Так прямо и сказал... И весь аж загорелся... И Гоголь того же мнения... И Чехов!.. Чехова знаете?.. «Дядя Ваня», «Каштанка»... Вот он самый...

Рассказ о том, чего нет

Все-таки как важно читать газеты! Всегда что-нибудь новенькое узнаешь...

Я тут недавно в нашей городской газете прочитал следующие строки: «Обидно, что наша сатирическая литература по-прежнему жует старые темы. Во всех рассказах и фельетонах высмеивается пьянство, а между тем с пьянством в нашем городе уже давно покончено!!!»

Прочитал я и прямо за голову схватился.

«Боже мой! — думаю. — С пьянством-то, оказывается, уже давно покончено, а люди не знают и напиваются... Кошмар! Надо предупредить всех!..»

Было как раз пятое число — день получки. И, конечно, в связи с этим пьяных на улице, можно сказать, не было. Нигде не было! Особенно у гастронома... Человек двадцать не было. Вошел я в гастроном, с трудом протиснулся к прилавку и кричу продавцу:

— Кончайте торговать спиртными напитками! У нас с пьянством, оказывается, покончено!

Продавец даже побледнел.

— Что же вы, говорит, раньше молчали? Мы же все запасы продали!

— Вот! — возмутился я. — Безобразие какое! Все потому, что не используете в торговле антиалкогольные плакаты!

— Как — не используем? — удивился продавец. — Мы же в них водку заворачиваем...

Я не стал его слушать, выбежал на улицу и помчался в соседнюю мастерскую по ремонту бытовых приборов. Там у меня работал один знакомый. Был он человеком эрудированным, разносторонним и всегда живо интересовался всем, что касается алкоголя.

— Егор Иванович! — закричал я, увидев его. — Радость-то какая! В газете написали, что у нас с пьянством покончено...

— Ну и что? — спокойно отреагировал он. — Нас этот вопрос не касается...

— То есть как — не касается? — удивился я. — Разве это не бич производства?! Разве у вас в дни получки некоторые товарищи не появляются на работе в нетрезвом состоянии?!

— Нет! — сказал он. — Такого не бывало. В трезвом состоянии отдельные товарищи действительно появляются... Но тоже редко...

Не стал я с ним спорить. Побежал в штаб народной дружины. Думаю, надо товарищей обрадовать. Прибегаю в штаб. Смотрю, там тишина. Дружинники в домино играют.

— Товарищи! — кричу я, размахивая газетой. — Все в порядке, пьяных нет! Можете не беспокоиться и отдыхать!

— Не кричите, гражданин! — говорит дежурный. — Мы уже давно так и делаем...

«Значит, в курсе товарищи», — обрадовался я и вышел на улицу.

Смотрю, вывеска большая: «Городская организация общества «Знание».

Захожу туда. В методической комнате сидят лекторы, подбирают материал для докладов. Я им радостно показываю газету.

— Порядок, говорю, товарищи! Сворачивайтесь... Больше не надо проводить разъяснительную работу с теми, кто пьет...

— Поздно спохватились, — мрачно говорит в ответ один лектор. — С теми, кто пьет, мы уже работу давно провели... Мы теперь проводим работу с теми, кто после этого не закусывает...

— Все равно, — говорю я. — Это сообщение надо довести до сведения общественности...

— Это ни к чему, — заметил лектор. — Сорвете много полезных дел...

— Каких еще полезных дел?

— Ну как же... Вот у нас пионеры по району пустые бутылки собрали и на вырученные деньги купили паровоз...

Вышел я из этого здания взволнованный и счастливый. Хотелось бежать домой и писать восторженные, патетические стихи...

Однако к этому времени на улице уже не было столько пьяных, что спокойно дойти до дома мне не представилось никакой возможности...

Поэтому я просто остановился посреди улицы, победно посмотрел по сторонам и радостно закричал:

— Товарищи! Ура! Пьянства больше нет!.. Алкоголизм — это медленная смерть!..

Прохожие с улыбкой посмотрели на меня и хором ответили:

— А мы и не торопимся!..

Тигр

Этот невероятный случай, эта удивительная история душевного взлета и падения младшего технолога Геннадия Лупенкова была рассказана его сослуживцем Сергеем Клягиным. Мне осталось только записать ее и расставить запятые.

«Началось все с того, что ко мне на работе подходит Лупенков и спрашивает:

— Не хотите ли вы, Сережа, с нами в цирк сходить?

Я спрашиваю:

— С кем это — с вами?

Лупенков мнется, но говорит;

— Со мной и с Зоей.

Зоя — это наша секретарша из управления, довольно красивая девица: ножки, ручки — все есть.

Я спрашиваю:

— А зачем я вам нужен, третий — лишний?

Лупенков говорит:

— Да чтобы избежать ненужных сплетен... И потом у меня с Зоей взаимоотношения только еще выстраиваются, и я с ней пока тет-на-тет несколько робею... А вы — человек тактичный: и разговор поддержать умеете и уйти, когда надо...

Я говорю:

— Ну пожалуйста! С удовольствием...

Короче, в воскресенье пришли в цирк, сели, смотрим.

Гимнастки по канатам ходят, собачки пирамиду делают, у клоуна отовсюду вода брызжет, — в общем, интересно...

В антракте пошли в буфет, пива выпили, покурили. Лупенков на Зою с обожанием смотрит, я интеллигентный разговор поддерживаю про то, про се, про искусство...

Зоя, между прочим, и говорит:

— Интересно бы за кулисы заглянуть. Посмотреть, как артисты готовятся к выступлению...

Я говорю:

— Это можно сделать. У меня сосед — циркач. Он здесь пожарником работает... Можем к нему в гости зайти.

Зоя расцвела, Лупенков меня за плечи обнимает, — в общем, направляемся к служебному входу.

Вахтер спрашивает нас:

— Вы куда?

Мы говорим.

— Вот туда.

Вахтер говорит:

— Ну проходите!

И вот мы попадаем, как говорится, в мир кулис. Действительно любопытно. Ходят полураздетые люди, бутерброды жуют, разговаривают между собой... На нас никто внимания не обращает, а мы гуляем, смотрим, соседа моего ищем.

И вот заходим в какой-то длинный пустой коридор. Мне этот коридор сразу странным показался: мрачный он какой-то был, холодноватый, лампочки тускло светят... Сделали мы по этому коридору шагов десять, как с другого конца послышалось какое-то шипение, а затем нам навстречу вышел тигр. Честно скажу, я такого тигра в жизни не видел: огромный, глаза с поволокой, пасть полуоткрыта, и в ней зубы, каждый — с перочинный нож. Наверное, какой-нибудь бенгальской национальности тигр был, потому что у нас таких даже по телевизору не показывают...

Зоя как его увидела, так и у нее сразу из груди какой-то звук вылетел типа «О-о-о!», и она на пол повалилась. Я ее поднять хочу, но у меня самого тело как проволокой стянуло, рот полуоткрылся, и я чувствую, что нижней челюстью до верхней достать не могу.

А тигр глазами повел, мяукнул, точно хмыкнул, и идет к нам. И в этот самый момент Лупенков делает шаг вперед и встает ему на пути. Телом своим, так сказать, прикрывает друга и любимую женщину.

А тигр идет. А Лупенков стоит.

А тигр хвостом по полу постукивает и идет.

А Лупенков стоит не шелохнется.

А тигр совсем близко подошел, и дыхание у него тяжелое, как при астме.

И вот тогда Лупенков делает шаг вперед и со всего маху кулаком тигру в нос как въедет!!

Тигр ахнул и к стене отскочил, а Лупенков — к нему и с левой в ухо рраз!!

Тигр кубарем покатился по коридору, но Лупенков его в два прыжка достал, упал на него, схватил за горло и душил...

Чем бы это закончилось, не знаю, но тут Зоя очнулась и закричала на весь цирк.

В коридор народ высypал, артисты, пожарники с брандспойтами... Пустили струю воды и отбили Лупенкова от тигра.

Лупенков стоит мокрый, глаза у него горят, кулаки сжаты, куски шерсти изо рта выплевывает, а тигр прыгает у стены, фыркает и вдруг как завопит диким голосом: «Хулиганство!»

Мы обмерли.

А тигр кричит:

— Хулиганство! Вы за это ответите!.. Товарищи, расстегните меня!

Ложится тигр на спину, и тут мы видим, что у него на брюхе «молния», как на джемпере. Расстегивают тут тигру «молнию», и из шкуры выскакивает человек в трусах и майке: сам маленький, худенький, под глазом большой синяк.

— Хулиганство! — кричит этот человек, бывший тигр. — Кто сюда пустил посторонних?! Да я вам за это знаете что сделаю?!..

Я смотрю на Лупенкова, он стоит с выпученными глазами и бормочет:

— Извините, товарищ... Ошибся... Я ведь думал... Извините...

— Нет! — кричит бывший тигр. — Никаких извинений!.. Вы у меня под суд пойдете! У меня брат — юрист, я этого так не оставлю!.. Ишь, бандит, напился и тигру не дает по коридору пройти...

Тут Лупенков побледнел, а я говорю:

— Извините, товарищ артист, но он совершенно не пьяный... Мы просто в буфете пива выпили... А набросился он на вас по ошибке...

— Нет! — кричит бывший тигр. — Я этого так не оставлю... У меня жена — фельетонист... Мы этого негодяя в газете пропечатаем и с работы выгоним... Как фамилия?

— Лупенков, — говорит Лупенков, а у самого губы трясутся.

— Где работаете? — спрашивает бывший тигр и достает из-под майки какое-то удостоверение и записную книжку...

Лупенков шепотом называет наше предприятие.

— Ах вот как? — ухмыльнулся бывший тигр — Ну тогда вам хана, голубчик! Мой дядя у вас директором работает... Он вам покажет!..

Тут Лупенкова как-то всего передернуло, ноги подкосились, и он стал вдоль стены медленно падать в обморок...

В общем, на второе отделение мы, конечно, уже не пошли.

Кое-как довели Лупенкова домой, весь вечер валерьянкой отпаивали, успокаивали...

Лупенкова действительно вызывали в дирекцию, поговорили с ним строго... Но ничего, замялось дело...

Однако Лупенков стал с тех пор какой-то душевно-травмированный. Нервный стал, робкий...

Не то что тигров или львов — собак теперь боится.

Увидит на улице бульдога — и за километр его обходит.

Кто знает, с виду это бульдог, а на самом деле, может, и не бульдог и у него брат — начальник главка или что-нибудь в этом роде».

К вопросу о Державине

Недавно у нас на фабрике была назначена лекция о Державине. О Гавриле Романовиче. О поэте прошлого века. Ну, о том, что еще Пушкина заметил и, в гроб сходя, благословил.

Остались мы все после смены, собрались в красном уголке, ждем. Первым появляется председатель нашего фабкома Чибирев, представляет нам лектора, профессора-литературоведа. Затем такой симпатичный старичок профессор начинает нам рассказывать о поэте Державине. Надо сказать, исключительно интересно рассказывает. Про то, как Державин родился в 1743 году, как он рос, как сформировал мировоззрение, как оды стал писать. Про его взаимоотношения с Екатериной упомянул... Потом стихи на память читал. Короче, увлекательная лекция получилась.

Мы заслушались, не заметили, как два часа пролетело. Наконец закончил профессор лекцию, сел. Встает председатель фабкома Чибирев и говорит:

— Дорогие товарищи, разрешите от вашего имени поблагодарить уважаемого профессора за содержательную лекцию!

Мы зааплодировали. Профессор поклонился, говорит:

— Спасибо, товарищи! Может быть, у кого-нибудь возникли какие-либо вопросы?

Чибирев говорит:

— Да, товарищи, если кто хочет о чем-нибудь спросить, то не стесняйтесь...

Мы молчим, думаем. Но тут встает мастер из второго цеха Самсонов и говорит:

— У меня есть такой вопрос: когда на нашей фабрике наконец столовую откроют?

Профессор растерялся, Чибирев вздрогнул и говорит:

— Ты что, Самсонов? О чем спрашиваешь? Это же несущественный вопрос!

— Как так несущественный? — говорит Самсонов. — Четвертый месяц фабком столовую обещает, да все тя-

нет... А мы в обед за пять кварталов покушать бегаем, время теряем... Державина почитать некогда!

Чибирев разнервничался, кричит:

— Садись, Самсонов! Не ставь нас всех в неудобное положение перед товарищем профессором! — и уже ко всем обращаясь: — Товарищи, попрошу задавать вопросы по существу, то есть относящиеся именно к поэту Державину!

Мы опять сидим, молчим. Самсонов опять руку тянет, Чибирев подозрительно спрашивает:

— Самсонов, ты про Державина вопрос имеешь?

— Про Державина, — говорит Самсонов.

— Ну, тогда спрашивай! — говорит Чибирев.

Самсонов встает и говорит:

— Я интересуюсь, как поэт Державин строил свой рабочий писательский день? Как у него было с обеденным перерывом? Рядом у него столовая была, или ему приходилось до нее по двадцать минут в автобусе ехать?

Чибирев аж весь побагровел, кричит:

— Ты что Самсонов, издеваешься? Какие могли быть двести лет назад автобусы?

— А если не было автобусов, — говорит Самсонов, — то я уверен, что поэт Державин хорошо продумывал этот вопрос и ел вкусно, быстро и недалеко от рабочего места и тем самым способствовал высокой производительности своего труда!

Тут встает профессор и говорит:

— Товарищ Самсонов абсолютно прав. Поэт Державин не был гурманом, но очень уважал обеденное время и любил сесть за красиво убранный стол. Вот, например, как он описывал его в стихотворении «Жизнь званская»:

«Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр бледен, раки красны,
Что смоль янтарь-икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!»

— Спасибо, товарищ профессор, что вы меня поддержали! — говорит Самсонов. — Я считаю, товарищ Чибирев, что после этих стихов затычка со столовой у нас на фабрике просто неуважение к памяти известного русского поэта Державина!

Тут Чибирев смутился и говорит:

— Хватит, Самсонов. Все ясно! Завтра же на фабрике решим вопрос со столовой! И не к чему сюда Державина путать... Нет вопросов?

— Нет! — говорит Самсонов. — Тогда все ясно!..

На этом лекция и закончилась.

Мы все расходились очень довольные.

А Самсонов сказал:

— Видите, что значит вовремя соединить поэзию с жизнью?.. Какой эффект получается!.. Вот, говорят, через неделю у нас будет лекция другого профессора про поэта Тютчева, так я под это дело вопрос о яслях поставлю...

Брюки товарища Сеницына

(Рассказ непутового человека)

Жизнь наша полна сложностей и загадок. Иногда сделаешь что-нибудь эдакое, ненужное, а зачем сделал, почему — непонятно.

Всегда получается: себе же хуже!

Вот как-то летом иду я по улице.

Солнце светит, тепло... Навстречу идут прохожие... Симпатичные, милые люди... Я иду, улыбаюсь... Мне хорошо!

Вдруг вижу: идет мужчина с портфелем... Солидный такой мужчина, значительный... На нем — коричневый костюм. И вот в этом коричневом костюме я замечаю недостаток: брюки растегнуты.

Другой бы на моем месте прошел мимо — и ноль внимания!.. А я глупый... Мне больше всех надо!

Я хочу предупредить товарища, чтоб он, значит, не конфузил себя...

Я кричу ему:

— Товарищ! Товарищ!

Он не слышит.

Я снова кричу:

— Товарищ! Минуточку!

Он не слышит, идет быстро.

Я бегу за ним.

Он — за угол. И я — за угол. Он входит в какой-то большой дом, я — за ним. Он идет по коридору, я его почти догоняю, но тут он входит в какой-то кабинет, я — за ним, а секретарша меня не пускает.

— Вы к кому, товарищ? — спрашивает.

Я говорю:

— Я вот к этому товарищу, который прошел.

Она говорит:

— А по какому вопросу?

А по какому я вопросу? Я не знаю, по какому я вопросу...

Я говорю:

— Я по внутреннему вопросу!

Она говорит:

— К товарищу Сеницыну нельзя! Он занят.

Я говорю:

— Да мне, девушка, на минутку, только пару слов ему сказать!

Она говорит:

— Скажите мне, я передам!

Я говорю:

— Вам не могу! Вопрос очень щепетильный...

Она говорит:

— Ну, тогда записку напишите, я передам.

Ладно, думаю, записку так записку...

Беру лист бумаги, пишу... Интеллигентно так пишу, чтоб, если кто в записку заглянет, не ставить товарища Сеницына в неловкое положение...

Я пишу: «Уважаемый товарищ Сеницын! Прошу обратить Ваше внимание на определенную часть туалета, в смысле — брюки, поскольку в них отмечается некоторое несовершенство в смысле пуговиц. С искренним уважением...» Ну и подпись...

Секретарша берет у меня бумагу и говорит:

— Сейчас отнесу! А вы, товарищ, пока здесь подождите...

Я говорю:

— Мне ждать нечего... Я пойду.

Она говорит:

— Нет, посидите... Может быть, у товарища Сеницына возникнут какие-нибудь вопросы...

Какие вопросы — непонятно. Но я сижу, жду. Чего жду — не знаю. Через несколько минут выходит секретарша, выносит мою бумагу, а на ней красным карандашом крупно написано: «МИШУЛИНУ, РАЗОБРАТЬСЯ!!»

Я оторопел, верчу бумагу в руках и спрашиваю:

— Что это значит?

Секретарша говорит:

— Все в порядке. С этой резолюцией идите к товарищу Мишулину!

Я удивляюсь:

— При чем здесь какой-то Мишулин?.. Ваш начальник чего-то не понял... Это я ему писал... Дайте я объясню...

Секретарша говорит:

— Ничего не надо объяснять! Товарищ Мишулин — заместитель товарища Синецкина... Идите к нему в 12-й кабинет.

Я возмущаюсь:

— Да что вы, ей-богу! Глупость какая!..

Она говорит:

— Не морочьте голову, товарищ... Идите скорее к Мишулину, а то он в главк уедет!

Положение идиотское!.. Другой бы плюнул и ушел, а я нет... Я иду в 12-й кабинет... Я бегу, потому что Мишулин в главк может уйти! У 12-го кабинета очередь... Сидят люди с бумагами, ждут... Я тоже сижу, жду... Чего жду — непонятно!

Вызывают. Вхожу.

Товарищ Мишулин, коренастый такой, говорит по телефону...

Я говорю:

— Товарищ Мишулин, получилась глупая ситуация...

Он меня не слушает. Он одной рукой по телефону разговаривает, другой берет мою бумагу, читает и справа крупно пишет: «СОГЛАСЕН!»

Я обалдел. Говорю:

— Товарищ Мишулин, с чем вы согласны?!.. Вы меня послушайте...

Он говорит:

— Мне все ясно! Идите в 27-ю комнату, согласуйте с Рязанцевым!

Я кричу:

— При чем здесь Рязанцев?!.. Вы вникните в суть... Я ведь что хотел...

Он говорит:

— Идите, идите, мне некогда... Пусть Рязанцев подпишет, а потом пойдете в общий отдел...

Я говорю:

— При чем здесь общий отдел?

Он говорит:

— Идите скорее, а то Рязанцев на обед уйдет!

Я бегу. Я уже нервничаю. Я уже боюсь упустить Рязанцева.

Рязанцев мою бумагу подписывает, меня не слушает, посылает в общий отдел.

В общем отделе одни женщины сидят, мне с ними вообще говорить не о чем; они берут мою бумагу, ставят на ней номер и печать, кладут в папку и говорят:

— Все в порядке, идите — вас вызовут!

Плюнул я, повернулся и пошел.

Думаю: «Горите вы здесь все синим пламенем!.. Что я из-за вас, переживать должен?!..»

Иду по коридору, вижу: идет дорогой мне товарищ Сеницын, в коричневом костюме, брюки у него расстегнуты.

Я обрадовался, кричу:

— Товарищ Сеницын!

Он — от меня. Я — за ним! Он — в кабинет. Я — за ним, а секретарша меня не пускает.

Я ору:

— Дайте мне сказать ему два слова!

Она говорит:

Товарищ Сеницын занят. Пишите бумагу!

Я говорю:

— Я не буду писать бумагу! Я уже писал бумагу... Я больше к Мишулину и Рязанцеву ходить отказываюсь... У меня уже печать стоит!.. У меня уже бумага в деле в общем отделе!!

Стою я бледный, меня всего трясет.

Секретарша говорит:

— Не волнуйтесь, товарищ! Сейчас все выясним! — Звонит она по телефону, чего-то выясняет и говорит:

— Вашей бумаги в общем отделе уже нет.

— Как — нет? — спрашиваю. — А где ж она?

— Не знаю, — говорит секретарша. — Очевидно, пошла по инстанциям... Заходите в понедельник, тогда и выясним...

Тут я не выдержал, каюсь... Нервы подвели.

Оттолкнул я секретаршу, ворвался в кабинет и кричу:

— Товарищ Сеницын, так вас растак!!! Что здесь у вас творится?

Гляжу — а у него все в порядке.

— Вам что, товарищ? — спрашивает.

— Ничего! — говорю я. — Так... Проверка слуха...

Повернулся и пошел...

Иду весь злой и думаю — сам он застегнулся или на мое заявление отреагировал? Ведь если бумага так быстро пошла по инстанциям, то чего ж я наорал на человека?

Скрытая камера

(Рассказ продавца продовольственного магазина)

...В понедельник вечером собирает нас, продавцов, директор магазина и говорит:

— Товарищи, завтра вас будут снимать скрытой камерой.

Ну, мы, конечно, обрадовались и спрашиваем:

— А что это такое?

Директор объясняет:

— Это такой новый метод киносъемки, когда тебя снимают, а ты про это не знаешь. И, значит, ведешь себя непринужденно. Зачем это будет делаться — не объяснили: может, в «Новости дня» вставят, а может, в кинофильм какой-нибудь. И вообще товарищ, который со студии звонил, просил вам ничего не говорить. Так что делайте вид, что вы не в курсе! Понятно?

А чего ж здесь не понимать? Все ясно!.. Мы магазин убрали, все почистили, витрины, приукрасили... В винный отдел коньяк со склада принесли, в рыбный — окуня свежемороженого. У себя в мясном отделе я плакат повесил: «Бык в разрезе», где каждый сорт мяса римской цифрой обозначен. В общем, приготовились!

Вечером я постригся, помылся и жене сказал:

— Ты мне наутро рубашку белую приготовь и галстук в полосочку — нас скрытой камерой фотографировать будут.

На другой день приходим все разодетые, как на праздник. Продавцы — в галстучках, продавщицы — в кофточках, в блузочках, кассирша Зина французскими духами надушилась, хотя это уже совершенная глупость, потому как кино не пахнет.

Все улыбаются, говорят вежливо, на покупателей смотрят, как на родственников... Только и слышно: «Пожалуйста!», «Будьте добры!», «Разрешите, я вам вернуть» и всякая такая ерунда...

Покупатели смотрят на нас, как на полоумных, ничего понять не могут. Но тут кассирша Зина высунулась из кассы и шепчет очереди:

— Не толкайтесь, товарищи! И вообще ведите себя прилично — нас скрытой камерой снимают для кино.

Покупатели сразу поняли, что к чему, притихли, подобрели, друг другу место уступают... Всех алкоголиков от винного отдела как ветром сдуло, осталось только

человек пять-шесть: стоят чинно, томатный сок пьют, разговаривают про события в Нигерии...

В общем, до обеда мы проработали в такой исключительно нервной обстановке. Но тут вдруг вбегает директор и говорит:

— Товарищи! Не волнуйтесь! Звонили со студии: сейчас съемки нет, только после обеда будут снимать скрытой камерой!

Ну, мы дух перевели, покупателей быстренько всех повыгоняли, магазин заново убрали, в овощной отдел апельсинов подбросили, в колбасный — колбасу докторскую, в рыбный — плакатов! Короче, приготовились, ждем...

Только после обеда к нам набилось ужасное количество народу. Слух про скрытую камеру в момент разнесся, и каждый под это дело хочет что-то купить и получить вежливое обслуживание. Некоторые покупатели совершенно распоясались...

Одна пожилая дамочка в махере совсем обнаглела и говорит мне:

— Товарищ продавец, что бы вы могли мне порекомендовать для бульона?

Я про себя думаю: «В другое время я б тебе порекомендовал, халда ты эдакая!» — но теперь этого сказать не могу, а, наоборот, делаю такое задумчивое лицо для скрытой камеры и говорю:

— Я вам рекомендую, гражданка, этот кусок с косточкой... В ней много липоидов и аминокислот!

В общем, цирк, да и только!

А к концу рабочего дня вбегает директор и кричит:

— Звонили со студии, сегодня съемки не было, завтра со скрытой камерой прибудут!

Назавтра опять нервотрепка!

Опять все вырядились, опять работаем как угорелые, сплошной сервис, сплошное «будьтедобрыпожалуйста!», а вечером — новый звонок со студии:

— Сегодня скрытой камеры не было — завтра будет!

Тут уж нервы у нас стали сдавать... Многие валидол принимали, с кассиршей Зиной нервный припадок случился, она весь день улыбалась как ненормальная, и у нее на лице какой-то сустав замкнулся...

Короче, промучились мы так пять дней, а когда на шестой день опять со студии позвонили и сказали, что съемка переносится, — сомнение взяло: не валяет ли кто с нами дурака?

Директор в милицию позвонил, а оттуда дежурный говорит:

— Не волнуйтесь, товарищи, никакой скрытой камеры нет! Какая-то шайка терроризирует все торговые и бытовые учреждения нашего района. Они и над «Универмагом» так измывались, и над «Женским ателье», и над «Химчисткой», и «Столовую» до того довели, что там на столики розы поставили и семгу вместо селедки подают!

Ну, мы все вздохнули облегченно! Как гора с плеч! И возмущались, конечно! Разве можно позволять себе такие глупые шутки? А кассирша Зина сказала:

— Когда этих хулиганов поймают, я первая свидетельницей в суд пойду! Чтoб строже их покарали!.. И потом я ради это скрытой камеры у частника зубы новые вставила, — пускай они мне их оплатят!..

Хорошее воспитание

«Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это делает кто-нибудь другой...». Так Чехов сказал. В восьмом томе Собрания сочинений. Удивительно мудрое замечание, между прочим. Я, когда прочитал, так даже поразился — как мне это самому в голову не приходило? Считаю себя интеллигентными людьми, а не дай бог кто-нибудь прольет за столом соус, так уж сразу шум, крики... А Чехов с этим борется. Он прямо говорит: хорошее воспитание не в том, чтоб, значит, самому не гадить, а совсем наоборот...

Я когда это прочитал, то сразу решил, что буду жить по Чехову. А тут как раз и случай подвернулся — день рождения жены. Пришли гости, родственники, сослуживцы. Сидим, едим, интеллигентные разговоры ведем про погоду, про дубленку, про Евтушенко, про то, про се... Хорошо сидим, мирно, соуса никто не проливает.

Но тут один из гостей, некто Куликов, за бутылкой потянулся и фужер с пивом на скатерть и опрокинул. Смутился, стал быстро пятно салфеткой вытирать.

Я сию — ноль внимания. Просто абсолютно не реагирую. То есть сию с таким видом, будто он ничего не проливал. Будто и не было этого...

Но тут я замечаю, что никто не замечает, что я не за-

мечаю, как он скатерть залил. Мне как-то обидно стало. И я говорю:

— Хорошее воспитание, говорю, не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой...

Гость Куликов покраснел и говорит:

— Я никакого соуса не проливал!

Я говорю:

— При чем здесь соус? Дело не в соусе... Просто приятно, что здесь собрались хорошо воспитанные люди... Вот вы пиво пролили, а никто даже глазом не моргнул... И это очень радостно, тем более что скатерть новая, недавно куплена.

Гость Куликов почему-то еще больше смутился, что-то стал бормотать и вдруг уронил тарелку на пол. Тарелка — вдребезги! Гость Куликов стал красный как рак. Все молчат. А я стараюсь не замечать этого нового конфуза, хотя про тарелку у Чехова ничего не сказано.

Я говорю:

— Не смущайтесь, пожалуйста! Какие пустяки! Никто ничего не видел. Бог с ней, с тарелкой! Она — из сервиза! Антикварная. Саксонский фарфор!

Гость Куликов почему-то весь затрясся, бросился осколки подбирать, да от волнения скатерть зацепил. На пол посыпались бутылки, рюмки... Я губу закусил, но всем видом стараюсь показать, что ничего этого не замечаю. Я даже, наоборот, насвистывать что-то веселое стал, чтобы показать всем, как мне это все безразлично.

И тут, представляете, жена Куликова вскакивает и кричит мне:

— Что вы третируете моего мужа?

Я ей вежливо отвечаю:

— Никто вашего мужа не третирует! Наоборот, стараемся не замечать его хамства. Вот вы, например, своей вилкой в общий салат лезли, а я этого даже не заметил.

Тут она чего-то заплакала, а все гости стали почему-то возмущаться. Какой-то родственник жены вскочил, кричит:

— Уйдем отсюда! Над нами здесь издеваются!

Я говорю:

— Да кто же над вами издевается? Пришли, понимаешь, пол замызгали, пепел в тарелки сыплет, пьете неумеренно... Я стараюсь не обращать внимания, а вы еще что-то вякаете!..

Тут гости вскочили, бросились в переднюю за пальто.

Я им крикнул вдогонку:
— Ну и ладно! Валите отсюда! Попутного ветра!
Это, конечно, я уже грубо крикнул. Не надо бы этого!..
Мне бы им чего-нибудь из Чехова вдогонку послать,
что-нибудь про соус или в этом роде, но как-то цитаты не подобрал..
Слава богу, бутылкой не запустил, сдержался...

Когда горит душа...

(Рассказ строителя)

...Про этот случай у нас в городе много глупостей рассказывали, но я-то чистую правду изложу, поскольку был всему случившемуся свидетель, если не сказать, соучастник...

Строило наше СМУ столовую. Обыкновенную столовую, типовую, одноэтажную. И вдруг кто-то слух пустил, что это, мол, будет вовсе не столовая, а «кафе-опохмелочная» и будто бы она будет работать с семи утра, и будто бы там будет отпускаться огуречный рассол, квас, пиво ну и, конечно, крепкие напитки.

В общем, все, за что пьющий человек поутру жизнь отдаст.

Кто такую глупость мог придумать, я даже и не знаю, только некоторые в нее поверили.

Во всяком случае, три дня слух в городе обсуждался, а на четвертый день в понедельник прихожу я рано-рано, часов в пять, на стройку и вижу что-то неладное — посторонние люди на площадке. Человек десять мужчин, а то и больше. Стоят хмурые, воротники подняли, ежатся на морозе.

— Вам чего, ребята? — спрашиваю.

— Да в о т , — г о в о р я т , — пришли проведать, скоро ли «опохмелочная» откроется?

— Что вы, — говорю я, — сдурели, что ли? Какая «опохмелочная»? Обыкновенную столовую строим, типовую, одноэтажную.

— Ладно-ладно, говорят, ты нам не заливай! Ты давай строй скорее! Видишь, у людей душа горит...

Смотрю я на них, вижу — действительно люди, пострадавшие с вечера: глаза у них красные, лица серые, телом подрагивают.

И главное — уходить не собираются.

— Да вы что, ребята, — смеюсь я, — думаете здесь до открытия простоять, что ли?

— А чего же? — говорят они. — Можно и подождать. Чай, уж немного осталось...

— Да вы в своем уме? — спрашиваю. — Как так — немного? У нас только фундамент заложен да стены начали ставить. Здесь еще месяца на три, а то и больше, работы!

— Брось шутить, дядя, — говорят они. — Делов-то всего — дом построить! Ты лучше «ля-ля» не разводи, ты воздвигай скорей!

Плюнул я со злости, закурил. Они зашумели, папиросу вырывают.

— Ты что, — кричит один в шляпе, — здесь перекуры устраиваешь? Ты людей до инфаркта довести хочешь?! Я из загорода на первой электричке сюда приехал, а он, подлец, курит!

Вот ситуация! Понимаю, что люди не в себе, что им сейчас море по колено...

— Ах так, — кричу я, — тогда и воздвигайте сами, чтоб вам пусто было!

— А что ж, — говорят они, — можно и помочь для темпу!

Скинули они пальто на снег, поплевали на руки и взялись за кирпичи...

Честно скажу, я такой кладки даже в кино не видел. У нас и норм таких нету. Если б кто с секундомером тут стоял, то мы бы мировой рекорд зафиксировали. Мастерки стучат, кирпичи летают, раствор аж кипит от скорости. Не успел я и ахнуть, а они уж стены под крышу подводят...

— Стойте! — ору я им. — Чего зря стараетесь? Все равно балок нет, жести нет, окна не вставлены... Опомнитесь, люди!!

— Ничего! — кричат они. — Сейчас все мигом будет... Нам ведь дворец не нужен, нам самочувствие поправить — и ладно!

Кинулись — кто к телефону, кто на базу поехал, кто неизвестно откуда рамы принес... Гляжу, через пятнадцать минут грузовик подъезжает с материалами, за ним другой — со столами и стульями, за ним автобус маляров привез...

Я глазам не верю, но вижу — к концу дело идет! Один уже паркет положил, проциклевал да натирает,

другой окна моет, занавески вешает, третий столы устанавливает, четвертый из меню ненужное вычеркивает...

— Все одно, ничего у вас не выйдет! — кричу я. — Персонала нет, смета не утверждена!

— Не паникуй, дядя! — говорят они мне. — Смету потом утвердим, а персонал уже ведут!

Смотрю — действительно ведут. Официанток где-то раздобыли, буфетчицу, кассира. Заведующую, толстую такую тетеньку, просто на руках несут. Заведующая смеется, отбивается, кричит:

— Отпустите меня, граждане! Я ведь еще не оформлена!..

— Оформлена, оформлена, — говорят они ей. — План выполнять пора!

А в это время какой-то мальчик в спецовке — бог знает откуда он взялся — бочку с рассолом прикатил да пиво на самосвале привез. Короче, хотите — верьте, хотите — нет, но только ровно в семь открылась столовая, сели они за столики, выпили, закусили, «беломорчиком» подымили и все разом встали.

— Прощай, дядя, — говорят они мне. — Извини, если что не так! Нам еще на свою работу поспеть надо...

И ушли.

Вот тогда я сел за столик, обхватил голову руками и заплакал. Грустно мне чего-то сделалось за них, за себя. И еще обидно было, что я им сдуру сказал, что столовая типовая, одноэтажная. Под горячую руку они высотное здание запросто могли махнуть...

Протекция

(Рассказ вахтера)

... И вот, гражданин следователь, разрешите, я расскажу вам все по порядку, а вы уж меня не сбивайте, не то я что-нибудь важное забуду, а потом стану переживать.

А переживаний тяжелых у меня и без того достаточно — в душе такой нарыв, что, ей-богу, уже нет никаких сил терпеть.

Все, как было, расскажу вам, гражданин следователь, и, коли я преступник, пусть меня в тюрьму сажают, а коли нет, так я сам в первый санаторий уеду... Нервы, они ведь не из проволоки сделаны.

Значит, начну с того, что я — Зенков Иван Сергеевич, шестьдесят два года мне, работаю сотрудником Медицинского института в должности вахтера.

Работа, сами понимаете, нехитрая, с утра до вечера сижу на посту в вестибюле, выдаю ключи от кабинетов, по телефону на звонки отвечаю — мол, институт слушает, и вообще слежу за порядком. На работе мною довольны, никаких замечаний — наоборот, благодарности по праздникам выносят за подписью всего треугольника.

И вот так текла она, моя жизнь, до того самого дня, пока это все не приключилось, не закрутило меня да не привело к вам, гражданин следователь, а видеть вас, сами знаете, радость маленькая. Извините...

Так вот летом у нас в институте, как известно, экзамены. Вступительные. Одним словом, абитуриентов принимаем. Народу к нам поступает много, все хотят быть докторами, иметь высшее образование. На каждое место человек десять поступает... можете представить, что творится.

В вестибюле летом не протолкнешься. Все ходят, волнуются, шепчут, в книжки заглядывают... Здесь же родители стоят кучками, тихонько пугают друг дружку... Этот, мол, доцент, страшный, а тот, мол, еще страшнее! Пропадут, мол, наши дети! Запугивают друг дружку до обмороков.

Я даже специально в столе бутылку валерьянки держу. Как кому плохо, так в стаканчик накапываю. Очень помогает от нервной системы.

Так вот в тот памятный день из-за валерьянки и началось. Стояла в вестибюле одна мамаша с дочерью — абитуриенткой. У обеих вид был ужасно перепуганный. Дочка дрожала, а мать ее по голове гладила. Гладила, гладила да вдруг за сердце сама и схватилась.

Ну, я свое дело знаю. Достал валерьянку, отлил в стаканчик и к ней.

— Выпейте, говорю, гражданка! Очень помогает от нервной системы.

Она выпила и говорит:

— Спасибо вам большое, а то мне что-то плохо сделалось.

Я говорю:

— Напрасно вы себя изводите. Сдаст ваша дочка.

Дочка говорит:

— Ни в коем случае! Я сегодня физику доценту Грачеву сдаю, а он же зверь!

Я говорю:

— Какое вы имеете, девушка, право оскорблять наших сотрудников? Товарищ, говорю, Грачев Виктор Георгиевич очень даже хороший человек. Я его прекрасно знаю!

Сказал и отошел к своему рабочему месту.

Только вскоре подходит ко мне эта мамаша и говорит:

— Уважаемый товарищ дежурный! У меня к вам интимный разговор. У меня дочка очень нервная. С ней вот-вот должна произойти истерика. Помогите, ради бога!

Я говорю: «Пожалуйста!» — и лезу за валерьянкой.

— Нет, — говорит мамаша, — вы меня не так поняли. Я прошу у вас протекции. Вы сами сказали, что хорошо знаете доцента Грачева. Так не смогли бы вы за нас замолвить словечко? Ничего такого особенного не надо, лишь бы он к ней добрее отнесся...

И смотрит на меня так жалобно-жалобно. А сзади дочка выглядывает — вся бледная и губы кусает.

И вот тут, гражданин следователь, дал я слабину! Мне бы шугануть их да кулаком стукнуть, а я расчувствовался.

— Хорошо, говорю, мамаша. Попробую. Как фамилия?

— Николаева, — говорит.

— Ладно, говорю, попытаемся!

Встал и пошел на кафедру физики. Постоял там пять минут, папироску покурил — и назад.

Эта Николаева — ко мне.

Я говорю:

— Все в порядке! Пусть сдает и не сомневается.

Мамаша Николаева говорит:

— Спасибо вам большое!

Я говорю:

— Не стоит!

Для чего я это сделал, гражданин следователь? Просто для поднятия духа, как говорится. Подумал: пусть девчонка думает, что за нее хлопотали. Все нервы спокойнее будут. А там, глядишь, ежели действительно учила, то и сдаст. Вот какие мысли у меня были, гражданин следователь, и ничего больше.

Действительно, выбегает вскоре эта девчонка и вся сияет. «Пятерка, кричит, мама!»

Тут они с мамашей целуются от радости и прыгают.

Я тоже сиюж довольный, что мой фокус удался.

Только затем подходят они ко мне и начинают благодарить. Мол, я спаситель, чудесный человек и все такое.

Я, понятно, сижу смущаюсь.

Но после этих слов мамаша лезет в сумку и сует мне двадцать пять рублей.

Гражданин следовательно, я отказывался. Я их ни в какую не брал. Говорил даже: «Да что вы, ей-богу!..»

Но эта женщина сунула мне в карман деньги и убежала вместе с дочкой.

Весь вечер потом я совестью мучился. Переживал всю. Водки выпил. «Нехорошо, думаю, получилось!» И твердо решил утром деньги этой гражданке вернуть. На другой день пришел рано на работу, сел за стол, жду. А ее нет и нет. В вестибюле опять полно народу. Ходят, волнуются.

И вдруг подходит ко мне незнакомая женщина. Такая вся из себя полная.

— Здравствуйте, говорит, Иван Сергеевич. Я к вам по рекомендации Николаевой. У меня сегодня сын физику сдает. Выручайте!

Я прямо обомлел.

— Да вы что, говорю, рехнулись? Ничего я не могу сделать. Отойдите и не мешайте работать!

А она в слезы.

— Голубчик, говорит, умоляю! Не будьте так жестоки. Мой сын должен стать врачом. Он — талант. Он с детства лягушек резал и все такое. Если он не поступит, я не переживу. У меня давление высокое!

Ну что было делать, гражданин следовательно? Ведь все мы люди. Все должны друг другу помогать. У нас так и в кодексе записано, что висит на стене в главном корпусе. Что тут поделаешь?! И опять, конечно, я дал слабину. Проявил нестойкость.

— Ладно, говорю, попробую помочь. Но ничего не гарантирую.

Она говорит:

— Конечно, какие гарантии?! Просто слово замолвите!

Опять пошел я на кафедру. Покурил там, выхожу.

— Все в порядке, — говорю. — Пусть идет, не сомневается!

— Спасибо! — говорит мамаша. — Я вам буду очень благодарна. Только ведь вы фамилию у меня не спросили!

— Ничего, — говорю. — Я его по приметам описал.

— Так вы ж его ни разу не видели, — говорит.

— Ничего, — говорю. — Я ваши приметы описал. Он ведь на вас похож?

— Не очень, — говорит. — Он у меня приемный! Я даже разозлился. Говорю:

— Не волнуйтесь, мамаша! Все сделано! Лишь бы знал хорошо!

И вот, гражданин следовательно, можете поверить: через полчасу подбегает к этой мамаше какой-то парень в очках, целует ее и кричит: «Пятерка!»

Она его ко мне посылает:

— Благодарю, говорит, Ивана Сергеевича.

Меня этот парень хватает за руки, трясет, всякие слова говорит, а мамаша, чувствую, в это время что-то в карман кладет.

Я туда-сюда, хочу отказаться, но этот парень за руки держит. Просто не было сил отбиться. Опять, значит, дал я слабину.

А эта гражданка говорит на прощание:

— Завтра, Иван Сергеевич, мой племянник сдает. Орлов фамилия. Прошу составить и ему протекцию...

А на меня, знаете ли, такая усталость напала, что мне уж все равно.

— Валяйте, говорю, присылайте племянника. Пусть сдает — мне не жалко!

И вот с тех пор пошло и пошло. Каждый день ко мне родители идут. Прсят, умоляют.

Я, конечно, никому конкретно не обещаю.

Сдаст человек — так сдаст. А не сдаст — я не виноват.

— Извините, говорю, не получилось. Уж видно, совсем ваш ребенок ничего не знал, ежели после моей протекции сумел провалиться. Не быть, значит, ему доктором!

Очень многие моей помощью пользовались.

Я уж потом стал и на других кафедрах гарантировать.

А потом уж и в другие институты стал устраивать.

Придет ко мне родитель, скажет:

— Иван Сергеевич, у меня сын в юридический или, скажем, в авиационный поступает! Не можете помочь?

А мне что, жалко?

— Пусть поступает, — говорю. — Все, что смогу, сделаю. Пусть сдает и не сомневается.

Многие потом благодарить приходили...

И, конечно, деньги совали, и я, натурально, проявлял слабость.

А что, гражданин следовательно, если тебе деньги ни за что ни про что дают, а ты еще отказываешься, а тебе все-таки их засовывают, — неужто это преступление?!

Я ведь из-за этого сна лишился. Нервничать стал ужасно. Уж валерьянку никому не капал — сам все больше пил.

Денег-то у меня порядком собралось. Хотел я их, так сказать, в фонд науки передать, чтоб собак на них купили для опытов. Да побоялся. Еще начнут выяснять, откуда у меня такие средства.

В общем, совсем извелся я. Вечерами дома сижу, как крот. Все жду, когда милиция придет. И дождался.

Вчера вечером звонят в дверь, открываю — наш участковый. У меня внутри все и оборвалось.

— Вы гражданин Зенков? — спрашивает.

— Я, — говорю и чувствую — ноги подкашиваются.

— Вы работаете в институте? — спрашивает.

— Работают, — говорю.

— Значит, все верно, — говорит. — А я к вам по личному делу. У меня брат поступает в ваш институт, так не смогли бы вы чем-нибудь посодействовать?

Чего он еще говорил, не помню.

Я сознания лишился, на пол упал.

Меня на постель положили, стали отхаживать.

Всю ночь я метался, горел весь, аж, поди, паленым пахло.

Одним словом, утром встал и сам пошел к вам, гражданин следовательно. Судите меня по всей строгости.

Все равно больше нет сил маяться. Нервы ведь тоже не из проволоки.

У вас, простите, никто из родственников в институт не поступает?.. Нет?..

Тогда разрешите папироску...

Новый обычай

(Рассказ одного молодого активиста)

Я, товарищи, лично считаю, что у нас очень плохо обстоит дело с внедрением новых современных обычаев.

Вот, скажем, еще давно была хорошая идея заменить крестины октябринами.

Вроде бы очень полезная идея!

Приносили новорожденного младенца на торжественное собрание и над его колыбелью всякие напутственные речи говорили. Так сказать, окунали младенца вместо купели сразу в гущу общественной жизни.

Хорошая идея была! А не прижилась...

Новорожденные пугались громких голосов и аплодисментов и сразу намокали. А если новорожденный намок, он сразу забывает, где находится, поднимает истерический крик и не дает слова сказать о том, какая светлая жизнь его ждет впереди...

Не прижился обычай! А жаль.

Или вот другая хорошая идеяка была: устраивать комсомольские свадьбы. Чтоб, значит, вместо всяких родственников, папаш да мамаш приглашать на нее общественность и представителей районных организаций. А также отдельных вышестоящих товарищей.

Казалось бы, очень интересная идея! Но тоже плохо приживается...

Некоторые невесты, например, отказываются целоваться на глазах у представителей районных организаций. Стесняются.

Опять же с местами за столом на данных свадьбах возникают затруднения.

Приходит, скажем, вышестоящий товарищ. Возникает вопрос: где его посадить?... Где-нибудь в уголке неудобно! Сажают на почетное место — рядом с невестой. Но из-за этого бывают неприятности. Некоторые несознательные женихи выпивают лишнее и начинают наседать на вышестоящих товарищей в смысле ревности. Возникают печальные инциденты!.. У нас в районе, например, из-за этих свадеб несколько вышестоящих товарищей полегло в больницы...

В общем, не приживается обычай! А жаль.

Нам эти новые обычаи очень нужны. Вот мы тут недавно собрались с товарищами из нашей организации и стали советоваться: какой бы такой новый современный обычай придумать?

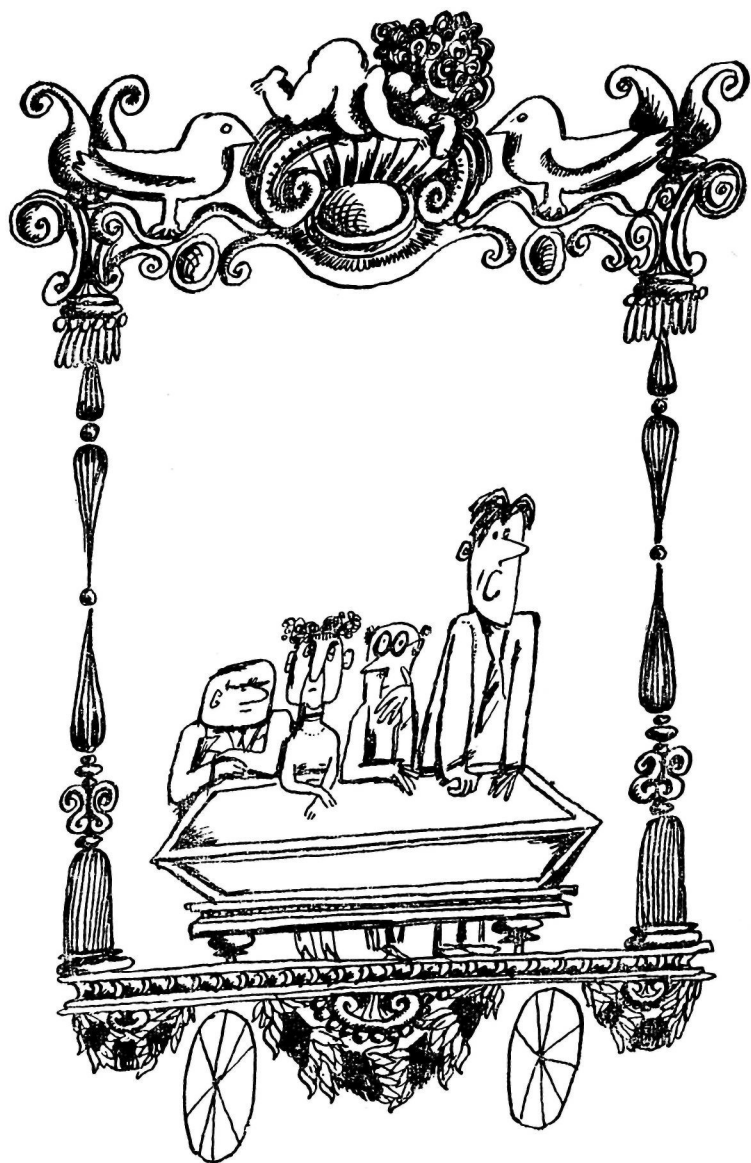
Один товарищ, между прочим, и говорит:

— Давайте, говорит, устроим комсомольские поминки!!

Я поначалу не понял товарища.

— Как же так? — говорю. — Ведь для поминок, говорю, обязательно усопший требуется. А его не всегда можно приурочить к данному мероприятию.

А мне в ответ этот товарищ резонно замечает:

— А зачем, говорит, усопший? Это в старом патриархальном обычае друзья собирались вместе и об усопшем всякие хорошие слова говорили. А зачем, спрашивается, хорошие слова? Ему от них теплее не станет! А вот мы, по нашему новому обычаю, про живого так говорить будем! А то у нас отдельные товарищи работают-работают, а доброго слова о себе не слышат...

Честно говоря, мне эта идея очень понравилась. Так свежо и оптимистично.

Поддержал я идею. Установили число. Выбрали кандидатуру.

Есть у нас такой Коля Гвоздев, хороший парень, общественник, редактор стенной газеты и все такое. Его-то для начала и решили помянуть.

Собрали в назначенный день актив в красном уголке, вызвали Колю Гвоздева и говорим:

— Ты, Коля, сейчас ступай за дверь, а мы тебя здесь будем хорошими словами помянуть. Можешь послушать!

Коля вышел, а я поднялся из-за стола и говорю:

— Дорогие товарищи! Вот от нас ушел хороший человек. Коля Гвоздев. Много лет он честно работал, и пусть его сейчас нет среди нас, но мы всегда будем помнить его добрые дела!

Очень проникновенно я говорил. Многие девушки даже разрыдались. Затем стали другие товарищи выступать. Каждый вспоминает о Коле хорошее, секретарь поминки протоколирует — все идет как по маслу.

Но тут один из выступающих товарищей вдруг зарвался. В раж вошел. Говорил-говорил, да вдруг как крикнет:

— Спи, говорит, спокойно, дорогой Коля. Мы отомстим за тебя!!

Чего он этим хотел сказать, не знаю. Только после этих слов открывается дверь, вбегает бледный Коля Гвоздев и со всего маху бьет данного товарища в лоб.

Ну, конечно, мы поминаемого скрутили, связали и вынесли из комнаты ногами вперед.

В общем, сорвалось начинание!

Мы, правда, и потом пробовали его несколько раз повторять, но все неудачно. Каждый раз поминаемый товарищ не выдерживал.

Не прижился обычай! А жаль.

Теперь вот сижу и голову ломаю, какой бы такой новый обычай придумать, чтоб он был современный, красивый и чтоб без травм.

Мысли гражданина Кравцова

О семейном бюджете

...Нет, что ни говори, жизнь нынче трудная... Сам посуди: я зарабатываю 140 рублей, жена — 100. Всего выходит 240. Это как-никак, 80 поллитровок! Кажется, жить можно?

Но теперь считай. За квартиру платить надо? Надо! Три поллитровки долой. За свет — две поллитровки, за телефон — одну.

Вот оно и выходит, что на жизнь всего 74 бутылки остается.

Теперь дальше... Мне — проездной билет, жене — проездной билет, — два поллитра долой! Дочка у меня в восьмом классе, отличница, на пианино играет, ей на карманные расходы надо? Надо! В буфет зайти, мороженое купить... одним словом, пять поллитровок — ребенку на питание...

Теперь культурный досуг. В кино семьей сходить — четвертинки нету. Потом жена требует хоть один раз в месяц театр посетить. А театр — вещь дорогая! На премьеру пошел — хоть и на балконе места, а поллитра просидишь, это точно.

О покупках я уже не говорю... Туфли женские — пять поллитровок, кашне мужское в цветочках — три!..

В общем, туда-сюда, считай-прикидывай, а все равно на жительство 30 поллитровок остается, не больше! Говоря яснее: бутылка в день. А у меня семья — три человека!.. Что есть бутылка на троих? Не мне тебе рассказывать... Так, тьфу! Щекотание горла! Вот и живи как знаешь...

Только пустая посуда и выручает! Ей-богу! В прошлый месяц бутылки сдал — телевизор купили, теперь на сервант собираю...

А тут, слышь, ребята болтали, что водку в бумажных пакетах выпускать будут... Вроде как молоко. Это что ж? Это ж такой удар по семейному бюджету! Как жить тогда, я просто не знаю...

О научных открытиях

...Я не против науки, я, можно сказать, всей душой ее поддерживаю. Но я против научных открытий, которые мне ни к чему!.. Я всегда говорил: открыть что-нибудь —

это ерунда, это и дурак сделает, но если ты — ученый человек, профессор, так ты, прежде чем открывать, подумай, что ты этим хочешь сказать... Польза ли от этого или наоборот!

Вот, к примеру, медики рак открыли... Для чего, спрашивается? К. чему? Жили наши предки не тужили, умирали как люди: кто — от чахотки, кто — от холеры, кого — медведь задерет... И не знали никакого там рака. И вот, пожалуйста, открыли его на нашу голову! Вот он народто и косит! А ведь академик, который его открывал, должен был головой-то думать, что открывает и что из этого выйти может...

Или возьмем ботаников, душа из них вон! Все, понимаешь, скрещивают, все скрещивают... Вишню — с черешней, малину — с рябиной! Кому, я тебя спрашиваю, от этого польза? Идешь на рынок: картошка, как яблоки, стоит, а яблоки — как апельсины... Наскрещивали, паразиты!

А уж про Эйнштейна я и не говорю! Он свою относительную теорию для чего открыл?.. Спроси его — сам не знает... У меня друг — электрик, так он мне ее всю объяснил... Ведь там что получается: человек в космос на год улетел, а здесь, на земле, десять лет проходит... Кому это надо?! Выходит, улечу на звезду, возвращусь, а у меня здесь десять лет за квартиру не плачено... Пеня знаешь какая набежит?! Полечу я после этого в космос? Да ни в жизнь!

Вот химики — другое дело. Эти — молодцы! Изобрели кипяток... И заварку к нему! Сиди, пей чай, рассуждай о разном.

О прелестях городской жизни

...Я лично город люблю. Когда городскую жизнь кто-то хает, то я с этим не согласен. Не нравится — не живи, а нам не мешай!

Вот, говорят, у нас в городе воздух загрязненный. Вредный, мол. На это я скажу: кому как! Мне, который привык, этот воздух даже очень полезен. Меня, наоборот, от озона мутит. Ей-богу! Час по лесу походишь — сердце свербит, а «Беломор» закуришь — вроде и отпускает. О прошлый месяц коллективно за грибами ездили, так, поверишь, со мной в роще обморок случился. Надышался кислородом — организм и не выдержал. Хорошо еще, ре-

бятя сообразили: подтащили меня к автобусу, к выхлопной трубе... Еле отдышался!

Я и тишину не люблю. Она мне на перепонки вредно действует. К сестре в деревню ездил, так спать не мог. Ночью тихо, как на кладбище... Жуть! Мигрень разыгралась отчаянная... Слава богу, свояк пожалел, стал меня по ночам на мотоцикле возить... Только так и высыпался...

А которые говорят, что в городе кругом давка да очередей, так те не гуманисты. Я, например, многолюдье люблю... Я в пустой трамвай и не сяду. Чего в пустом ехать-то? Уж лучше в такси. Там хоть с шофером поговоришь за свои же деньги. А вот по утрам я на транспорте ездить люблю... Там тебя сожмут, стиснут, сдавят... Все, думаешь, конец!.. Ан нет! Выкинут тебя на остановке, расправишь ты грудь, чувствуешь — жив! И такая радость на тебя находит, такое воодушевление... Чувствуешь, что горы своротить можешь!.. Садишься на трамвай и едешь в другую сторону...

О всеобщей взаимосвязи

...Вот вы не верите, что в мире все связано дружка с дружкой, а я вам это научно докажу. Я недавно прочитал в журнале про такой любопытный факт: где-то там — то ли в Африке, то ли в Америке — были джунгли. Пышные, между прочим, джунгли, наполненные растительностью и всякой жизнью. И вот в этих джунглях проживала одна мушка. Маленькая такая мушка, жужжащая и совсем вроде бы бесполезная. Кроме того, она всех кусала — людей и зверей. У людей от этого волдыри вскакивали, и это их нервировало. И решили люди эту мушку извести. Посыпали они джунгли ДДТ — и вся мушка погибла. Не стало мушки!

И что ж, вы думаете, произошло? Страшная вещь!

Скоро в джунглях исчезли маленькие птички, которые, оказывается, питались этой самой мушкой. Потом исчезли большие птички, которые питались маленькой птичкой. Исчезли птички, зато появились всякие жучки-таракашки, которые этих птичек боялись. Появилось, значит, много жучков, и эти вредные жучки стали жрать траву и вообще всякую зелень.

Сожрали они зелень, и тогда исчезли косули и антилопы, которые без зелени жить не могут. Ну а потом и

хищники пропали — всякие львы, ягуары... Им без антилоп тоже голодная смерть!

Короче, через некоторое время захирели джунгли, задул в них суховей и вообще на этом месте образовалась пустыня!

И все, значит, это из-за одной малюсенькой мушки!

Я к тому это рассказываю, что и во всем другом такая цепочка имеется...

Вот вы скажите: отчего в мире прогресс происходит? Оттого, что заводы и фабрики растут и новую продукцию производят. Отчего они новое производят? Оттого, что их наука движет! Отчего наука движется? Оттого, что ей ученый идею дает!! Отчего ученый идею дает? Оттого, что он за столом сидит, думает, ночь не спит!

Отчего ж он, голубчик, не спит?

Оттого, что я у него под окном пою!

Отчего я пою? Оттого, что выпил...

Теперь я спрашиваю, учитывая эту всеобщую взаимосвязь: имею я право хоть один день не выпить?!!

Нет, дорогие мои, не имею!

История мне этого не простит!..

Письма гражданина Кравцова

Письмо в Министерство культуры

Уважаемые товарищи!

В то время когда читаешь в газетах о различных благородных поступках наших советских людей, особенно обидно писать о недостойном и негуманном поведении артиста филармонии, конференсье Фулина П. С., которое имело место недавно в нашем городе.

Пятнадцатого апреля мы с женой, Кравцовой Е. Т., пошли на концерт артистов филармонии в наш Дворец культуры, купив при этом билеты в 7-м ряду, места 14-е и 15-е.

Настроение у нас было замечательное, и поэтому мы с радостью восприняли начало концерта, когда выступил конференсье Фулин П. С. и объявил о выступлении скрипача товарища Чернова В. Т., исполнившего «Полет шмеля» композитора Римского-Корсакова Н. А.

И вот, слушая эту замечательную музыку, моя жена, Кравцова Е. Т., вдруг с ужасом обнаружила, что ею потерян кошелек, в котором находились три рубля денег и ключи от квартиры.

Естественно, что это событие очень взволновало нас с женой, так как три рубля — это бог с ними, но двери квартиры заперты, а ключи у нас одни, то есть есть еще и другие, но наша дочь, Кравцова Т. В., ушла на день рождения к подруге, а их не взяла, то есть мы никто не сможем попасть домой.

Огорченный этим инцидентом, я уже совершенно не мог слушать замечательный «Полет шмеля», а наоборот, встал и, тихо выйдя из зала, прошел за кулисы, где обратился к конферансье Фулину П. С. с просьбой помочь нам, то есть объявить со сцены — дескать, нами потерян кошелек с тремя рублями денег и ключами от квартиры, чтобы те из зрителей, кто нашел, передали его нам, ряд 7-й, места 14-е и 15-е.

Каково же было мое удивление, когда конферансье Фулин П. С. вместо сочувствия и взаимопомощи наотрез отказался выполнить мою просьбу, несмотря на то, что я ему подробно обрисовал создавшееся положение, упомянув и про дочь, Кравцову Т. В., которая ушла на день рождения к подруге, а вторых ключей не взяла.

Тогда я обратился к находившемуся здесь же певцу Рубаеву И. Т. с аналогичной просьбой. Но и певец Рубаев И. Т., несмотря на свой хороший голос, тоже отказался сделать такое объявление со сцены, а конферансье Фулин П. С. даже пытался поднять меня на смех.

Естественно, меня возмутило такое негуманное поведение артистов, тем более что мы все видели по телевизору замечательный фильм «Если бы парни всей земли...», где люди разных национальностей пришли на помощь морякам, съевшим несвежую колбасу.

Я пытался этим примером усовестить зарвавшихся артистов, но натолкнулся на равнодушие и скептицизм.

На мое счастье, в это время в комнату вошла артистка Кулакова Г. И., чтица, лауреат Всероссийского конкурса. Эта замечательная артистка сочувственно отнеслась к моей просьбе и, войдя в мое положение, пообещала объявить о кошельке со сцены.

Я вернулся в зал и, успокоив свою жену, стал ждать.

Но и тут конферансье Фулин П. С. проявил себя бесчувственным человеком. Вместо того чтобы сразу выпустить чтицу Кулакову с ее выступлением, он стал тянуть

время, пропустив вперед скрипача Ремизова Л. Т., исполнившего «Цыганские напевы» Сарасате, и певицу Ползунову С. И., которая исполнила арию Царевны-Лебеди и потом еще арию Розины композитора Россини.

Наконец — видно, под давлением товарищей — конференсье объявил выступление чтицы Кулаковой Г. И.

Товарищ Кулакова блестяще прочитала стихи Блока и Некрасова, за что и имела шумный успех, а на бис эта замечательная артистка объявила о потере нашего кошелька с ключами.

Зрители с волнением и сочувствием отнеслись к нашему горю и, порывшись в карманах, отыскали наш кошелек, который и передали нам в 7-й ряд.

Взволнованный таким чутким отношением незнакомых людей, я снова прошел за кулисы и обратился к конференсье Фулину П. С. с просьбой поблагодарить со сцены всех зрителей от нашего с женой имени за внимание и поддержку.

Однако конференсье Фулин П. С. отказался выполнить даже эту мою незначительную просьбу.

Расстроенный таким бюрократизмом, я вернулся в зал и стал слушать выступление пианиста Рябкина В. М., исполнявшего этюд номер десять композитора Шопена.

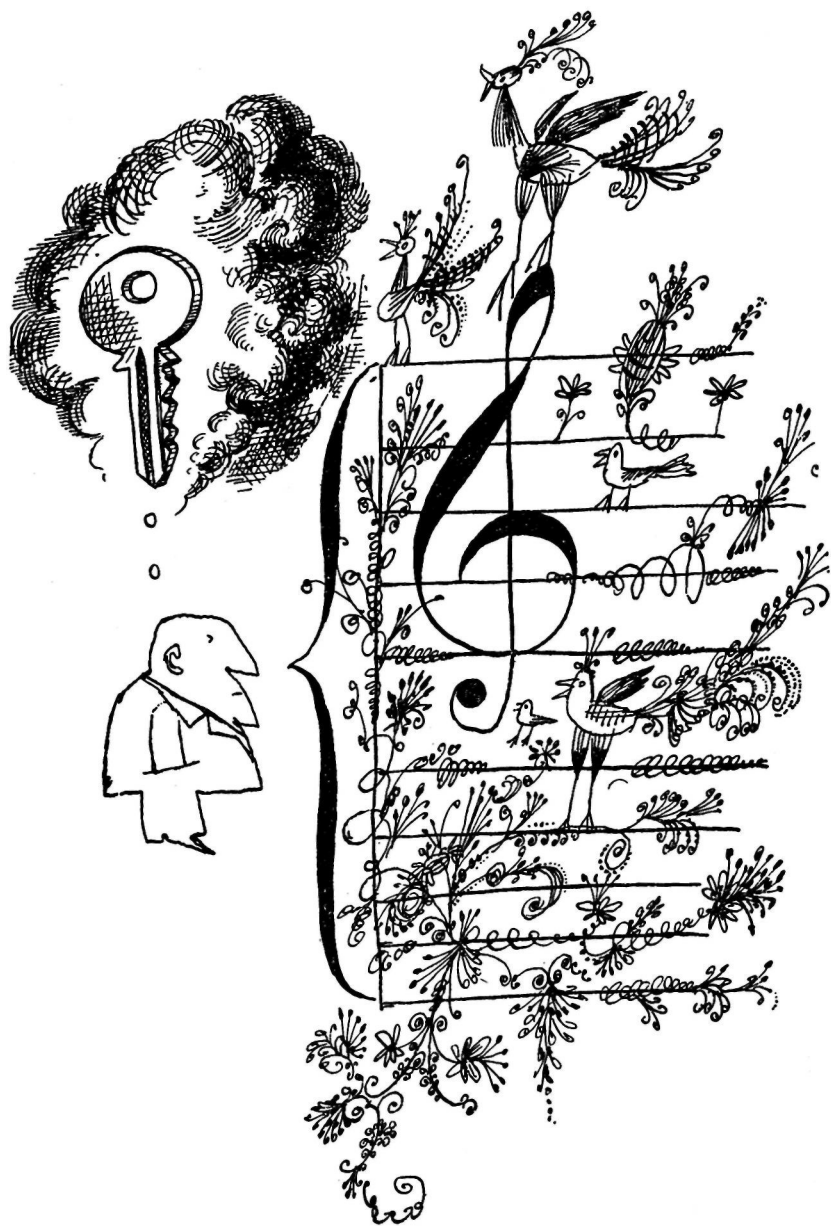
Но в этот момент моя жена, Кравцова Е. Т., с ужасом обнаружила, что найденный кошелек не наш, хотя и похож на наш, но в нем лежат не наши ключи и не наши три рубля.

Расстроенный таким чудовищным совпадением, я снова прошел за кулисы и обратился к конференсье Фулину П. С. с просьбой, чтобы он объявил о том, что произошла ошибка, и мы готовы вернуть чужой кошелек в обмен на наш.

Но конференсье Фулин П. С. не только не посочувствовал нам: на этот раз, он, побледнев, стал истошно орать и размахивать руками, после чего буквально вытолкнул меня из-за кулис.

Возмущенный, я вернулся в зал и, естественно, уже не мог спокойно слушать «Времена года» композитора Чайковского в исполнении пианиста Фельдмана И. А.; более того, в скором времени мы с женой покинули концерт и пошли домой.

На наше счастье, мы в этот день все-таки попали домой, потому что оказалось, что моя жена, Кравцова Е. Т., забыла запереть квартиру. Особенно порадовал нас тот факт, что чужие люди, не в пример конференсье Фули-

ну П. С, проявили в этом вопросе сочувствие и не воспользовались открытой дверью нашей квартиры.

Я заканчиваю свое письмо и думаю, что ответственные товарищи сделают соответствующие выводы из бездушного поведения конферансье Фулина П. С.

К остальным же артистам я не имею претензий и желаю им успехов в личной жизни и работе, а также желаю чаще радовать нас, зрителей, своим искусством.

Письмо в Министерство финансов

Уважаемый товарищ министр!

В то время как Вы на своем посту бережете каждую государственную копейку и бьетесь над бюджетом страны, как раненый голубь, находятся люди, которые запустили руку в казну и тянут оттуда невероятные деньги.

Находятся люди, которые зарабатывают несметные суммы шалаяй-валяй, бог знает за что.

Я имею в виду наших славных писателей, наших замечательных инженеров человеческих душ.

Поясню свою мысль примером.

Живет в нашем доме некто Рябкин Г. С., поэт, прозаик, переводчик — одним словом, человек без определенных занятий.

Недавно он напечатал в центральной газете свое новое стихотворение про любовь.

Стихотворение мне понравилось, и я, естественно, спросил Рябкина Г. С., сколько он за него получил.

— Тридцать рублей! — ответил мне Рябкин Г. С.

— А сколько времени вы его писали? — спросил я.

— Два часа! — ответил мне Рябкин Г. С.

Теперь я предлагаю Вам небольшую арифметическую задачу, которую вы, как министр финансов, сможете легко решить.

За два часа Рябкин Г. С. зарабатывает 30 рублей.

Вопрос: сколько зарабатывает Рябкин Г. С. за сутки, если в них 24 часа?

Ответ: 360 рублей! Новыми!

Конечно, мне скажут, что надо отбросить 7—8 часов на сон. Но, товарищи, давайте смотреть правде в глаза: кто это будет спать за такие деньги?

Далее, в результате беседы с Рябкиным Г. С. мною установлено, что наши поэты получают в среднем по од-

ному рублю за строчку. Трудно поверить в подобное рас- точительство, но это факт! Стоит им написать какую-ни- будь ерунду, вроде:

«В небе солнышко встает,
Птичка песенку поет!» —

и пожалуйста — два рубля!

Это килограмм докторской колбасы, товарищ министр! За несколько ночей, работая с арифмометром, я пере- считал сборники стихов наших известных поэтов и полу- чил такие суммы, от которых болит душа.

Далее, мною установлено, что некоторые поэты с целью обогащения пишут стихи лесенкой, а некоторые прозу записывают столбиками (так называемые «белые стихи»).

Чудовищные аферы устраивают поэты-песенники, ко- торые повторяют припев после каждого куплета, добива- ясь, таким образом, до 500 процентов прибыли с одного припева.

Уважаемый товарищ министр!

Наша страна богата, но я считаю, что ее экономика сейчас испытывает большую опасность со стороны лите- ратуры.

Как известно, стихи могут писать все, только многие стесняются.

Однако, если мои подсчеты станут известны широкой общественности, то вполне вероятно, что миллионы рабо- чих и колхозников сядут за перо, и тогда — кризис, эконо- мический упадок.

В связи со всем вышеизложенным я предлагаю при- нять срочные меры по предотвращению грозящей эконо- мической диверсии. Необходимо для наших поэтов и пи- сателей установить нормированный рабочий день и пере- вести их на твердую зарплату.

Поскольку они — инженеры человеческих душ, то в основу их заработка надо положить оклад инженера.

При этом, конечно, надо соблюдать определенную фи- нансовую шкалу. Скажем, мой сосед Рябкин Г. С. должен получать как младший инженер, Евтушенко Е. А. — как старший инженер, Симонов К. М. — как директор, Шоло- хов М. А. — как начальник главка, и т. д. и т. п.

Таким образом, предлагаемая реформа кроме эконо- мической выгоды даст еще и определенный общественный эффект: отпадет нужда в критике.

Судя по зарплате, можно будет решать, какой писатель хороший, а какой — не очень.

Заканчивая свое письмо, я надеюсь, что Министерство финансов примет мое письмо и внедрит его в жизнь.

Если ж мое предложение останется без внимания, то я официально заявляю, что за последствия никакой ответственности не несу и, более того, сам первым уйду в литературу.

В связи с этим прошу считать мое письмо как поэму в прозе и причитающийся мне гонорар выслать на дом.

История переписки гражданина Кравцова с редакцией журнала „Спортивные достижения“

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи!

Хочу сообщить вам о необычном случае, который произошел со мной на станции Панки Казанской железной дороги, куда я ехал к другу электричкой, а дальше автобусом.

Автобусная станция находится от железной дороги на расстоянии 1 км.

Я прибыл на станцию Панки электричкой в 14 часов 20 минут и, будучи в состоянии легкого алкогольного опьянения, побежал на автобусную остановку и успел на автобус, который отъезжал в 14 часов 21 минуту.

Таким образом, я пробежал 1000 метров ровно за 1 минуту, что значительно превышает мировой рекорд на этой дистанции.

В связи со всем вышеизложенным очень прошу внести мое спортивное достижение в соответствующие таблицы.

Точность показанного времени гарантируется строгим летним расписанием электричек и автобусов.

С приветом! Кравцов В. П.

Ответ редакции

Уважаемый гражданин Кравцов!

К сожалению, Ваше спортивное достижение не может быть внесено в таблицу мировых рекордов, так как оно установлено не в условиях стадиона, при отсутствии судей и секундомеров.

Кроме того, нам неизвестна сила попутного ветра на станции Панки Казанской железной дороги.

С приветом! Редакция.

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи!

Обидно, что мой рекорд по бегу не засчитан.

Однако могу вас обрадовать: у меня есть другое спортивное достижение, уже в условиях стадиона.

Будучи этим воскресеньем на стадионе, я, в состоянии легкого алкогольного опьянения, повздорил с милиционером, после чего бежал от него и на ходу перепрыгнул забор стадиона. Высота забора — 2 метра 31 см., что на 3 см. выше официального мирового рекорда Валерия Брумеля.

Прыжок был совершен по всем правилам, ни одна доска не пострадала, что могут подтвердить многочисленные свидетели по обе стороны забора.

С приветом! Кравцов В. П.

Ответ редакции

Уважаемый гражданин Кравцов!

К сожалению, и этот Ваш рекорд не может быть засчитан в качестве мирового. Прыжки в высоту должны проводиться через специальную, легко сбиваемую планку.

Крепость забора не может приниматься во внимание при оценке правильности прыжка, так как доски прибиты гвоздями.

С приветом! Редакция.

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи!

Очень обидно, что мой рекорд по прыжкам в высоту не засчитан из-за всяких придирок и формальностей.

Сообщаю вам о новом своем спортивном достижении.

Дело в том, что моя квартира находится рядом со стадионом. И вот в субботу утром какой-то хулиган попал в мое окно спортивным диском. Я схватил этот диск, выбежал на балкон, будучи в состоянии легкого алкогольного опьянения, метнул этот диск так далеко, что его два дня не могли найти.

Когда же на третий день диск был наконец найден, оказалось, что место его падения находится от моего балкона на расстоянии 96 метров, что значительно превышает мировой рекорд в метании диска.

В связи с тем что диск упал на стадион и его полет видели квалифицированные судьи, я надеюсь, что сейчас не будут чиниться препятствия в официальном признании моего достижения.

С приветом! Кравцов В. П.

Ответ редакции

Уважаемый гражданин Кравцов!

Достигнутый Вами результат нас очень заинтересовал.

Немного смущает тот факт, что метание диска происходило с балкона, так что для официального признания рекорда будет иметь большое значение высота этажа, на котором Вы живете.

Кроме того, факт, что диск после броска не могли найти два дня, несколько осложняет все дело, ибо подобного случая еще не было в истории мирового спорта.

С приветом! Редакция.

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи!

Извините меня за мои письма. Я все наврал, ибо писал их в состоянии легкого алкогольного опьянения.

Извините, что морочил вам голову.

С приветом! Кравцов В. П.

Ответ редакции

Уважаемый гражданин Кравцов!

Напрасно извиняетесь! Как выяснилось, сотрудник, который отвечал на Ваши письма, тоже находился в состоя-

нии легкого алкогольного опьянения, за что и получил выговор.

Спасибо за интересные сообщения. Желаем Вам спортивных успехов в трезвом состоянии.

С приветом! Редакция.

Наш фестиваль

(Пародийная музыкальная сцена)

На сцене — маленькая эстрада. Слева, наверху, — кабинка телекомментатора. В кабине — комментатор с микрофоном.

Комментатор. ...Дорогие друзья, говорит и показывает Сопот. Я веду свой репортаж с Сопотского фестиваля эстрадной песни... В эти дни этот маленький польский городок буквально наводнен музыкой... Никто не учится, никто не ходит на службу... Улицы заполнены певцами, музыкантами, членами жюри... Гостеприимные поляки просто хватают гостей за руки и обмениваются улыбками, значками, чулками, кофточками — короче говоря, сувенирами... Любопытный факт: сегодня ко мне на улице подошла молодая девушка и спросила: «Пан из Московского телевидения?..» Я говорю: «Да, пани!» Она говорит: «Так поцелуйте меня, милый!..» Я не смог отказать в этой просьбе представительнице братского народа. Но это так, к слову... Фестивальный день начался...

Появляется ведущий.

Ведущий (*на ломаном русском языке*). Дорогие друзья! Сейчас исполняют... выступайте... запевайте... Рани Теконен!..

На сцену под рев публики выходит девица в мини-юбке.

Комментатор. ...Ведущий представил публике финскую певицу Таню Реконен... Это очень популярная певица в Финляндии... Мой друг Борис Брунов как-то в шутку сказал, что билет на ее концерт в Финляндии труднее достать, чем в Москве финский холодильник... Но это к слову...

Певица исполняет несколько куплетов песни. Овации. Свист. Возгласы.

...Не правда ли, дорогие друзья, великолепное исполнение?.. И вы слышите, как болгарский зритель тепло при-

нял певицу... Товарищи, дело в том, что я вначале несколько оговорился... Мы передаем репортаж фестиваля песни из болгарского курортного города Варна... Прошу извинить меня за досадную неточность... Это от волнения... Ведь сегодня этот маленький болгарский городок буквально наводнен музыкой... Никто не работает... Везде атмосфера ликования... Любопытный факт: сегодня ко мне на улице подошел симпатичный болгарский юноша и спросил: «Другар, вы из Московского телевидения?» Я говорю: «Да, другар». Он говорит: «Так выпейте за мое здоровье коньяку!..» Я не смог отказать в этой маленькой просьбе представителю братского народа... Но фестиваль продолжается...

Вновь появляется ведущий. Что-то говорит и уходит.

...Ведущий объявил популярного шведского певца Сержа Нельсона... Интересная деталь: фамилия Нельсон очень редкая в Швеции... И, несмотря на это, отец Сержа тоже носит фамилию Нельсон, и самое поразительное, что и дед у него тоже Нельсон... Вот, дорогие друзья, какие иногда в жизни бывают парадоксы... Однако послушаем певца...

Певец исполняет несколько куплетов. Свист. Овации.

Комментатор. ...Не правда ли, чудесное исполнение?.. Не надо даже знать шведского языка, чтобы понять, о чем пел певец. Он пел о своей любви к шведской сборной команде по хоккею, которая, кстати сказать, неоднократно проигрывала нашей сборной... Кстати, любопытный факт: наш прославленный вратарь Лев Яшин является почетным гостем этого фестиваля. Он, правда, не приехал, но это только потому, что его не пригласили. Однако фестиваль продолжается...

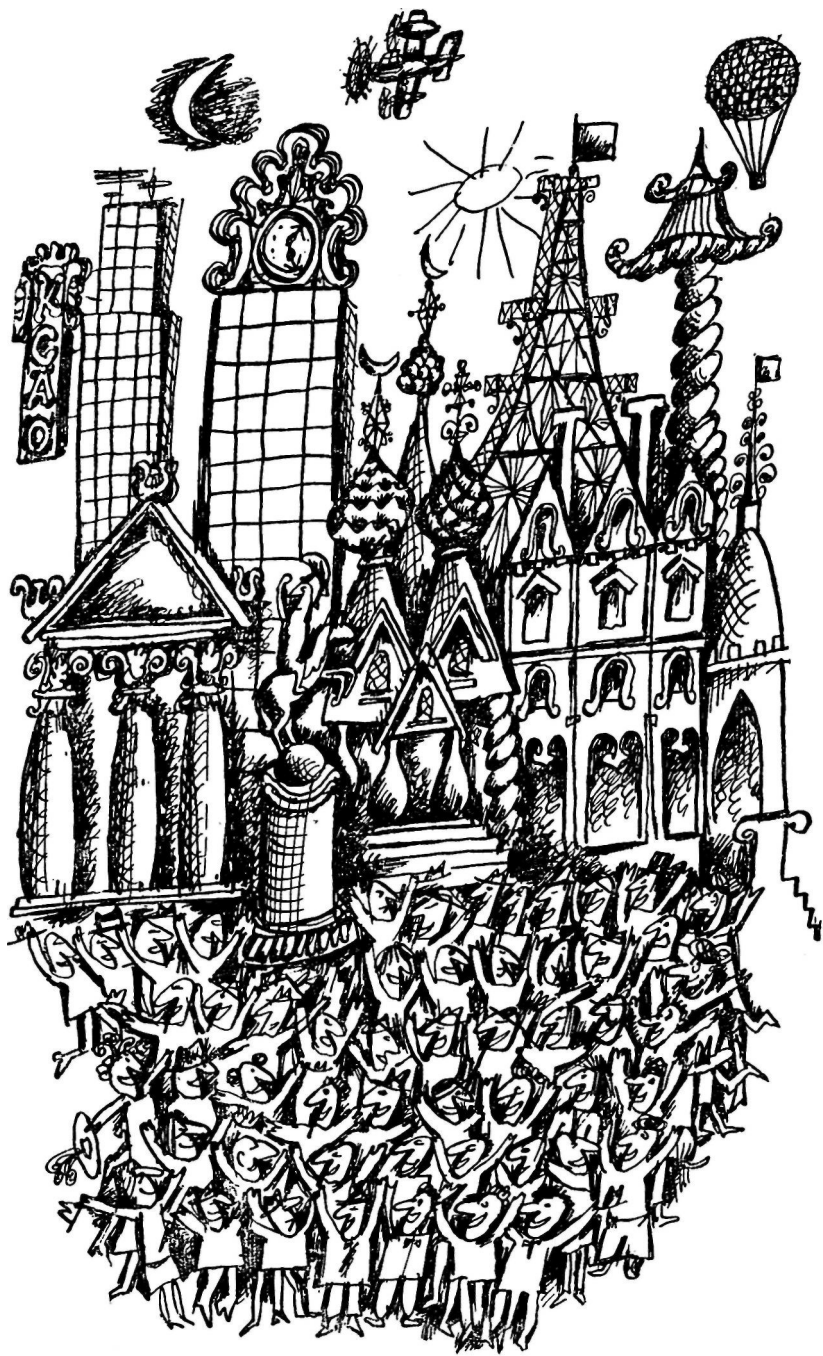
Появляется ведущий.

Ведущий. Выступайт... Леви Жаклин... Англия!

Визг.

Комментатор. ...Как вы уже слышали, ведущий объявил французскую певицу Жаклин Леви!.. Наши зрители хорошо знают ее по кинофильму «Плата за страх», в котором играет двоюродный брат Жаклин по мужу...

Врывается певица в ультрамини-юбке. Поет.

...Товарищи! Сейчас к нам подключилась большая группа телезрителей второй программы... Для них мне придется повториться... Внимание! Говорит и показывает Загреб! Говорит и показывает Загреб! Этот маленький югославский городок сегодня буквально наводнен музыкой... Никто не работает!.. Все ликуют!.. Любопытная деталь: сегодня ко мне на улице подошел симпатичный пожилой югослав и спросил: «Мистер, вы из Московского телевидения?» «Да!» — сказал я. «Тогда разрешите, я вам подарю магнитофон!» — сказал он. Я не смог отказаться в этой маленькой просьбе представителю дружелюбного народа... Но это к слову. Сейчас вы увидите выступление швейцарской певицы Жаклин Леви!.. У нее прекрасный голос и внешность! Специалисты утверждают, что она вылитая Брижитт Бардо... Кстати, любопытный факт... Когда в Париже Брижитт Бардо встретилась с Риной Зеленой, то Бардо была во всем зеленом, а Зеленая — во всем бордо... Ну, это к слову... А сейчас — гвоздь сегодняшней программы уругвайский певец Родриго Перейро!..

Певица уходит, на ее месте вырастает длинноволосый певец в пиджаке до полу. Визг. Овадии.

...Итак, Родриго Перейро!.. Уникальный исполнитель! Дело в том, что много лет назад, когда он еще мальчишкой охотился в джунглях, Родриго постигла беда... Слон наступил ему на ухо!.. И, несмотря на это, юноша не только выжил, но и прекрасно поет...

Певец орет несколько куплетов. Визг.

...Блестяще!.. Блестяще!.. Грандиозный успех!.. Кстати, ко мне сейчас зашел один из членов жюри и сообщил удивительный факт: оказывается, Перейро уже взял первый приз фестиваля... Дело в том, что приз стоял в комнате жюри, а он пришел вчера вечером и взял его... Правда, тут же вернул... с помощью полиции... Однако я вынужден прерваться... К нам сейчас подключилась большая группа радиослушателей программы «Маяк»... Для них мне придется несколько повториться... Говорит и показывает Лейпциг!.. Говорит и показывает Лейпциг!.. Сегодня мы ведем свой репортаж с фестиваля песни, который проходит в этом маленьком немецком городке... Сегодня здесь — царство музыки!.. Никто не работает!.. Улицы полны членами жюри... Любопытный факт: сегодня ко-

мне на улице подошла симпатичная старушка и говорит: «Герр, вы из Московского телевидения?» Я говорю: «Да, фрау». Она говорит: «Герр, разрешите, я вас усыновлю!..» Я не смог отказать в этой маленькой просьбе представительнице дружественного народа... Однако фестиваль продолжается... Вернее, заканчивается... Сейчас состоится вручение призов...

На эстраду выходят певцы. Дети вручают им цветы. Визг и овации достигают апогея.

(Стараясь переорать весь этот шум.) Незабываемая картина!.. Общее ликование!.. Каждый получил какой-нибудь приз!.. Нет обездоленных! Победила дружба!.. Кстати, к нам подключилась большая группа цветного телевидения. Хочу для них уточнить, что мы вели свой репортаж не из Брюсселя, а из Милана!.. Ошибка произошла из-за сильного тумана, из-за которого здесь, в Лондоне, просто ни черта не видно!.. *(В изнеможении падает на эстраду.)*

Массовка

(Моноскетч)

Голос по радио. Внимание! Внимание! В следующую субботу коллектив нашей фабрики производит массовый выезд за город. Хорошего отдыха вам, товарищи!

Шум, музыка, обрывки песен.

На сцене появляется массовик с мегафоном.

Массовик *(в мегафон)*. Товарищи! Товарищи! Мы с вами приехали в один из живописных уголков Подмосковья! Здесь и река, и лес, и бугорки-пригорки, и другие природные данные... А то, чего природа не производит, мы привезли с собой!.. Как говорится, чего нет на свете, то есть в буфете!.. Поэтому давайте быстренько разберем провизацию — и все на отдых!..

Давайте быстренько поднимем тону!.. Располагайтесь поудобней!.. Раскупорили бутылочки, откинули пробочки!.. Не слышу звона бокалов!.. Не слышу!.. О, слышу!.. Хорошо пошло! Молодцы!.. Первый тост — за службу, второй — за дружбу, третий — без тоста, четвертый —

так просто! Извините за шутку — работа такая!.. Закусывайте, дорогие друзья! Приятного аппетита!..

А теперь прошу оглядеться по сторонам... Вы видите, какие здесь чудесные места?!.. Травка зеленеет, солнышко блестит... А между прочим, это — историческое место! Много веков назад на этом самом месте состоялась историческая битва русских воинов с татаро-монгольским игом!.. Я не помню, кто победил, но, как видите, природа уцелела... Ни одного дерева не сломано!.. Давайте же и мы по примеру предков поведем себя здесь достойно... Я это потому говорю, что отдельные товарищи уже для чего-то рубят кусты!.. Зачем это делать?!.. И так светло!.. А греться незачем!.. Греться надо изнутри!.. Не слышу звона бокалов!.. Не слышу!.. О, слышу!.. Хорошо слышу!.. Нет, стаканы бить не надо! Посуда бьется к счастью, когда она своя, а не казенная!.. И напрасно кто-то кинул в меня помидором! Глупая шутка!.. Лучше бы поиграли в волейбол!.. Кто взял волейбольную сетку?!.. Зачем же ею рыбу ловить, товарищи?!.. Она же не для этого выпускается... А где мяч?!.. Где мяч?!.. Ну, товарищи, зачем это делать?!.. Кто его лопнул?!.. Я спрашиваю, кто лопнул мяч?!.. Глупые шутки!.. Между прочим, березу грызть не надо!.. Какой еще, к черту, березовый сок? У нас пива полно... А это кто там на сосну залез?!.. Ты чего на сосну залез?!.. Ах, ты ворона из себя изображаешь?!.. Какой ты ворон — ты дурень старый!.. Слазь немедленно! Упадешь же... Упадешь же... Упадешь же... О!.. Что я тебе говорил?!.. Перелом, поди... Теперь шину надо накладывать!.. Э-э!.. Не трогай шину от машины, здесь нужна другая шина... Товарищи! Давайте как-то организованней! Нельзя же так, честное слово!.. Мне же за вас отвечать!.. Куда ты пошел? Куда ты пошел?!.. Куда ты пошел купаться, когда ты еле стоишь?!.. Причем на руках!.. Переверните его быстро! Э-э!.. Что там за шум, а драки нет?!.. Ах, есть?!.. Товарищи, растащите их!.. Минуточку, а кто там с ружьем балует?!.. Откуда ружье?!.. А ну, брось ружье!.. В кого целишь, балда?!.. Какой это заяц, это же наш бухгалтер!.. Господи, что ж это делается?!.. Минуточку, кто там динамит рвет?!.. Зачем рыбу глушить, она и так плохо слышит!.. А ну давайте заканчивать отдых... Где шофер?!.. Где шофер, спрашиваю?!.. О-о!.. Кто ж его так накачал?!.. Я же предупреждал — шофера не спаивать! Он же только из больницы выписался... А ну, запикивайте его в кабину! Запикивайте!.. Э-э! Не давайте

ему грызть баранку!.. Дурак, это же несъедобная баранка!.. А ну, привязывайте его!.. Так! Одну ногу к газу привязывайте, а другую — к тормозу... Привязали?.. Так!.. А теперь пощекочите его; чтобы он ногами двигал... Поехали!.. *(Пошатываясь уходит со сцены.)*

«Стоп! На сегодня хватит!..»

(Трагедия-шутка в одном действии)

Действующие лица

Я — бородатый молодой человек, лет 30-ти.

Кассир.

Человек в берете.

Человек с кинокамерой.

Верзила.

Милиционер.

Лицо режиссера.

Большое, просторное, очень светлое помещение сберкассы. Справа — окошечко кассы, за которым восседает кассир. Возле него — телефон. Слева — стол, стул.

Входит Я. Его бородатое лицо светится от счастливой улыбки.

Я *(с улыбкой)*. Добрый день!

Кассир *(с улыбкой)*. Добрый день!

Я. Вы не могли бы дать мне таблицу денежно-вещевой лотереи?

Кассир. Пожалуйста! *(Протягивает таблицу.)*

Я *(беря таблицу и усаживаясь за стол)*. Решил проверить свой билетик. Никогда в жизни не выигрывал, но сегодня... *(Сверяет билет с таблицей.)* Сегодня почему-то верю... *(Пауза.)* Не может быть!.. Нет, это слишком!.. *(Кричит.)* Я выиграл!

Кассир *(с улыбкой)*. Поздравляю!

Я *(восторженно)*. Нет, честное слово, я выиграл! Холодильник «Ока-3»... С ума сойти можно! Посмотрите сами: и номер и серия — все сходится!

Кассир. Разрешите?.. *(Берет таблицу и билет, сверяет.)* Все верно! Еще раз поздравляю!

Я *(ликуя)*. Нет, черт возьми, сегодня удивительный день! Такого дня у меня еще никогда не было... Сплошное везение!

Кассир. Что же еще кроме выигрыша?

Я. Да все!.. Все, с раннего утра... Во-первых, от меня ушла жена.

Кассир. Как?

Я. Не удивляйтесь, это действительно везение! Когда люди давно уже не любят друг друга, но живут вместе — это мука. А мы так мучались уже целый год... Но сегодня она взяла чемодан и ушла!.. А?.. Такого не выиграешь по лотерейному билету!

Кассир. Пожалуй!..

Я. Когда за ней закрылась дверь и я понял, что свободен, у меня дух захватило от радости... Я прыгал по комнате как ненормальный... У меня зуб прошел!

Кассир. Какой зуб?

Я. Вот этот... *(Показывает зуб.)* Три дня он трещал от боли... Я места себе не находил... А идти к врачу — для меня страшнее смерти!.. И вот, пожалуйста, прошел!.. То есть начисто прошел... Сидит в десне, беленький, чистенький — и не болит! Как вам это нравится?

Кассир *(заглядывая ему в рот)*. Действительно прелестный зуб!

Я. Исключительный зуб! Такой зуб еще надо поискать!.. Но слушайте дальше!.. Только я кончил ликовать по поводу зуба, как открывается дверь, входит какая-то старушка и предлагает обменять мою маленькую комнату на отдельную однокомнатную квартиру...

Кассир. Не может быть!

Я. Клянусь вам! Мою комнатку без удобств на свою отдельную шикарную квартиру.

Кассир. Ненормальная?

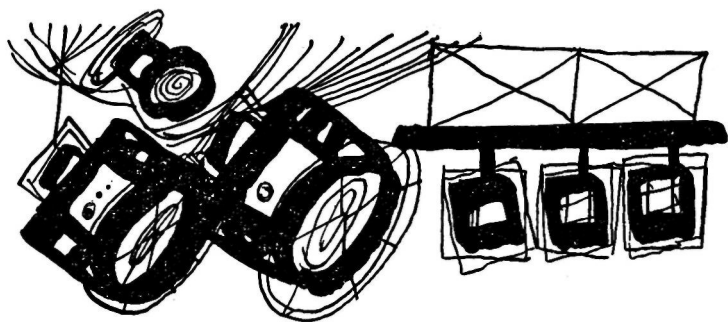
Я. Я тоже так подумал! Но она предъявила справку из психодиспансера... Абсолютно нормальная старушка!

Кассир. Зачем же ей это надо?

Я. Черт ее знает! Говорит: вы молодой ученый, вам нужно помещение для работы, а я пенсионерка, мне все равно, где своей век доживать... Просто какая-то добрая фея, а не старушка!

Кассир *(завистливо)*. Да! Повезло!

Я. Но и это еще не все!.. Сажусь я завтракать, открываю свежий номер научного журнала и вижу там свою статью! *(Достает из кармана журнал.)* Вот, взгляните сами!.. Эта статья — итог многолетней работы... Она мне важнее всего!.. Но редактор ни в какую не хотел ее печатать... Она опровергала его собственную теорию по этому вопросу...

Кассир. Чего же он вдруг?

Я. Не знаю... Может быть, подобрел или поумнел... А может быть, его уволили!.. Я сам ничего не понимаю!.. Столько ждал, столько ждал... Я поклялся не брить бороду, пока статью не напечатают, и я ждал долго!

Кассир. Да, борода у вас отросла!..

Я. И все это сегодня, в один день... Я не стал пить кофе, я выбежал на улицу... А погода сегодня — под стать счастливому дню... Сияет солнце, на небе — ни облачка... Улица светится... Вы знаете, мне показалось, что и прохожие одеты как-то удивительно. Празднично!.. Шикарные костюмы, на женщинах — великолепные платья...

Кассир. Ну, это вам почудилось...

Я. Да нет же, клянусь вам!.. Все были очень нарядны... Вот и вы!

Кассир. Что — я!

Я. Вот и вы, как с обложки модного журнала.

Кассир (*смущенно*). Я новый костюм купил... Решил попробовать, как он, действительно хорош?

Я. Еще бы!.. Честное слово, вы — картинка!.. Впрочем, сегодня так и должно было быть!.. Не мог же мне выдавать выигрыш плохо одетый человек...

Кассир. Вы решили взять выигрыш деньгами?

Я. Конечно! На кой черт мне холодильник?.. Во-первых, у меня уже один есть, во-вторых, я теперь холостой человек и буду обедать в столовых... Нет, только деньгами!.. Я возьму отпуск за свой счет... Теперь это за ваш счет! И я поеду в Грузию... Я никогда не был в Гагре... Я хочу к морю... Человек имеет право месяц поваляться на пляже, раз ему так пофартило?.. Или нет! К черту море!.. Я поеду в Карпаты! Я никогда не был в Карпатах, а там, говорят, сказочные места... Я буду жить в горах, по утрам пить козье молоко и играть на трембите! Вы играли когда-нибудь на трембите?

Кассир. Никогда в жизни!

Я. Я тоже... А в Карпатах все местные жители играют на трембите! Или это не там?.. Ах, черт возьми, я ошалел от радости!

Кассир. Ничего, бывает...

Я. У меня — не было! А теперь есть! И я имею право ликовать! Я имею право ликовать?

Кассир. Конечно.

Я. И я ликую! Урра!.. Я буду петь! (*Орет.*) «Легко на сердце от песни веселой!..» Там-та-ра-ра ра-ра-ра!.. Дайте, я вас расцелую!..

Кассир (*улыбаясь*). Сначала получите деньги!

Я. Конечно, конечно!.. Только я прошу вас — дайте мне весь выигрыш одними рублями... Я хочу держать в руках кипу денег! Сноп денег!.. А хотите — дайте мелочью... Пусть будет мешок, я понесу его на плече, и пусть он звенит при каждом шаге...

Кассир (*улыбаясь*). Ну хорошо, хорошо...

Я (*не в силах остановиться*). Я буду идти, мешок будет петь дзинь-дзинь, и все будут говорить: вон идет бородатый везунчик!.. Нет, не давайте мелочью, иначе я буду бросать ее пригоршнями налево и направо, как сеятель — зерно... Плевал я на деньги!.. Главное — удача! Она пришла, и теперь мне ничего не страшно!..

Неожиданно распахивается дверь. В зал сберкасы вбегают человек в берете, человек с кинокамерой и верзила. В руках у верзилы пистолет.

Человек в берете. Спокойно, товарищи! Всем оставаться на местах. Производится съемка кинофильма! Эпизод «Ограбление сберкасы». Начали!..

Человек с кинокамерой наводит объектив.

Верзила (*с пистолетом направляется к кассиру*). Руки вверх!

Кассир (*поднимая руки*). Товарищи, какая киносъемка?.. Меня никто не предупреждал...

Верзила. Молчать! (*Приставляет дуло ко лбу кассира. Тот замирает с открытым ртом.*)

Человек в берете. Очень хорошо!.. Берите деньги!

Верзила достает из стола деньги и рассовывает их по карманам.

Я (*ошеломленно*). Минуточку! Товарищи! А у вас есть документы?

Верзила. Молчать! (*Переводит пистолет на Него.*)

Человек в берете (*человеку с кинокамерой, указывая на Него*). Возьмите его крупным планом! У него на лице неподдельный страх.

Человек с кинокамерой снимает.

Так! Хорошо!.. Теперь сделаем второй дубль!.. Ограбление сейфа!.. Начали!..

Верзила подходит к сейфу, достает оттуда пачки денег, сует их за пазуху.

Вся компания начинает двигаться к выходу.

Кассир (*кричит*). Караул!

Я. Помогите!! Грабят!

Человек в берете. Хорошо кричите! Молодцы!..
(*Исчезает за дверью.*)

Я и кассир (*вместе*). Держите их!.. Караул!..

Слышны выстрелы. Через секунду милиционер вводит в сберкассу грабителей с поднятыми руками.

Милиционер. В чем дело?

Я (*злорадно*). Ага! Попались, мерзавцы! Товарищ милиционер, арестуйте их! Это никакая не киносъемка! Они переодеты! Они ограбили сберкассу!

Верзила (*зло*). Ну, ты у нас еще поплачешь, гад!

Милиционер. Молчать! Следуйте за мной! (*Кассиру.*) Вы тоже...

Кассир. Мне надо уложить деньги...

Милиционер. Деньги заберите с собой... Они — вещественное доказательство!

Я. Я тоже пойду с вами... Я — свидетель!

Милиционер. Не надо! И так все ясно. Вы свободны!

Я. Нет, я хочу пойти... Я расскажу, как все было...

Милиционер. Не надо, вам говорят! Идите домой! (*Грабителям.*) Проходите вперед!..

Грабители и кассир проходят впереди милиционера. Верзила по дороге подмигивает милиционеру. Милиционер подмигивает верзиле. Я смотрит на все это с удивлением, и вдруг Его осеняет страшная догадка.

Я. Стойте!! Это не милиционер!.. Они здесь все переодеты! Это одна шайка!

Милиционер (*злбно*). Замолчи!

Я (*неистово кричит*). Люди!!! Помогите!! Грабеж!..

Милиционер бросается к Нему. Я замахивается на него стулом. Милиционер хватает Его за руки.

Лицо режиссера (*появляясь откуда-то сверху*). Стоп!!

Гаснет свет, и в сберкассе сразу становится темнее.

Стоп! На сегодня хватит!..

Человек в берете снимает берет. Человек с камерой откидывает кинокамеру. Кассир достает пирожок, начинает его есть.

Массовка свободна! «Люди на улице», снять костюмы и платья и сдать их реквизитору! (*Исчезает.*)

Милиционер (*отталкивая Его*). Ну, хватит! Отпустите меня! Съемка закончена!

Я (*растерянно*). Какая съемка?

Милиционер. Обыкновенная!.. Да что с вами?.. (*Кассиру*.) Виктор Иванович, вы пойдете обедать?

Кассир. С удовольствием!.. (*Человеку в берете*.) А вы, Семен Семенович?

Человек в берете. Не смогу! У нас с Чернецовым (*кивает на верзилу*) запись на телевидении!..

Верзила. Кстати, надо спешить!.. Уже пять часов!.. Черт возьми, я текста совсем не знаю!..

Человек с кинокамерой, человек в берете и верзила уходят.

Милиционер (*кассиру*). Ну что, Виктор Иванович, пошли?

Кассир. Пошли! (*Ему*.) Вы к нам не присоединитесь?

Я (*обалдело*). Минуточку!.. Значит, это все неправда?.. Это все киносъемка?

Кассир. Ну конечно!.. Неужели вы не поняли? (*Смеется*.)

Я. Как же так?!.. А остальное?.. А все?.. (*Хватает таблицу, сверяет с ней билет*.) Нет. Не сходится!.. (*Кричит*.) Вы слышали: не сходится! Нет холодильника!

Кассир. Ну, конечно, нет! (*Смеется*.)

Я. Но я же сам проверял. Сам!.. И вы тоже!.. А статья?! (*Хватает журнал, лихорадочно его листает*.) Где моя статья?! Куда вы дели мою статью?!.. Я ее столько времени ждал!

Милиционер. Да что с ним такое? Про что он говорит?

Кассир смеется.

Я. Она была напечатана! Честное слово, я же не идиот! Я сам видел: мое название, моя фамилия!.. Крупным шрифтом! (*Начинает понимать*.) Ах, это тоже!.. Съемка закончилась! И солнце на улице, и нарядные люди!.. Съемка закончилась! (*Подходит к телефону, набирает номер*.) Алло! Это ты?.. Ты вернулась?.. Да-да, я так и думал!.. Все понятно!.. Старушка приходила, я знаю!.. Да-да, пошутила!.. Я сразу догадался!.. (*Закрывает лицо руками, плачет*.)

Милиционер. Что с вами?

Я (*всхлипывая*). Зуб! Зуб! Зу-у-уб!..

Лицо режиссера (*появляясь сверху*). Стоп!.. Плакать не надо! Это уже чересчур... Вы правильно передаете поведение человека, спутавшего жизнь с киносъемкой, но слез не надо!

Я (*поднимая вверх заплаканное лицо*). Я устал...

Лицо режиссера. Слез не надо! Это уже мелодрама...

Я (*изнеможенно*). На сегодня хватит... Я устал...

Лицо режиссера. Хорошо! На сегодня хватит... Отдыхайте...

Я снимает бороду и, размазывая грим, медленно уходит со сцены.

Приходите в гости!

(Монолог)

«Милостивейший государь! Низжайше прошу Вас прибыть к нам в гости. Ваш приезд доставит огромную радость мне и моей семье»... и т. д. и т. п.

Говорят, в старину приглашали в гости именно так. Или примерно так.

Не знаю. По молодости лет я подобную форму приглашения не застал... Сейчас это все делается проще... В основном по телефону...

— Алло! Привет, старик!.. Это Владик говорит!.. Какой?!.. Ну, мы с тобой как-то виделись в гостях у кого-то... Ну, не важно. Ты что делаешь?.. Ладно, брось все, приваливай в гости... Я в Мневниках живу... Что значит далеко — бери такси и жми... Ничего особенного не покупай... Так, пару бутылочек возьми и из закуски что-нибудь... Да, если будешь проезжать мимо булочной, захвати пару батончиков, а то у меня хлеб кончился... Ну, сигарет еще возьми... если есть, то и кофе... Давай приезжай, ждем!.. Кстати, ты не через Арбат поедешь?.. Захватил бы по дороге Щаповых. Они где-то на Арбате живут... Заодно скажи им, пусть возьмут с собой проигрыватель и пластинки... А то мы тут без музыки сидим... И рюмки пусть с собой захватят... С посудой у меня тяжко... Вот вроде и все... Давай скорей... А то мы сидим скучаем... Ты анекдоты новые знаешь?.. Ну вот, хоть повеселишь немного... Да у меня все славные ребята си-

дят. Познакомлю. Двое, кстати, в твоём районе живут... Тебе удобно, завезешь их на обратном пути... Ну давай! Жду!..

Это одна из самых распространённых форм приглашения в гости. Но, конечно, не единственная... Вовсе не обязательно, идя в гости, брать с собой все свое — от сигарет до раскладушки... Бывает совсем наоборот... Один мой приятель, встретив меня на улице, приглашал в гости таким образом:

— Здорово! Ты чего в гости не приходишь?.. Что значит — когда?.. Когда угодно!.. Ну хоть сегодня в семь... Приходи без всяких церемоний... Если меня не будет, то ключи лежат под ковриком перед дверью... Заходи, располагайся, включи телевизор... Я мигом подскочу... А если задержусь, то не стесняйся... В холодильнике ужин есть и вино... Не хватит — зайди в пятьдесят седьмую квартиру, попроси что надо, они мне десять рублей должны... Книжки посмотри, магнитофон послушай... Если увидишь, что меня долго нет, — ничего... Значит, я где-то задержался или в командировку уехал... Тогда оставайся. Чистое бельё в шкафу лежит... Поживи малость... Я вернусь ну в крайнем случае через неделю... Посидим, поговорим... Давай, голубчик, приходи... А то я обижаться начну!..

Это, естественно, более редкая форма приглашения в гости, но очень трогательная по своей щедрости... Хуже, когда тебя вообще не хотят приглашать в гости, но делают это, соблюдая какой-то непонятный ритуал вежливости...

— Здравствуйте!.. Очень рады вас видеть!.. Что ж это вы к нам в гости не заходите?.. Мы были бы очень рады... Когда? Ну, когда выберетесь... Можно в следующую субботу... Ах, нет, в ту субботу мы с мужем заняты... Знаете что, давайте созвонимся предварительно... Ах, у вас нет телефона?.. Жаль. У нас тоже... Ну, давайте условно договоримся на тридцатое число следующего месяца... Впрочем, следующий месяц — февраль... Только двадцать девять дней. Ах, как это все неудачно... Может быть, вы зайдёте к нам в майские праздники?.. Или нет, лучше летом... Вы летом на юг ездите?.. Вот и хорошо. Мы тоже отдыхаем либо в Ялте, либо в Гагре...

Приходите, будем очень рады... Если почему-либо там нас не поймаете, — значит, мы с мужем где-то в Прибалтике и с нетерпением ждем вас.

Существуют еще и другие формы приглашения. Впрочем, меня они все мало интересуют. Ни одно из них мне не нравится...

Поэтому я лично уже давно хожу в гости без приглашения...

Кто есть кто?

(Комедия в одном действии)

Действующие лица

Щукин Андрей Андреевич, 40 лет.

Щукина Татьяна Григорьевна — его жена, 30 лет.

Щагин Олег Васильевич, 40 лет.

Квартира Щукиных. Богатая современная обстановка — смесь старины и «модерна». Стены украшены множеством грамот, дипломов и других знаков отличия. На самом видном месте — большой портрет седобородого старика со звездой Героя и лауреатскими значками. Справа — дверь, ведущая в соседние комнаты. Возле нее — большое зеркало. Слева — письменный стол. За столом восседает Щукин. Это высокий, плотного сложения мужчина с гладковыбритым, розовощеким лицом. Одет он в красивый домашний халат, из-под которого видна белоснежная рубашка и яркий, аккуратно повязанный галстук. Перед Щукиным на столе разложено множество телеграмм. Он просматривает их с самодовольной улыбкой. Звонит телефон.

Щукин (*кричит в сторону соседней комнаты*). Татьяна! Телефон!

Из соседней комнаты выходит Татьяна. Она в роскошном розовом пеньюаре. На голове — сеточка, фиксирующая прическу.

Татьяна (*снимает трубку*). Алло?.. Кого?.. А кто его спрашивает?.. Минуточку, я сейчас постучу ему в кабинет... (*Стучит кулачком по столу*.) Андрей! Возьми трубку!

Щукин (*тихо*). Кто это?

Татьяна (*тихо*). Агеев какой-то...

Щукин (*тихо*). Не какой-то, а руководитель лаборатории... (*Берет трубку*.) Алло! Щукин слушает... Ах, это вы, Владимир Степанович! Очень рад!.. Спасибо, дорогой, спасибо!.. Да-да, сорок лет уже... Ну какая это молодость! Старше Пушкина, а до полного собрания сочинений еще не дотянул... Ну-ну, надеюсь, что впереди... Владимир Степанович, вы приглашение получили?.. Да, сегодня в Доме ученых... В банкетном зале... Да нет, не-

большая пирушка, хотя повар мне гарантировал, что будет вкусно. Обязательно приходите, жду вас!.. Отец, конечно, будет. Он вчера из Лондона специально прилетел... Да, с конгресса... Чувствует себя неплохо, хотя, конечно, в его возрасте такие перелеты... Так я жду вас. Ну, обнимаю! (*Кладет трубку, жене.*) Очень нужный человек.

Татьяна. Придет на банкет?

Щукин. А куда он денется?.. Сегодня все придут: и те, кто любит меня, и те, кому я поперек горла... Все придут с поздравлениями!

Татьяна. Рублей на семьсот пир, не меньше...

Щукин. Не обеднеем! Лучше на праздник, чем на похороны, а?

Татьяна. Что ты несешь? В сорок лет мог бы не думать о похоронах...

Щукин. А знаешь, мне иногда не верится, что всего сорок... Доктор наук, директор института... Да на это люди тратят всю жизнь, а я — только сорок лет.

Татьяна. Ну, твой отец в тридцать восемь стал академиком.

Щукин. Отец не в счет. Он — гениальный ученый!

Татьяна. А ты нет?

Щукин. Сегодня на банкете выясним... Думаю, что в речах будет фигурировать эпитет «талантливый»... Не больше!

Татьяна. А «выдающийся» не скажут?

Щукин. Не думаю... Разве что под конец, когда напьюсь...

Татьяна. Но все равно. «Талантливый» — это больше, чем «способный»?

Щукин. «Способный» — это вообще не термин! Если человека в сорок лет называют «способный», значит, он — бездарь!

Телефонный звонок.

Татьяна, телефон!

Татьяна. Господи, ну почему ты сам не протянешь руку?

Щукин. Я тебе, кажется, объяснял... Когда человек моего положения сам снимает трубку, это значит, что он играет в демократичность... Мне это еще рано.

Татьяна (*снимая трубку*). Алло?.. Что?.. Телеграмма? Диктуйте... (*Записывает.*) «Щукину Андрею Андреевичу. Поздравляю славным сорокалетием. Желаю здо-

ровья, счастья, успехов поприще науки. Академик Востряков». Спасибо. *(Кладет трубку.)*

Щукин. Ага, это приятно. Старик Востряков не часто шлет поздравительные телеграммы. Очень приятно, хотя и несколько суховатый текст...

Татьяна. Что ты привередничаешь? Нормальная телеграмма.

Щукин. От него — нормальная. Но вообще я не люблю, когда экономят на предложениях. «Успехов поприще науки...». Понимаешь, не «на поприще», а просто «поприще»... Не думаю, чтоб академик сберег три копейки на этом «на»... Просто, очевидно, он хотел, чтоб телеграмма носила сугубо официальный тон.

Татьяна. Боже, какие тонкости!

Щукин. А ты как думала? В нашей жизни все мелочи имеют колоссальное значение... У тебя отец был крупным работником, неужели он тебе ничего не объяснял?

Татьяна. Что объяснял?

Щукин. Нюансы деловых взаимоотношений. Тут все важно: кто снимает трубку, когда тебе звонят, и кто первый говорит «до свиданья», когда разговор окончен... Как тебе пожимают руку — протягивают через стол или предварительно встают. Как тебе кивает твой коллега: просто кивок, или он касается шляпы рукой, или эту шляпу снимает.

Татьяна. Кто придумал эти законы?

Щукин. Такие законы не придумываются, Танюша. Наше дело их открывать и им подчиняться. *(Перебирает телеграммы.)* Вот смотри — лежат телеграммы. Вроде одна похожа на другую, а между тем я по первым словам узнаю, от кого они. *(Читает.)* «Милый Андрей Андреевич...». Это от студентов. У них сессия на носу. Для них экзаменатор сейчас милей отца родного. *(Читает следующую телеграмму.)* «Уважаемый Андрей Андреевич! От всей души...». Это из министерства. Они всегда пишут «от всей души», чтобы напомнить, что она у них есть. *(Берет следующую телеграмму.)* «Родной Андрюшка, обнимаю...». Это кто-нибудь из друзей. Так и есть. Мишка Дегтярев. Мы с ним в одной группе учились. Теперь он доцент университета и соответственно имеет право на «Андрюшку» и на «обнимаю»...

Татьяна. Играешь ты с этими бумажками, как ребенок, честное слово...

Щукин. А что, нельзя? Кажется, в свои сорок лет

я уже стал достаточно солидным человеком, чтобы позволять себе детские радости...

Звонок в дверь.

Татьяна. Ну вот, уже кто-то явился с визитом, а я черт знает в каком виде...

Щукин. Ты намекаешь на то, чтобы я открыл дверь?

Татьяна. Неужели ты думаешь, что я пойду открывать в полупрозрачном пеньюаре?

Щукин. Для чего же я тебе его купил?

Татьяна. Чтобы самому любоваться...

Щукин (*вставая*). Ну, знаешь, он мне всегда только мешал. (*Обнимает жену.*)

Звонок в дверь.

Татьяна (*отталкивая мужа*). Андрей, открой дверь, человек ждет.

Щукин (*грустно*). Ну да, он — человек, а я — нет...

Татьяна уходит в другую комнату. Щукин подходит к зеркалу, оглядывается и, только понравившись самому себе, идет открывать дверь.

Входит Шагин. Это высокий худой человек с небритым лицом. Одет он в потрепанный костюм и довольно старые желтые ботинки.

Шагин. Здравствуйте.

Щукин. Здравствуйте. (*Подозрительно рассматривает гостя.*) Вы от кого, товарищ?

Шагин. Я не от кого, я сам по себе...

Щукин. Простите, а к кому?

Шагин. Так к вам, наверное. Вы Щукин Андрей Андреевич?

Щукин. Да.

Шагин. Тогда к вам. Шагин я. Олег Васильевич Шагин.

Щукин (*нетерпеливо*). Слушаю вас!

Шагин (*оглядываясь*). О, это ваша квартира, да?

Щукин. Моя. Но, извините, что вам нужно?

Шагин. Андрей Андреевич, разговор у меня длинный... Мне бы сесть.

Щукин (*начинает нервничать*). Видите ли, я, к сожалению, сегодня очень занят...

Шагин. День рождения у вас, да?

Щукин. Да, и поэтому...

Шагин (*перебивая*). Поздравить разрешите! (*Пожимает Щукину руку.*) И, как говорится, пожелать...

Щукин. Спасибо, спасибо... И поэтому...

Щагин. У меня, между прочим, тоже.

Щукин. Что тоже?

Щагин. тоже день рождения. Сорок лет стукнуло.

Щукин (*неторопливо*). Вот видите, как интересно. Тем более вы должны понять, что у меня сегодня ни минуты свободной. Зайдите в другой раз или лучше позвоните. Надеюсь, ваше дело терпит?

Щагин. Нет. (*Замечает портрет.*) Академик Щукин?

Щукин. Да, это мой отец.

Щагин. Портрет красивый. Я его на многих фотографиях видел и на портретах, но здесь он лучше всего получился. (*Подходит к портрету.*) Хорош! И взгляд такой царский, и осанка... На Чайковского похож, верно?

Щукин (*раздраженно*). На какого Чайковского?! Слушайте, гражданин, мне действительно сегодня некогда. Либо говорите, что вам надо...

Щагин. Не надо меня гнать, Андрей Андреевич. Я к вам по важному делу. Я, можно сказать, год к вам собирался...

Щукин. Ну так говорите же, черт подери, какое у вас дело! Чего вы мямлите?

Телефонный звонок.

(*Кричит.*) Татьяна!

Щагин. Телефончик звонит.

Щукин. Слышу! (*В сторону двери.*) Телефон!

Голос Татьяны. Я еще не готова.

Щукин. Да не надо готовиться.

Голос Татьяны. А кто у тебя?

Щукин. Пока не выяснил. Но можешь появляться в любом виде.

Телефон продолжает звонить.

Щагин (*берет трубку*). Алло!

Щукин. Кто вас просил?

Щагин. Так звонят же... (*В трубку.*) Алло!.. Чего?.. (*Щукину.*) Телеграмма вам. (*В трубку.*) Что?.. Ага, записываю... «Щукину Андрею Андреевичу. Поздравляю славным юбилеем. Желаю вечной молодости, счастья и успехов во славу науки. Профессор Банников». Спасибо. (*Кладет трубку.*)

Щукин. Там было сказано «во славу» или просто «славу»?

Щагин. «Во».

Щукин. Очень хорошо!

Щагин. Какая телеграмма приятная.

Щукин. Обычная. (*Показывая на стол.*) Таких пришло много. Ну так в чем же дело, товарищ... товарищ...

Щагин. Щагин.

Щукин. Ну предположим. Так что вам угодно, товарищ Щагин?

Щагин (*нерешительно*). Я пришел вам сказать... Сказать... Ну, как бы это поточнее... В общем, так получается, что Андрей Андреевич Щукин — это я.

Щукин. Что?!

Щагин. Щукин — я. Андрей Андреевич.

Щукин. Нне понимаю. Вы же сказали, что вы этот... как его... Щагин.

Щагин (*со вздохом*). Нет, это вы — Щагин. Щагин Олег Васильевич. А я — Щукин.

Щукин. Что за бред? Как это может быть?

Щагин. Перепутали нас в роддоме...

Пауза.

Щукин. Ну вот что: вы либо выпили с утра, либо у вас здесь (*крутит пальцем у виска*) не того...

Щагин (*обиженно*). Почему же? У меня здесь как раз того... Я вам правду говорю. Перепутали нас! Вы — Щагин, я — Щукин. Все просто!

Щукин. То есть как это — просто! Вы в своем уме?

Из соседней комнаты выходит Татьяна. Она переоделась — на ней нарядный серый костюмчик.

Щагин (*приветливо*). Здравствуйте!

Татьяна. Здравствуйте. (*Оглядывает Щагина, затем вопросительно смотрит на мужа.*) Кто это?

Щукин. Сейчас выясним.

Щагин. Щагин я. А точнее сказать — Щукин.

Татьяна. Как это понять? (*Снова вопросительно смотрит на мужа.*)

Щукин. Ну что ты смотришь? Вот пришел человек и заявляет, что я — это не я, а он — это не он! Все очень просто!

Татьяна. Вы оба выпили здесь без меня?

Щагин. Нет, но я бы с удовольствием выпил чайку.

Татьяна вновь вопросительно смотрит на мужа.

Щукин (*сердито*). Что ты опять уставилась? Слышала — человек хочет чаю!

Татьяна. А зачем ты кричишь? *(Уходит.)*

Щагин. Вы зря на нее прикрикнули.

Щукин. Ну уж это не ваше дело!

Щагин. Как сказать...

Щукин. Слушайте, хватит валять дурака! Для шуток вы выбрали не очень подходящее время.

Щагин. Так я не щучу. Я хочу вам все объяснить, а вы нервничать начинаете. На жену кричите. И зря вы ей сказали — мол, я — не я! Женщины, они существа слабые. Как-то она перенесет такое?

Щукин. Что именно — такое? Неужели вы думаете, что я поверю этой ерунде?!

Щагин. Сейчас, конечно, не верите, а через минуту...

Щукин. Что будет через минуту?

Щагин. А вот что... *(Лезет в карман, достает белую бороду и усы, приклеивает их себе на лицо, после чего подходит к стене и становится рядом с портретом академика Щукина.)* Похож?

Щукин замер. Только взгляд его испуганно перебегает с лица Щагина на портрет отца. В эту минуту входит Татьяна, неся на подносе чайник и чашки. Увидев Щагина, она останавливается.

Татьяна *(улыбаясь)*. Андрей Петрович, здравствуйте! Я не видела, когда вы вошли... *(Вглядывается в Щагина, лицо ее выражает растерянность. Мужу.)* Андрей, кто это?

Щукин. Идиотский вопрос! Разве ты сама не видишь? Поставь чай и иди к себе.

Татьяна *(сердито)*. Может, ты наконец объяснишь, что у нас в доме происходит?

Щукин. Когда выясню, я тебя позову. А теперь иди. *(Тихо.)* Очень тебя прошу, Танюша.

Татьяна ставит чай и, испуганно поглядывая на Щагина, уходит.

Послушайте, Щагин, кончайте маскарад и садитесь.

Щагин. С удовольствием. *(Снимает бороду и усы, пододвигает к себе чашку.)* Позволите?

Щукин. Пейте и объясните наконец, в чем дело.

Щагин. Я только того и хочу. *(Отхлебывает чай.)* Так вот, уважаемый Андрей Андреевич... Вы не против, что я вас по-прежнему буду называть Андреем Андреевичем?

Щукин. А как же еще?

Щагин. Вернее было бы — Олегом Васильевичем, но это пока вас будет путать. Так вот, Андрей Андре-

евич, ровно сорок лет назад мы родились с вами в роддоме номер шесть, что на Песчаной улице. Вы, конечно, не помните этого момента.

Щукин. А вы помните?

Щагин. Разумеется, нет, но сие установлено документально. Итак, сорок лет назад в этот самый день в роддоме номер шесть родились два мальчика: один — у жены молодого и талантливого ученого Андрея Петровича Щукина, другой — у жены не очень молодого и уж совсем не талантливого домоуправа Щагина Василия Ивановича. Каждый из мальчиков весил три кило восемьсот граммов. Исходные данные вам ясны?

Щукин. Какие данные?! Говорите понятней!

Щагин. Я бухгалтер, Андрей Андреевич, и я люблю точность. Так вот, каждый из нас — а этими мальчиками, как вы уже смекнули, были мы с вами — весил три восемьсот. Это очень важно, потому, знаете ли, что на бирочках, которые надевают на ручку младенцу, пишется вес его, фамилия матери, ну еще пол. Вес у нас был одинаков, пол — само собой, а фамилии похожи. Щукин — Щагин, Щагин — Щукин. Малограмотный человек легко спутает, верно? А на наше несчастье, медсестра, что командовала нами в палате новорожденных, была не очень грамотной девицей. Она-то нас и перепутала. И вот вас, Олега Щагина, унес к себе домой мой отец, будущий академик Щукин, а меня, Андрея Щукина, утащил к себе папаша ваш, Василий Щагин, царство ему небесное.

Щукин (*скептически улыбаясь*). И кто ж вам поведал эту леденящую душу историю?

Щагин. Сама медсестра... Та, что перепутала. Варварой ее зовут. Варвара Куницына. Ошибку она обнаружила спустя пару дней после нашей выписки. Тут же, конечно, хотела пойти к родителям нашим, да не решилась.

Щукин. Это почему же?

Щагин. Испугалась ответственности. В общем, струхнула Варвара и промолчала... И много-много лет хранила эту тайну, хотя совесть мучала ее по ночам... И кары небесной боялась, ибо она женщина набожная.

Щукин. Имейте в виду, что я ни слову не верю!

Щагин (*не слушая его*). А год назад Куницына разыскала меня, упала в ноги и покаялась. И я стал искать вас. И вот нашел...

Щукин встает, задумчиво ходит по комнате. Щагин пьет чай.

Щукин. Послушайте...

Щагин. Если вам трудно называть меня «товарищ Щукин», называйте просто Андреем...

Щукин *(зло)*. Перестаньте юродствовать! Вы никакой не Щукин, и никогда им не будете... Все это — плохо придуманная афера! Приходите первого апреля — вместе посмеемся!

Щагин. Куницына жива. Она на любом суде свой рассказ повторить может.

Щукин. А почему я должен верить какой-то выжившей из ума старухе?! Все равно это никакое не доказательство.

Щагин. А это? *(Снова прикладывает к лицу усы и бороду.)*

Щукин. Бросьте эти штучки! Я тоже так могу! *(Выхватывает усы и бороду, приклеивает их себе на лицо.)* Ну?!

Щагин *(с улыбкой)*. На старика Хоттабыча смахиваете...

Щукин *(подбегает к зеркалу)*. Ничего подобного! Очень похож на отца.

Щагин. Наверное!.. Хотите, я вам сейчас фокус покажу? *(Имитируя съемку фотоаппаратом.)* Посмотрите-ка сюда! Сейчас птичка вылетит! Внимание! Оп!! Готово! *(Лезет в карман, достает фотографию)*. Снимочек получите!

Щукин *(разглядывает фотографию)*. Кто это?

Щагин. Папаша ваш, Василий Щагин. Как две капли!

Щукин *(растерянно)*. Это все равно... не имеет значения!

Щагин. Конечно! Но согласитесь, что как-то неладно получается: вы на него похожи, а я — вылитый академик Щукин! С чего бы?

Щукин. Ну и плевать на это! У меня есть друг — вылитый Чарли Чаплин, однако он же не лезет к нему в сыновья!

Щагин. Кто знает... может быть, и напрасно... *(Встает.)* Ладно! Есть еще одно доказательство. У сына Щукиных при рождении была обнаружена крупная родинка на левом боку. Об этом записано в истории родов. Мама знала про нее, но забыла, а вспомнив, данную родинку на теле сына не обнаружила. Она спросила врача, а тот сказал, что родинка, очевидно, сошла... *(Многозначительно.)* Но родинки не сходят!! Прошу убедиться!

(С торжествующим видом поворачивается боком к Щукину и задирает рубашку.)

Щукин разглядывает родинку. Из соседней комнаты выходит Татьяна. Увидев мужа в бороде и усах, а гостя — с задранной рубашкой, она в ужасе замирает.

Татьяна. Что это?!

Щагин. Пардон! *(Поспешно приводит себя в порядок.)*

Щукин *(кричит)*. Татьяна, уйди!

Татьяна *(кричит)*. Я хочу знать, что здесь происходит!

Щукин. Ничего не происходит. Мы просто беседуем.

Татьяна. Беседуете? А почему ты в таком виде, и почему ты смотришь туда?..

Щукин *(снимая усы и бороду)*. Танюша, милая, иди к себе... Я тебе потом все объясню. У меня очень важный разговор.

Татьяна *(всхлипывая)*. Андрей, что случилось? Кто этот человек? Что ему от нас надо?!

Щукин *(выпроставивая ее)*. Только не надо расстраиваться. Ничего особенного не происходит. Это мой старый друг, у меня с ним деловой разговор.

Татьяна *(всхлипывая)*. Ты врешь!

Щукин. Ну, вру... Ну какая разница? Ну посиди немного у себя в комнате. Я тебя очень прошу...

Татьяна *(с ненавистью глядя на Щагина)*. Если он опять будет раздеваться...

Щукин. Не будет! Зачем ему? Ну что он, ненормальный? Я все тебе потом объясню. *(Закрывает за ней дверь.)*

Щагин *(глядя вслед Татьяне)*. Бедная женщина. Такое, конечно, может потрясти... А кабы она знала, что впереди...

Щукин. Послушайте, Щагин...

Щагин *(поправляя)*. Щукин!

Щукин *(решительно)*. Нет, Щагин!

Щагин. Господи, да неужели вы все еще не верите?

Щукин. Это не имеет значения, верю я или нет!

По паспорту вы — Щагин!

Щагин. Ну предположим.

Щукин. Так вот, Щагин, если даже поверить, что во всем, что вы здесь рассказали и показали, есть хоть десять процентов правды, то вы должны понимать, что это дело не шуточное!

Щагин. Да уж какие тут шуточки!

Щукин. Меня интересует, что вы собираетесь делать.

Щагин. Это вопрос сложный. Я год над ним голову ломал. Не так-то легко в нашем возрасте вдруг узнать, что ты не тот Федот. Папа, оказывается, тебе не папа, мама — не мама, жил ты, оказывается, в чужом доме, а в твоём-то доме вырос чужой мальчик, и твои родители ему варенье на хлеб мазали... Когда эта старушка Куницына мне все рассказала, я ведь чуть умом не тронулся! Убить ее хотел... Ей-богу! А все почему: жизнь свою вспомнил... Жизнь свою, которую прожил по вашей вине...

Щукин. При чем здесь я?

Щагин. Согласен! Вы ни при чем, хотя, родись вы с другим весом или с другой фамилией...

Щукин (*перебивая*). Вы тоже могли родиться с другой фамилией!

Щагин. Конечно! Наконец, я или вы могли родиться девочкой — и все! Каждый был бы на своем месте! А так вы украли мою биографию и взамен подсунили свою. А ваша судьба, которая на мою долю выпала, была нелегкой. Ох нелегкая это была жизнь, Щагин!

Щукин (*жалобно*). Не называйте меня Щагиным, умоляю...

Щагин (*сердито*). Не нравится? А мне-то не приходилось выбирать. Я был Щагин, сын Василия Щагина — и точка! И никаких вариантов! Вася Щагин, ваш уважаемый папаша, был мужчиной свирепым и к тому же алкоголиком. Ух и лупцевал же он меня под пьяную руку! И мамашу вашу терроризировал, прекрасную, между прочим, женщину... Фотографию хотите посмотреть?

Щукин (*нерешительно*). Покажите...

Щагин (*доставая фотографию*). Вот тут вся семейка... Вот — я, вот — мама, вот — папаша. Здесь он еще молодой!

Щукин. Ну и физиономия!

Щагин. Да нет, физиономия как физиономия! На вашу похожа.

Щукин. Бросьте! (*Подбегает к зеркалу.*) Ничего общего!

Щагин. Чего уж тут отказываться, Щагин? Дело не в физиономии! Характер у него был поганый. И меня он не любил, хотя и не чувствовал во мне чужого... «Я, — говорил он мне часто, — шельма! И ты, Олег, шельмой растешь! И я тебя пороть буду, потому как себя мне пороть несподручно!» И ведь порол! Из дому я часто убе-

гал, учился плохо... Да бросьте вы в зеркало-то смотреться! Я ведь вам вашу жизнь рассказываю... Ну вот. Потом работал. Работать приходилось много. Мать болела часто, отец совсем спился... Окончил бухгалтерские курсы, бухгалтером несколько лет штаны просиживал. Потом счет липовый подписал. Судили. Защитник на суде, между прочим, заявил, что я рос в трудных условиях. Все равно два года дали. Вернулся — мама умерла, а отец живуч — на шее сидел. Только три года назад прибрал его господь... А у меня вся жизнь поломана. Ни семьи, ни детей, работаю бухгалтером в домоуправлении... По отцовской линии пошел... *(Пауза.)* Ну как, нравится?

Щукин. Да, не очень веселая история. Однако я не понимаю: к кому у вас претензии? В конце концов, человек сам кузнец своего счастья!

Щагин. Это верно. Только когда ты жизнь куешь, а не она тебя! *(Оглядывается комнату.)* Вы-то, я вижу, много себе наковали...

Щукин. Слушайте, Щагин... Щукин, ну, в общем, как хотите, давайте начистоту! Что вам от меня угодно? Я ведь не думаю, чтоб вы пришли просто так, испортить мне день рождения.

Щагин. У меня сегодня тоже день рождения.

Щукин. Я помню! И потому, хотя я по-прежнему не очень верю всему вашему рассказу, но, чтобы не травмировать себя, жену, не дай бог, отца, я готов сделать вам соответствующий подарок... Сумму вы сами назовите!

Щагин. Что вы, я не за деньгами пришел... И к отцу моему не пойду. Хотя была мысль, честное слово! Первое, что в голову пришло: найду отца, упаду ему на грудь, заплачу, закричу: «Папочка!»

Щукин *(испуганно)*. Вы что? Решили убить старика?! Ему скоро семьдесят, у него гипертония — и вдруг такое сообщение! Вы что?

Щагин. Ну-ну, не волнуйтесь! Я говорю — мысль была! Но потом, когда про вас справки навел, подумал: нельзя! Академик, светило, лауреат всех премий, — нельзя! Нельзя убивать: растили вы, мол, Андрей Петрович, подкидыша!

Щукин. Я попросил бы...

Щагин. Я и говорю — нельзя! Да и вас жалко. Молодой ученый, директор научного института, жизнь, можно сказать, как стеклышко — и вдруг!

Щукин. Так какого же черта вы пришли?

Щагин. Обидно стало! Год терпел, а тут обидно сделалось... Сорок лет мне сегодня, а за душой ничего! А у вас сорок лет — и телеграммами стол завален... А ведь это я мог быть! Вот так бы в халате сидел, и жена мне у телефона трубку снимала. А вот нет ничего этого! Почему? За что? Чем я виноват?

Щукин. Ну а я-то чем виноват?

Щагин. Так я вас и не виню. Я справедливости требую. Что ваше — то ваше, а что мое — то мое!

Щукин. Не понимаю!

Щагин. А тут и понимать нечего... Я к вам не за подающим пришел и жизнь вашу калечить не собираюсь! Оставайтесь тем, кто вы есть, каким к вам люди привыкли... И что вы сами добыли, то пусть с вами и будет, а что уж Щукину принадлежит, то, будьте добры, Щукину и верните!

Щукин. Бред какой-то...

Щагин. Почему бред? Ведь даже на суде наследство законным наследникам возвращается...

Щукин. Какое наследство? Вы сами не знаете, чего хотите...

Щагин. Я хочу разобраться, что здесь ваше, а что мое!

Щукин. Вашего здесь ничего нет!

Щагин. Как так? А мы поищем... (*Берет со стола телеграмму.*) «Щукину Андрею Андреевичу. Поздравляю славным сорокалетием. Желаю здоровья, счастья, успехов поприще науки. Академик Востряков». Вот видите, мне телеграмма... Да еще от такого человека...

Щукин. Вы это серьезно считаете?

Щагин. А то как же? Написано: «Щукину Андрею Андреевичу».

Щукин (*кричит*). Да поймите вы, черт вас возьми, что это меня поздравляет Востряков, меня!! Меня — ученого, директора института...

Щагин. Ой ли? Вы же прекрасно знаете, что он вас как ученого ни в грош не ставит! И как директора не очень любит. Он просто ценит отца, академика Щукина. Старика не хочет обидеть Востряков... И поздравляет сына Щукина, а сын — это я, и телеграмма — мне!

Щукин (*несколько растерянно*). Вы, я вижу, зря год не теряли...

Щагин. А как же? Я все справочки про вас навел... Все выяснил.

Щукин. Послушайте, а что если мне позвонить в милицию?

Щагин. Для чего?

Щукин. Для того чтобы сказать, что ко мне явился аферист, который шантажирует, покушается на мою собственность...

Щагин. Ай-ай, как нехорошо, гражданин Щагин! Вы же прекрасно понимаете, что это не так... Ничего вашего, вы меня понимаете, вашего мне не надо! А в милицию я и сам могу позвонить... Моя милиция меня бережет!.. Они помогают искать потерявшихся родственников. Газеты читаете? Ну вот! Мать ребенка во время войны потеряла, а милиция через тридцать лет его находит. А я-то не на войне потерял. Я — жертва мирного времени...

Щукин. Ну хватит, затащили старую песню... Если вам так нравится эта телеграмма, берите ее себе на здоровье...

Щагин. И возьму! И остальные посмотрю... *(Подходит к столу, перебирает телеграммы.)* Эта тоже мне... Эта — тоже... мне... Это вам... Это мне!.. Мне! *(Раскладывает телеграммы на кучки.)*

Щукин. Как же, интересно, вы их распределяете? По какому принципу?

Щагин. А здесь все просто... По первым словам... «Уважаемый Андрей Андреевич...». «Милый Андрей Андреевич...». Это все мне... «Родной Андрюша...» — это вам. Ваш дружок прислал...

Щукин. Ах вот как? Ну, ладно... Что вам еще нужно? Только поскорее.

Щагин. Не надо торопиться. У нас разговор долгий... Вы бы халатик-то сняли!

Щукин. Что?!

Щагин. Мой халатик-то, поди...

Щукин. Ну, знаете ли, это уже наглость... Халат действительно подарен мне отцом, но не собираетесь же вы забрать все его подарки?

Щагин. Почему не собираюсь? Очень даже собираюсь!.. Халат подарен папой сыну... Вы к этому никакого отношения не имеете! Давайте халатик, давайте.

Пауза.

Щукин *(снимая халат, зло)*. Берите, берите, жулик!

Щагин *(надевая халат)*. Зачем же вы меня оскорбляете все время? Ведь обижусь, ей-богу, обижусь!

И ничего мне тогда от вас не надо, а просто пойду к отцу, упаду на грудь...

Щукин. Хватит! Я это уже слышал...

Щагин. Вы слышали, а папа нет.

Щукин. И, надеюсь, не услышит?.. Вы же обещали!

Щагин. Ну, обещал!.. Только и вы ведите себя... в пределах! А то — жулик, аферист! Что это такое?.. Надел чужой халат — и еще обзывается!

Щукин (*смущенно*). Извините!

Щагин. То-то! (*Садится на место Щукина за письменный стол.*) Давайте-ка спокойно, без темпераментов, как говорится...

Телефонный звонок.

(*Снимает трубку.*) Алло!.. Щукин слушает!.. Кто?.. А... Ну спасибо, спасибо... Да, сорок лет, сорок лет... Немало уже!.. Что?.. Почему голос изменился? Охрип малость... Да! Отец ничего, спасибо... Только из Лондона прилетел. Чувствует себя неплохо, хотя, конечно, в его возрасте такие перелеты... Ну, обнимаю вас... (*Кладет трубку.*)

Щукин. Кто это звонил?

Щагин (*небрежно*). Да так... мне!

Из соседней комнаты появляется Татьяна. Некоторое время смотрит на Щагина в халате, потом на мужа.

Щукин (*жене*). Судя по твоему лицу, ты подслушивала?

Татьяна. Вы так кричали...

Щукин. Ну что ж, тем лучше! И что ты на это все скажешь?

Татьяна (*упавшим голосом*). Не знаю...

Щагин. Я, конечно, извиняюсь, Татьяна Григорьевна, за свое вторжение, но поставьте себя на мое место...

Щукин. Хватит того, что вы уже поставили себя на мое.

Татьяна (*мужу*). Андрей, пусть этот человек берет все, что хочет, и скорее уйдет.

Щукин. Я тоже так считаю. Но какие гарантии, что, забрав вещи, он не придет еще?

Щагин. Никаких гарантий, никаких... Да и вещи-то мне особенно не нужны.

Щукин. А что же вам нужно?

Щагин. Успеха хочу... Признания общественного. Как это говорится, покоя сердце просит... Не было этого

ничего у меня. А ведь сорок лет уже, полжизни проскочил не останавливаясь...

Щукин. Не понимаю, как вы это можете взять? Это заработать надо, голубчик! Заслужить! Понимаете? Не по тюрьмам сидеть, а заработать!

Щагин (*обиженно*). И не стыдно вам?

Щукин. Мне еще должно быть стыдно? (*Сжимая кулаки.*) Ух, моя бы воля!..

Щагин. Только не вздумайте меня ударить или, не дай бог, убить!

Щукин (*мрачно*). Мысль неплохая...

Татьяна. Перестань, Андрей! (*Щагину.*) А вы, пожалуйста, не тяните за душу. Что вам надо?

Щагин. Я и хочу перейти к делу, а он психует... У меня тут составлен небольшой списочек... (*Достает из кармана список.*) Так сказать, реестр незаслуженных заслуг...

Щукин. Интересно, что вы там понаписали... (*Протягивает руку.*)

Щагин (*отводит руку со списком*). Не спешите... Я прочту все по порядку... Итак, начнем со школы... Вы ее, как выяснилось, кончили с серебряной медалью... Прощу медаль!

Щукин. Это с какой же стати?

Щагин. Учились вы, Щагин, так себе... Средненько! Способностями особенно не отличались. Отцу приходилось постоянно нанимать для вас репетиторов, вы это хорошо помните. Общими усилиями сын академика Щукина получает серебряную медаль... Я ничего не придумал!

Щукин молчит.

Татьяна. Вам-то эта медаль зачем?

Щагин. Повешу над столом, буду смотреть... Ведь я бы ее тоже получил! Я, кстати, учился не хуже.

Щукин. Что ж, по-вашему, в ней нет ни капли моего труда?

Щагин. Есть, конечно... Но переписать-то готовое сочинение на экзамене и я бы смог!

Татьяна (*мужу*). Ты переписывал готовое сочинение?

Щукин. Я не собирался... Но сама учительница подсунула мне чью-то старую тетрадку...

Татьяна (*мрачно*). Отдай ему медаль!

Щукин (*удивленно*). Татьяна, ты что?

Татьяна. Отдай ему медаль!

Щукин (*растерянно*). Ну пожалуйста! Раз ты тоже такого мнения. Пожалуйста! Я, правда, не знаю, где она...

Щагин. Наверное, где-нибудь в столе... Там же, где диплом с отличием.

Щукин. Надеюсь, диплом вы не потребуете?

Щагин. С дипломом сложнее... Диплом, конечно, ваш, как и всякого, кто институт окончил... Но тут с отличием заковыка! Вы помните, кто был председатель экзаменационной комиссии? Профессор Банников, ближайший друг академика Щукина... (*Берет со стола телеграмму.*) Вот от него поздравление... (*Читает.*) «Успехов во славу науки»... Замечает? Не «славу», а «во славу»!.. Это он теперь пишет! А тогда он подсаживался к экзаменаторам и, кивая на вас, шептал им на ухо всякие слова... (*Решительно.*) Диплом придется тоже конфисковать!

Щукин. Я все понял! Вы — психически ненормальный человек! И к тому же садист!!

Щагин. Опять?.. Ну, ладно! Ничего мне не надо! (*Пододвигает к себе телефон, набирает номер.*) Алло! Щукина можно к телефону?

Щукин (*нажимая рукой на рычаг телефона*). Прекратите! (*Несколько заискивающе.*) Зачем вам диплом? Что вы с ним собираетесь делать?

Щагин. Повешу на стене.

Щукин. Опять на стене!.. Что они вам дались, эти стены?!.. Как ребенок малый, честное слово... Купите эстамп и вешайте! А ведь это диплом! Там фамилия стоит — Щукин. Понимаете? Вы фамилию менять не собираетесь?

Щагин. Вообще-то нет, но сегодня — да! Послушайте, Олег Васильевич, и вы, Татьяна Григорьевна! Я не сумасшедший и, конечно, не собираюсь брать у вас все это навсегда!.. Но сегодня мне сорок лет и ему (*кивок в сторону Щукина*) тоже... Он сегодня на банкет идет! Там будут сидеть всякие знаменитые люди, пить за его здоровье, говорить ему всякие красивые слова... А мне что? Что у меня будет? Придут два-три соседа да еще начальник ЖЭКа. Хлобыстнем мы водки, сожрем закуску да затынем «Хазбулат удалой...». И скажет кто-нибудь — уж это факт, что скажет: «Эх, Щагин, душа из тебя вон, прожил ты сорок лет, а достиг чего?» Обидно мне, а? Обидно! Что не так у тебя все сложилось, как стоишь ты... Как подумаю я об этом, граждане, так у меня сердце останавливается... И вот я решил: не будет так сегодня! Сорокалетие свое отмечу при всех регалиях! Все мое чтоб со

мной сегодня было! Чтоб гости мои сегодня с уважением на меня снизу вверх смотрели... Отгулять раз, а там, дальше пусть все по-старому: домоуправление да комната уютная...

Щукин (*с некоторым облегчением*). Так вы это все на один день? Странный каприз, конечно, но все-таки можно понять... Татьяна, ты как считаешь, а? (*Лезет в стол.*) Вот возьмите... раз уж вам так хочется покрасоваться перед друзьями... Медаль, диплом...

Щагин (*заглядывая в ящик*). И вот эту... коричневою... с золотыми буквами...

Щукин (*передразнивая*). «С буквами!» Да вы знаете, что это?! Это диплом доктора наук! И диссертацию защищал я!

Щагин. А мог — я! Тему-то папа предложил, разработали ее в папином институте... Оппоненты тоже свои люди...

Щукин (*жене, ища поддержки*). Каков, а?

Татьяна (*глухо*). Отдай.

Щукин. Да вы что, сговорились? «Отдай», «отдай»! Он так всю квартиру заберет!

Щагин. О квартире разговор особый...

Щукин. Ах, вот вы на что замахиваетесь? Ну, нет! Дудки! Это не получится! Квартиру мне выдал горсовет! На законных основаниях... (*Жене.*) Ну, что ты молчишь? Что ты так улыбаешься?.. Ну да, отец, конечно, помог... Он ходатайствовал... (*Зло.*) Татьяна, я не понимаю твоего молчания! Ты, что же, согласна, чтоб этот человек пригласил в наш дом своих дружков-пьяниц? Да они здесь всё переломают на радостях!

Татьяна. Не знаю, Андрей! Ничего не знаю... Оставьте вы меня в покое!

Щукин. Странно ты ведешь себя, Таня, странно... У меня такое впечатление, что тебе нравится мой стриптиз... (*Щагину.*) Ну что ж, товарищ Щукин, ваша взяла... Располагайтесь поудобнее, почувствуйте себя здесь как дома... Ванная — налево, кухня — направо... В холодильнике есть вино и еда! Вот магнитофон, можете включить... Я его в Японии купил, на свои командировочные, но командировку-то мне папа устроил... Так что можете крутить не стесняясь... (*Усмехнувшись.*) Нам с Татьяной сейчас уйти, или вы разрешите немного задержаться в вашей квартире?

Татьяна. Я лично никуда не пойду/

Щукин. То есть как?

Татьяна. Я — жена Щукина. Значит, мне со Щукиным и оставаться.

Щагин (*удивленно*). Как вы сказали?

Щукин (*подходя к жене*). Ты что? Танюша, что с тобой? Ты думаешь, что говоришь?

Татьяна. Он взял все, что тебе не принадлежит.

Щукин. Но ты-то здесь при чем?

Татьяна. Я при всем, что у тебя было.

Щукин. Но ты любила меня и вышла замуж за меня, а не за Щукина!

Татьяна. А ты? Разве ты сам решил этот вопрос? Нет! Отец выбрал для тебя невесту — дочь своего друга... Славу богу, что это оказалась я!..

Щукин (*кричит*). Татьяна! При постороннем!!..

Татьяна. Он не посторонний, он сын Щукина!

Пауза.

Щукин (*устало*). Ну вот и все! (*Щагину*.) Надеюсь, ваш список кончился, Андрей Андреевич? Нечего больше взять у меня. Все! Голенький я, как сорок лет назад, когда родился. Ничего у меня своего нет... Разве что паспорт? (*Бросает паспорт Щагину*.) А вы и его возьмите! Там тоже ничего моего... Ни имени, ни фамилии, ни прописки... Только день рождения! Так и то не моя заслуга... Куда ж мне теперь? В домоуправление? А? Завидная вакансия открылась! Работа тихая, честная, никаких интриг... Сиди, считай... (*Щагину*.) Вам-то теперь это ни к чему? Правда? Зачем? У вас все будет: дом, супруга верная... (*Зло*.) Только вы ей родинку покажите, а то не полюбит!!! (*Уходит в другую комнату*.)

Щагин и Татьяна остаются вдвоем.

Щагин (*недоверчиво смотрит на Татьяну*). Вы чего-то странное сказали, Татьяна Григорьевна.

Татьяна. А что? Вы недовольны? Вы мечтали получить все щукинское...

Щагин. Но это уж слишком... Перегиб получается.

Татьяна. Почему? Придут ваши гости. Как же можно без хозяйки?.. А тут выйду я в платье из Парижа... Муж подарил... А так бы вы подарили!

Щагин. Зачем же так? Это насмешка.

Татьяна. Почему насмешка?.. Все — как вы хотели! Веселый вечер будет... Придут ваши гости, сядут за стол, всякие слова говорить станут, а вы им ворованные регалии показывать станете...

Щагин. Ну-ну, бросьте... Я ничего не воровал...

Татьяна. Вот как? А разве присвоение украденного не есть воровство? Дипломом хотели похвастать, медалью... А медаль-то ничья! Не его, но ведь и не ваша...

Щагин. Моя! И я бы мог переписать сочинение... Да и я сам мог бы. Писал же в школе. Сам!

Татьяна. Дурак вы, Шукин! Ну, конечно, могли бы... Только радость в этом какая?.. Стали бы вы от этого счастливей?

Щагин. Не пойму я, про что вы...

Татьяна. Не понимаете? Сейчас объясню... Садитесь-ка поудобнее, примите важный вид... Считайте, что ваш банкет начался... Льетса шампанское, звенят бокалы, один за другим встают ораторы... «Уважаемый Андрей Андреевич, от всей души поздравляем вас... Ваш вклад в науку поистине неоценим! Ваш выдающийся талант всегда восхищал всех тех, кому выпало счастье работать вместе с вами! Тупица вы, проходимец несчастный!»

Щагин. Э, так не говорят!

Татьяна. Но так думают... И не надо быть особенно догадливым, чтобы понимать это... И он (*кивок в сторону комнаты, в которую ушел муж*) понимал... И мучался в душе, хотя с самым самодовольным видом пытался мне доказать, что все правильно в его жизни... А я подходила к нему, так же как сейчас подхожу к вам, и целовала его... (*Целует Щагина.*)

Щагин (*вырываясь*). Ну будет, будет! Тоже мне, игрушку нашли!

Татьяна. Не нравится?! Не радуется нежность нелюбимой женщины?! А он терпел!.. И вы терпите!.. Вы, что ж, одни блага хотели получить? Нет, голубчик, вы уж все возьмите... Думаете, он не понимал, что с ним, как он живет? Понимал! Только виду не подавал, потому что так легче... Но он всю жизнь боялся, что придет вдруг такой, как вы, и предъявит счет... Он все время ждал вас, Шукин! И жил с этим страхом... Вы-то, сдуру, ему позавидовали, а вам бы посочувствовать... Я вот вам сочувствую, потому что будете вы сегодня веселиться, а в то же время со страхом на дверь поглядывать, как бы не вошел какой-нибудь Щёкин или Щакин и не спросил: «А вы, собственно, по какому праву здесь?! Что вы есть сами по себе?!..» А вы — ничто! И винить в этом некого...

Пауза.

Щагин (*снимая халат*). Пойду я, пожалуй!

Татьяна (*безразличным тоном*). Да уж оставайтесь!

Щагин. Нет, пойду... Ни к чему мне это!.. (*Берет паспорт Щукина, рассматривает.*) Эх, Щукин Андрей Андреевич! Какой ты здесь симпатичный... Приклеила печать твою физиономию к этой обложке, ты и поверил, что это все! (*Читает.*) «Год рождения — тысяча девятьсот тридцатый. Место рождения...». Татьяна Григорьевна, муж ваш где родился?!

Татьяна изумленно смотрит на него.

Ох ты боже мой, как же так? Мне в справочной сведения дали!

Татьяна (*кричит*). Андрей! Андрей! (*Убегает в другую комнату.*)

Щагин (*быстро надевая свой пиджак*). Бежать надо!.. (*В зал.*) Где же мой Щукин? А может, он и не Щукин, а Щёкин?!.. (*Убегает.*)

Из соседней комнаты выбегают Щукин и Татьяна.

Щукин (*оглядывая комнату*). Сбежал? Ах аферист! Ах мерзавец! Но я-то хорош! Испугался, нюни распустил, все ему выложил на блюдечке!.. Ты знаешь, Таня, я ведь и вправду ему поверил... Господи, надо ж быть таким кретинком... (*Смеется.*) Родишку рассматривал! Ну как тебе нравится, а? (*Хватает со стола усы и бороду, прикладывает к лицу.*) Старик Хоттабыч! Анекдот! Рассказать кому-нибудь — не поверят... (*Замечает на столе список.*) Вот он, списочек! Забыл... (*Недоуменно вертит список в руках.*) Да он же пустой! Татьяна, видишь, бумажка чистая. Ну, наглец! Танюша, он даже вызывает во мне восхищение! Наглый, но неглупый... Совсем не глупый! (*Надевает халат, садится за стол.*) Как убедил! Просто гипноз какой-то... (*Жене, строго.*) Но твое поведение в данной ситуации... Некрасиво, Татьяна Григорьевна. Я учитываю, конечно, необычайность момента, но все-таки... Хотя я сам-то хорош... Во все поверил!.. Черт возьми, почему это самым достоверным всегда кажется самое невероятное...

Телефонный звонок.

Татьяна, телефон!

Татьяна не двигается с места.

Татьяна, ты же слышишь? Те-ле-фон!!

Татьяна молча смотрит на мужа.

Ну, знаешь... *(Протягивает руку к телефону.)*

Татьяна. Не снимай трубку!

Щукин. Почему?

Татьяна *(твердо)*. Не снимай!

Щукин. Но ведь это, может быть, нужный человек...

Татьяна. Поэтому и не снимай!

Телефонный звонок.

Щукин. В конце концов, неудобно... Человек звонит!

Татьяна. Ничего. Решат, что тебя нет дома...

Щукин *(возмущенно)*. Но ведь я-то дома!

Татьяна. Ты в этом уверен?... *(Вызывающе смотрит на мужа.)*

Под этим взглядом Щукин как-то сразу сникает, садится за стол, обхватывает голову руками. Татьяна садится напротив. Так они и сидят молча. А телефон все звонит и звонит...

Хочу харчо!

(Сценка)

Зал ресторана. За столиком старик туркмен рассматривает меню. Возле него со скучающим видом стоит официантка.

Официантка. Что есть будем?

Старик. Хочу харчо!

Официантка. Нету харчо!

Старик *(кивает головой, смотрит в меню)*. Хочу харчо!

Официантка. Нету харчо. Бульон возьмите...

Старик *(с трудом произнося русские слова)*. Нет... нужен... Хочу харчо...

Официантка. Нету харчо! Нету, дедушка! Там в меню написано «харчо», но это не значит, что есть харчо! Меню старое! Прошлогднее меню! Заказали мы новое меню, но из типографии пока не прислали... У них с бумагой перебой... Они лимит бумаги выбрали!.. Вот квартал кончится — и будет бумага...

Старик *(не понимая)*. Не хочу пумага! Хочу харчо!

Официантка *(начиная нервничать)*. Какое харчо, дед, что ты пристал?!.. Харчо из баранины делают, а баранину сегодня не завезли!.. Понимаешь? Не прислали с базы баранину... Говядину прислали!.. Вернее, свинину!

А насчет баранины наш директор звонил на базу тому директору, но того директора нет... Его в управление вызвали... Понимаешь?! Вызвал управляющий управлением...

Старик. Не надо управление... Хочу харчо!

Официантка (*выйдя из себя*). Ты что, дед, издеваешься, что ли?! Объясняют же тебе: нету харчо!

Появляется директор ресторана

Директор. В чем дело?

Официантка. Да вот, товарищ директор, старик здесь один попался... Из Азии!.. По-русски ничего не понимает. Заладил: «Хочу харчо!.. Хочу харчо!..» Я ему объясняю: «Нету харчо! Возьмите бульон!» А он опять: «Хочу харчо!»

Директор. Спокойно! Сейчас объяснимся!..

Старик. Хочу харчо!

Директор. Нету харчо, дедушка! Там в меню написано «харчо», но меню старое...

Официантка. Да я уже говорила про меню... И про типографию говорила... И про бумагу...

Директор. А про то, что с базы баранину не завезли?

Официантка. Говорила... И про управление говорила...

Директор. Да подождите вы, гражданин, со своим харчо!.. Харчо готовить надо уметь, а у нас сегодня не тот повар!..

Официантка (*старик*). Клягин сегодня работает, а не Цугульков...

Директор. Абсолютная правда... Понимаете, дедушка, Клягин сегодня работает... Клягин!

Старик (*кивая головой*). Клягин...

Директор. Вот именно... А Клягин не умеет харчо... Он молодой еще, практикант... Он только яичницу умеет делать и бульон...

Старик. Нет бульон... Хочу харчо!

Директор (*нервно*). Да в том-то и дело, что Цугульков, который умеет делать харчо, — он отгул взял... У него жена рожает...

Официантка (*старик*). В роддоме она... Понимаешь?.. В роддоме...

Старик. В роддоме... (*Кивает головой*.)

Директор. А Цугульков нервничает... Он даже запил из-за этого...

Официантка. Там двойню предсказывают...
Понимаешь?!.. Двойню...

Старик. Не нато тфойня... Хочу харчо!

Директор (*выйдя из себя*). Нету харчо! Нету!..
Не на чем готовить харчо! Плита перегорела! Замкнулось
там что-то... Плюс на минут замкнулся! В общем, сго-
рела плита к чертовой бабушке!..

Официантка. А монтер только завтра придет...
Если придет...

Директор. Есть вторая плита... Но она не для
харчо, плита! Она сама по себе плита!..

Старик. Не нато плита... Хочу харчо!

Директор (*хватаясь за голову*). Пожалей нас,
дедушка... Я человек больной... У меня гипертония... Дав-
ление двести двадцать на сто двадцать семь как в транс-
форматоре... У меня кризы бывают... (*Плачет.*)

Официантка (*плача*). У меня сын-двоечник...
У меня муж-заика!

Старик (*тоже плачет*). Хочу харчо! Хочу харчо!
Хочу харчо!

Директор (*в истерике*). Пусть замолчит! Иначе
я из него харчо сделаю!.. Хочу харчо!!! Бульон будешь?!
Говори: «Хочу бульон!»

Старик. Хочу харчо!

Директор. Хочу бульон!

Старик. Хочу харчо!

Официантка. Хочу бульон!

Старик. Хочу харчо!

Директор и официантка (*вместе*). Хочу
бульон!!!

Старик (*неожиданно*). Хочу пульон!

Директор (*ахнув от удивления*). Что?

Старик. Хочу пульон! Хочу пульон!..

Директор (*вне себя от радости*). Урра! (*Офи-
циантке.*) Маша, дуй на кухню! Ура!

Официантка убегает.

Старик. Хочу пульон!

Директор. Молодец, дедуля! Говори! Говори!..
(*Танцует от радости.*)

Старик. Не хочу танцы... Хочу пульон!..

Директор. Сейчас, мильй, сейчас, роднуля!..

Официантка (*вбегая*). Нету бульона!

Директор. Что?! (*Падает в обморок.*)

Старик. Хочу пульон!

Официантка. Нету бульона... Там в меню написано «бульон», но на самом деле нет бульона... Меню старое... Бумага... Управление... Клягин — Цугульков... двести двадцать на сто двадцать семь... *(Безнадёжно.)* А!.. У меня сил все равно не хватит все сначала... *(В изнеможении опускается на стул.)*

Старик. Хочу пульон! *(Выходит на авансцену.)* Хочу пульон! Хочу, чтобы работали, а не морочили друг другу голову. Так ведь немного хочу, люди! Хочу харчо! Хочу харчо! Хочу харчо!..

Несерьезные мысли о юморе

(Вместо послесловия)

По-моему, вполне, закономерно, что в конце сборника, в который вошли юмористические и сатирические рассказы, фельетоны и сценки, автору отвели место, чтобы он, не прячась за выдуманные им персонажи, а непосредственно от своего имени высказал какие-то серьезные соображения и пожелания читателям.

Чтобы он, как говорится, поделился своими мыслями. Чтоб объяснился, проанализировал, сделал необходимые выводы. Наконец, чтоб извинился, если в чем виноват, чтоб оправдался, если где-то его можно не так понять.

Короче, послесловие предполагалось вдумчивым, солидным, без всяких там хиханек и хаханек.

К тому же редакция, выпускавшая этот сборник, поставила перед автором три серьезнейших вопроса:

Что такое юмор?

Как автор стал профессиональным юмористом?

Зачем ему это было надо?

И вот тут-то, признаюсь, я подвел редакцию. Сколько я ни думал, ни ломал голову, никаких серьезных ответов на поставленные вопросы я не нашел. Потому что серьезно рассуждать о юморе, на мой взгляд, невозможно. Это все равно, что вместо обеда жевать ресторанное меню. Это все равно, что нырять в ванну с аквалангом. Наконец, как говорит один мой знакомый, это все равно, что пить водку по телефону. Одним словом, по-моему, серьезное научное исследование смеха — это чистый абсурд, горячее мороженое, бездымная сигарета, консервированные цветы и т. д. и т. п.

Поэтому я заранее прошу прощения за несерьезность послесловия. Оправдывает меня только то, что я еще достаточно молод, чтобы всерьез чему-то учиться, и недостаточно смел, чтобы рассуждать несерьезно о чем-то, кроме юмора.

Итак, вопрос первый: «*Что такое юмор?*»

Если взять известный толковый словарь В. Даля, то там можно прочитать следующее: «Юмор (слово англий-

ское) — веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, а иногда безобидно выставлять странности обычаев или нравов, удаль, разгул иронии».

Определение не совсем полное, но вполне приемлемое. Однако и оно требует уточнений. Тот факт, что «юмор» — слово английское, вовсе не значит, что до появления англичан человечество не острило. И в Древнем Риме и в Древней Греции юмор уже существовал и высоко ценился по тогдашнему интеллектуально-валютному курсу. Конечно, в то время не могли додуматься до таких грандиозных вещей, как, скажем, журнал «Крокодил» или радиопередача «С добрым утром!», но древние греки и римляне все же шутили в меру своих возможностей. Вспомним хотя бы тот розыгрыш, который устроил Нерон, подпалив Рим, или изящный каламбур Пифагора, заявившего, что «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов».

Но и это еще не начало. В первобытном обществе, на заре человеческой цивилизации юмор тоже существовал, несмотря на тяжелые природные условия. Свидетельством тому является найденный возле Одессы череп улыбающегося неандертальца, а также бытующий до сих пор первобытный анекдот про мужа, уехавшего в командировку на юг, и жену, которая в это поверила.

Вообще, я лично уверен, что юмор возник на земле сразу вместе с появлением человека. Как известно, животные смеяться не умеют. Правда, хохочут шакалы и гиены, но это у них чисто нервное.

Юмор — привилегия «хомо сапиенс»! Юмор, как и труд, способствовал превращению обезьяны в нечто более высокоорганизованное. Человек, став человеком, прежде всего улыбнулся. И когда первый первобытный взял в руку палку, чтобы убивать, то второй, более острый первобытный, взял в руки палку и пошел играть в городки.

Таким образом, проведя этот исторический экскурс, я могу ответить на первый вопрос так: «Юмор есть юмор!»

По-другому его никак не определишь, иначе будет хоть и научно, но не смешно.

Вопрос второй: «Как автор стал юмористом?»

Вряд ли на земле найдется ребенок, который на вопрос: «Кем ты хочешь стать?» — ответит: «Хочу стать юмористом!»

Юморист — отнюдь не романтическая профессия. Она не связана ни с путешествиями, ни с приключениями, ни

с полетами в космосе, ни даже с изготовлением кондитерских изделий.

Юморист по роду своей деятельности ближе всего стоит к часовщику: он тоже по винтикам и колесикам собирает сложный механизм шутки, той шутки, которая, как и часы, должна быть очень точной по времени, не спешить, не опаздывать и по возможности быть водоотталкивающей и противоударной.

Я не собирался быть юмористом. Я собирался стать врачом — и стал им. Закончил медицинский институт, четыре года работал врачом «Скорой помощи». И вот тогда, изучая специальную медицинскую литературу, я обратил внимание на то, что многие врачи указывают на смех как на лекарство удивительной силы.

«Из всех телесных движений, потрясающих тело и душу вместе, смех есть самое здоровое: он благоприятствует пищеварению, кровообращению, испарению и ободряет жизненную силу во всех органах», — пишет в «Макробиотике» Х. Гуфеланд — лейбмедик прусского короля Фридриха.

А вот мнение выдающегося английского врача XVII века Сиденгема: «Прибытие паяца в город значит для здоровья жителей гораздо больше, чем десятки мулов, нагруженных лекарствами».

В справедливости этих слов я убедился на собственной практике. Вспоминаю такой случай: меня вызвали к одной старушке, которая случайно вывихнула себе нижнюю челюсть. Зевнула сладко, и челюсть отвисла! Я уж не помню, отчего это произошло; то ли телевизор она смотрела, то ли книжку скучную читала — не важно! Как говорится, бывает. Одним словом, ее дело — вывихнуть, мое — вправить.

Приезжаю к старушке домой, вижу: вся комната забита родственниками, соседями, сочувствующими. Посредине сидит моя бабушка, рот у нее открыт, в глазах — печаль. Я, естественно, волнуюсь. Вправление вывиха — операция сложная. А тут еще на меня глядят десятки глаз. Сами понимаете — ответственность большая. Но я виду не подаю, что волнуюсь, а, наоборот, очень так солидно и спокойно говорю: «Не волнуйтесь, бабушка, сейчас мы вас мигом вылечим!»

После этого сажаю старушку к столу, поддвигаю себе стул...

Вот тут происходит нечто непредвиденное. Я сажусь мимо стула и со всей силой шлепаюсь на пол. По пути

хватаясь за скатерть со стола, на меня падает графин с водой и ваза с цветами.

Наступила зловещая тишина. Я лежу на полу, облитый водой, засыпанный цветами, и с ужасом понимаю, что моему врачебному авторитету пришел конец. И тут в тишине я вдруг слышу какой-то странный звук: «Хи-хи-хи!». Поднимаю глаза, вижу — это смеется моя старушка. Челюсть у нее сама вправилась и теперь лишь чуть подрагивает от смеха.

Тогда я встаю, спокойно отряхиваюсь и небрежно говорю собравшимся: «Ну вот и все!»

А позднее во врачебном журнале, в графе «проведенное лечение», в той самой графе, где обычно записываются всевозможные инъекции и манипуляции, я написал только одно короткое слово: «Рассмешил».

Этот случай запомнился мне надолго. Конечно, не надо думать, что в дальнейшем я падал перед больными по любому поводу, но чудодейственная сила смеха стала для меня аксиомой.

Я стал писать рассказы, печататься, затем был принят в Союз советских писателей и расстался с врачебным халатом.

Не знаю, приобрела ли от этого что-нибудь наша литература, но то что медицина ничего не потеряла — это точно...

Вопрос третий: *«Зачем ему (то есть мне) это было надо?»* Думаю, что частично я уже ответил на этот вопрос. Хочется добавить, что я по-настоящему счастлив, приобщаясь к большой армии юмористов, от того первого первобытного, который взял палку в руки и пошел играть в городки, до того новорожденного младенца, который завтра появится на свет и вместо традиционного плача вдруг весело засмеется.

Уважаемый читатель!

Раз ты уже дошел до послесловия, то я надеюсь, что ты прочитал и всю книжку. Возможно, она тебе понравилась, возможно, нет.

И то и другое меня вполне устраивает.

Если книжка тебе понравилась, — значит, ты улыбнулся, и я могу быть спокоен, что дефицитная бумага не истрачена напрасно.

Если же книжка тебе не понравилась, то и это неплохо. Потому что когда чей-то юмор не нравится, то он рождает ответный юмор, и каждый может в своих письмах или устно посмеяться надо мной и моими рассказами.

Согласитесь, что в наше время, когда тем для сатириков и юмористов с каждым днем становится все меньше, подкинуть самого себя в качестве объекта для насмешек — это по крайней мере благородно.

Говорят, физиологи подсчитали, что минута смеха продлевает человеческую жизнь ровно на сутки.

Будем же смеяться, и тогда вопрос о нашем долголетии можно считать решенным...

Содержание

Почему повязка на ноге?	5
Чем открывается пиво?..	8
Только для вас!	14
Какая наглость!	17
Вы мне не доверяете?	20
Убийца	22
Почем деньги?	30
«Внимание! Вы забыли набрать цифру «два»...»	32
С праздничком!	35
Ежик	37
Беспристрастное мнение	39
Рассказ о том, чего нет	41
Тигр	44
К вопросу о Державине	48
Брюки товарища Синицына	50
Скрытая камера	55
Хорошее воспитание	57
Когда горит душа...	59
Протекция	61
Новый обычай	66
Мысли гражданина Кравцова:	70
О семейном бюджете	70
О научных открытиях	71
О прелестях городской жизни	72
О всеобщей взаимосвязи	72
Письма гражданина Кравцова:	73
Письмо в Министерство культуры	73
Письмо в Министерство финансов	77
История переписки гражданина Кравцова с редакцией журнала. «Спортивные достижения»	79
Наш фестиваль	82
Массовка	86
«Стоп! На сегодня хватит!...»	88
Приходите в гости!	95
Кто есть кто?	98
Хочу харчо!	119
Несерьезные мысли о юморе	123

Горин Григорий Израилевич

«Хочу харчо»

Редактор Н. Каминская. Художники В. Зуйков, Т. Зуйкова. Художественный редактор Л. Орлова. Технический редактор Н. Еремина. Корректор В. Назимова. Сдано в набор 6/V-70 г. А 08565. Подписано к печати 25/VIII-70 г. Формат 84X108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,817. Тираж 100 000 экз. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Изд. № 14578. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Заказ № 1062. Цена 35 коп.